СТИХОТВОРЕНІЯ

КАТУЛЛА.

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

А. А. Фета.

2-ое изданіе.

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

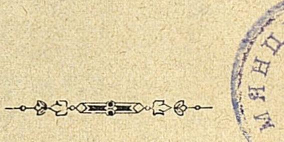
СТИХОТВОРЕНІЯ

КАТУЛЛА.

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

А. А. Фета.

2-ое изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

 Типографія А. Ф Маркса. Средн. Подъяческая, № 1.

Дозволено цензурою. СПБ. 31 марта 1899 г.

Владиміру Сергѣевичу

Соловьеву.

Пусть не забудутся и пусть
Тѣ дни въ лицо глядятъ намъ сами,
Когда Катуллъ мнѣ наизусть
Твоими говорилъ устами.

—

Прости! Лавровому вѣнцу
Я скромной ивой подражаю,
И вотъ Веронскому пѣвцу
Катулломъ русскимъ отвѣчаю.

—

Боюсь, всю прелесть въ немъ убью
Я при такой перекочевкѣ,
Но какъ Катулла воробью
Не расплодиться въ Воробьевкѣ.

Воробьевка.
1885 года, 17-го мая.

Предисловіе.

Примѣняясь къ словамъ нѣмецкаго переводчика Ѳ. Гейзе, посвятившаго многіе годы на изученіе и переводъ Катулла, мы можемъ сказать: мы поставимъ этого римско-русскаго поэта, какъ двуликую герму въ преддверіе нашей словесности. Во внутренніе покои проникаютъ лишь рѣдкіе шаги; лишь на порогѣ желаетъ онъ стоять въ качествѣ привратника, возбраняя излишній приливъ непосвященнымъ и ободряя истинныхъ учениковъ. Вы же, юноши, на которыхъ, какъ на носителяхъ грядущаго, лежитъ между прочимъ и обязанность дальнѣйшаго развитія искусства, благодушно приступите. Полюбите небольшую книжку, если успѣете, и если можно чему-либо изъ нея научиться, то пусть это будетъ то самое, чему старались надъ нею научиться и мы—чтенію поэтовъ.

Если всякій человѣкъ только при помощи постепеннаго опыта и взаимной провѣрки однихъ чувствъ другими пріобрѣтаетъ знакомство съ окружающимъ его видимымъ міромъ, въ которомъ начинаетъ различать добро и зло, то и въ мірѣ искусства невозможно ожидать, чтобы разумѣніе приходило къ намъ при первомъ взглядѣ. Этотъ общій законъ даетъ себя чувствовать всего болѣе въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ произведеніями, возникшими за тысячелѣтія среди жизни намъ чуждой и неизвѣст-

ной. Тутъ самый добросовѣстный переводчикъ помочь не въ силахъ даже благосклонному читателю независимо отъ самостоятельной его работы. Истинное пониманіе столь отдаленныхъ писателей никому не давалось разомъ и непосредственно. Изученіе ихъ всегда представляло рядъ умственныхъ трудовъ, изъ которыхъ послѣдующіе опирались на предыдущіе. И такъ переводчикъ, передавши читателю тотъ общій духовный портретъ древняго поэта, который невольно возникъ въ его душѣ, обязанъ приложить къ тексту перевода благонадежную аріаднину нить объясненій, предоставляя будущему Тезею на собственный страхъ пускаться въ лабиринтъ.

Самого переводчика можно уподобить дерзновенному водолазу, ищущему на днѣ морскомъ сокрытыхъ драгоцѣнностей. Онъ приноситъ лишь то, что въ данномъ случаѣ нашелъ: рѣдкостныя украшенія, перемѣшанныя съ изумительною дрянью, драгоцѣнности, затонувшія при древнихъ кораблекрушеніяхъ, огнецвѣтные, фантастически извѣтвленные кораллы, истинныя жемчужины въ неприглядныхъ раковинахъ; пусть другіе разбираютъ, очищаютъ и употребляютъ въ дѣло. Лично ему остается надежда, что онъ исполнилъ нѣчто болѣе долговѣчное, чѣмъ онъ самъ. Если бы наша литература, подобно иностраннымъ, обладала однимъ или многими буквальными переводами классиковъ, то и тогда явился бы вопросъ: согласились ли бы мы въ угоду извѣстной гладкости современнаго языка перефразировать (читай искажать) древняго поэта. Но въ настоящемъ случаѣ насъ нимало не смущаютъ упреки въ шероховатости, напримѣръ, нашего перевода Ювенала. Такой упрекъ былъ бы совершенно умѣстенъ, если бы мы, подобно величайшему стилисту Пушкину, брались за подражаніе Катуллу, а не за переводъ. Подражаютъ, какъ хотятъ, а переводятъ какъ могутъ.

Равнымъ образомъ не смущаетъ насъ и уныніе знатоковъ при видѣ точно воспроизведеннаго русскаго лица нашей гермы, не имѣющаго бархатнаго налета, придаваемаго мрамору крылàми вѣковъ, налета, которымъ красуется каждая черта латинскаго лица того же Януса. Вообще чѣмъ самобытнѣе и народнѣе поэтъ, тѣмъ менѣе поддается онъ художественному переводу.

Возможно ли переводить Пушкина, у котораго и телятина и яичница, и даже ревматизмъ и параличъ овѣяны невыразимой прелестью? Не вѣрите? Попробуйте сами написать или перевести пушкинскую телятину, и тогда только вы поймете, почему Маколей каждый разъ плакалъ отъ умиленія, читая 8 и 76 пѣсни Катулла. Но изъ невозможности воспроизводить впечатлѣніе оригинала никакъ не слѣдуетъ, что его переводить не должно или надлежитъ искажать. А намъ, какъ нарочно, пришлось имѣть дѣло съ римскимъ Пушкинымъ. Лучше мы не можемъ очертить личнаго и художественнаго характера нашего поэта. Тотъ и другой—свѣтскіе юноши, ищущіе жизненныхъ наслажденій и умѣющіе находить ихъ во всѣхъ предметахъ. Чистыя и честныя натуры, они не опирались на какую-либо сознательную этику, а руководствовались однимъ преемственнымъ чувствомъ. Оба, несмотря на небольшія наслѣдственныя имѣнія, по врожденной безпечности, постоянно нуждались въ деньгахъ, и Катуллъ, не стѣсняясь, бранитъ претора, въ Виѳинской свитѣ котораго ему не пришлось ничѣмъ поживиться; а Пушкинъ добродушно сознается, что:

межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Оба они сознаютъ и называютъ себя поэтами, но не считаютъ себя записными поэтами, какими, напримѣръ, были Горацій, Виргилій или Овидій. Не они искали поэзіи, а она сама налетала на нихъ, безразлично откуда, выры-

вая у нихъ то сладостно-нѣжные и задумчивые, то игриво-забавные, то злонасмѣшливые стихи. Съ какимъ изумительнымъ разнообразіемъ придется встрѣтиться читателю небольшой книги юноши Катулла! Но, при извѣстномъ вниманіи, онъ замѣтитъ, что все это разнородное написано одною и той же мастерскою рукою. Нибуръ говоритъ (Vorträge über Röm. Gesch. III. S. 127): «Величайшій поэтъ, какимъ обладалъ Римъ, былъ Катуллъ. Онъ не ищетъ словъ или формъ: поэзія изливается изъ него самого; она у него тотъ языкъ, то выраженіе, которое приносится потребностью: каждое слово у него — выраженіе естественнаго чувства. Онъ вполнѣ владѣетъ совершенствомъ греческихъ лирическихъ поэтовъ и стоитъ на одной съ ними высотѣ». Ѳ. Гейзе говоритъ, что Катуллъ — «свободная душа, горячее, живое сердце, открытое всякому впечатлѣнію, и отзывающееся на него быстро и съ избыткомъ; онъ самозабвенно и безгранично увлекается ближайшимъ, какъ будто бы оно было всѣмъ, до такой степени онъ неисчерпаемъ и въ любви, и въ ненависти. Безумный, заносчивый, но честный, онъ во всѣхъ колебаніяхъ страсти внутренно сдерживается якоремъ чувства правоты, требуемой богами; при этомъ любимецъ музы, выше всего ей преданный, безусловно въ нее вѣрующій, во имя ея играющій, борющійся, преступный и успокоивающій ея силою свои самому себѣ причиненныя страданія». Наконецъ, *Моммсенъ*, слѣдующимъ образомъ изображаетъ Катулла (Röm. Gesch. III. S. 579—581. zweite Ausgabe): «И Катуллъ по содержанію и формѣ зависитъ отъ александрійцевъ. Мы находимъ въ его собраніи переводы произведеній Каллимаха, и притомъ вовсе не самыхъ лучшихъ, а скорѣе самыхъ трудныхъ. И между оригинальными стихотвореніями встрѣчаются искусственныя, модныя пьесы, какъ, напримѣръ, изысканные галліямбы въ честь фригійской богини; и даже

столь прекрасное вообще стихотвореніе о свадьбѣ Ѳетиды испорчено чисто александрійскою вставкою «жалобы Аріадны» въ главную тему. Но рядомъ съ этими ученическими произведеніями стоитъ мелодическая жалоба настоящей элегіи, стоитъ торжественная пѣснь въ полномъ убранствѣ индивидуальнаго и почти драматическаго движенія, стоитъ прежде всего мастерская миніатюра образованнаго общежитія, веселыя, весьма непринужденныя похожденія съ дѣвами, въ которыхъ половину удовольствія составляетъ разбалтываніе и поэтизированіе любовныхъ тайнъ, отрадная жизнь юности при полныхъ кубкахъ и пустыхъ кошелькахъ, любовь къ странствіямъ и къ поэзіи, римскій и еще чаще веронскій городской анекдотъ и причудливая шутка въ знакомомъ кругу друзей.

Но не однѣ струны сотрясаетъ Аполлонъ нашего поэта, а берется и за лукъ; оперенная стрѣла насмѣшки не щадитъ ни скучнаго стихоплета, ни коверкающаго языкъ провинціала, но никого не поражаетъ она чаще и язвительнѣй, чѣмъ сильныхъ угрожавшихъ народной свободѣ.

Краткострочные и веселые размѣры, оживляемые нерѣдко припѣвами (refrains), исполнены съ совершенствомъ искусства и все-таки безъ приторной фабричной гладкости. Эти стихотворенія приводятъ насъ попеременно въ долину Нила или По, но послѣдняя нашему поэту несравненно болѣе по душѣ. Его произведенія, хотя и основаны на александрійскомъ искусствѣ, но въ то же время и на чувствѣ гражданской, такъ сказать, провинціальной самостоятельности, на противопоставленіи скромнаго муниципала высокороднымъ господамъ изъ сената, обыкновенно плохо относящимся къ своимъ менѣе знатнымъ друзьямъ; какъ это на родинѣ Катулла, въ цвѣтущей и сравнительно свѣжей Цизальпинской Галліи, могло быть ощущаемо живѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ прелестнѣйшихъ изъ его пѣсенъ возни-

каютъ сладостныя картины Гардскаго озера, и едва ли въ то время столичный житель былъ бы въ состояніи написать стихотвореніе, подобное глубокопрочувствованному на смерть брата или прекрасной, истинно гражданской, торжественной пѣсни на бракосочетаніе Манлія и Аврункулеи. Хотя Катуллъ и находился въ зависимости отъ александрійскихъ мастеровъ и держался въ кругу модной поэзіи современныхъ ему кружковъ, но онъ былъ не только хорошимъ ученикомъ среди многихъ посредственныхъ и дурныхъ, но и самъ настолько превосходилъ своихъ учителей, насколько гражданинъ свободной италіянской общины былъ выше космополитическаго эллинскаго литератора.

Выдающейся творческой силы и высокихъ поэтическихъ стремленій искать въ немъ конечно нельзя; онъ богато одаренный и прелестный, но не великій поэтъ и его стихотворенія, какъ онъ самъ ихъ называетъ, только «шутки и глупости». Но если не только современники были электризованы этими летучими пѣсенками, но и художественные критики времени Августа ставили его рядомъ съ Лукреціемъ и считали за значительнѣйшаго поэта этой эпохи, то и современники и позднѣйшіе были вполнѣ правы. Латинская нація не произвела второго поэта, въ которомъ художественное содержаніе и художественная форма появились бы въ такомъ оконченномъ равновѣсіи, какъ у Катулла; и въ этомъ смыслѣ, собраніе стихотвореній Катулла, безъ сомнѣнія, самое совершенное, что̀ въ состояніи выставить латинская поэзія».

Не рѣшаемся прибавить ни одного слова къ этому мастерскому очерку поэтической дѣятельности Катулла, написанному рукою Моммсена. Мы слишкомъ хорошо знаемъ, что только прирожденный поэтъ можетъ учиться писать стихи, но въ этомъ случаѣ важнѣе всего, у кого онъ будетъ учиться. Можно послѣдовать и за такими наставни-

ками, которые погубятъ и несомнѣнное дарованіе. Мы переживаемъ эпоху самую неблагопріятную не только для всякаго искусства, но и для всякаго серьезнаго начинанія. Вырвавшись на волю, мы сразу предались упоенію собственными силами. Пользуясь неизбѣжно плодами преемственныхъ трудовъ прежнихъ дѣятелей, мы не только сочли эти послѣдніе плоды за самые совершенные, хотя бы, по волѣ судебъ, они въ нынѣшній урожай явились недозрѣлыми и съ червоточинами, но готовы всѣхъ тѣхъ, кто насадилъ и вывелъ самое дерево, считать неумѣлыми глупцами. Намъ нипочемъ Соломона, Платона или Гомера обозвать дураками. На наши глаза всѣ они были дураки; умны и умѣлы одни мы. Конечно, не такихъ современныхъ умниковъ приглашаемъ мы, посредствомъ нашего перевода, къ знакомству съ Катулломъ. По примѣру Ѳ. Гейзе учиться читать Катулла мы приглашаемъ людей, дѣйствительно способныхъ съ эстетическою пользою читать поэтовъ, и смиренно признаемся, что сами многому научились у Катулла. Что же касается до немногихъ пѣсенъ, пройденныхъ нами въ молчаніи, то, къ счастью, отличаясь лишь слишкомъ яркимъ и непривычнымъ для насъ извѣстнымъ античнымъ содержаніемъ, онѣ не въ состояніи ни увеличить, ни уменьшить неувядаемаго вѣнца нашего поэта.

Касательно самой формы нашего перевода, считаемъ нужнымъ присовокупить, что держались нумераціи и текста Александра Ризе (Лейпцигъ, 1884 года).

Полагая, что наши невольныя эстетическія замѣчанія будутъ гораздо нагляднѣе въ объясненіяхъ подъ самымъ текстомъ, ограничимъ нашу рѣчь, обращенную къ благосклонному читателю, краткимъ очеркомъ недолголѣтней жизни нашего поэта.

Легко говорить о жизни историческаго дѣятеля, основываясь на жизнеописаніи, составленномъ современникомъ

или и позднѣйшимъ писателемъ, хорошо знакомымъ съ дѣломъ. Въ подобномъ случаѣ достаточно повторить историческое свидѣтельство и указать, въ случаѣ надобности, на мѣста, почему-либо возбуждающія сомнѣнія; но тамъ, гдѣ приходится воспроизводить жизнь поэта изъ его же собственныхъ стиховъ (гдѣ художественная правда далеко не совпадаетъ съ дѣйствительной) и изъ отрывочныхъ свидѣтельствъ другихъ писателей, имѣвшихъ нерѣдко въ виду лишь соименника, дѣло становится чрезвычайно сложно и затруднительно. Прослѣдить всю послѣдовательную критику догадокъ и соображеній, основанныхъ на подобныхъ данныхъ, значило бы представлять читателю скорѣе исторію жизнеописанія поэта, чѣмъ самое жизнеописаніе. Поэтому въ данномъ случаѣ мы предлагаемъ въ главнѣйшихъ чертахъ жизнь Катулла, какъ принимаетъ ее позднѣйшій его толкователь Ризе, ограничиваясь съ нашей стороны весьма немногими замѣтками.

Жизнь Катулла.

Цизальпинская Галлія вскорѣ послѣ своего покоренія стала сопричастна римскому образованію и литературѣ. Особенно въ послѣднее столѣтіе римской республики происходили частыя передвиженія ученыхъ римлянъ въ Галлію Тогату и выдающихся галльскихъ писателей въ столицу. Достаточно указать на Корнелія Непота съ береговъ По, мантуанца Виргилія и Ливія патавинца (падуанца). Единовременно съ римскимъ образованіемъ возникали и римскія имена. Такъ сотни разъ встрѣчается въ надписяхъ Вероны родъ Валеріевъ, и фамилія Валеріевъ Катулловъ занимала вѣроятно въ Веронѣ почетное положеніе. Отецъ поэта состоялъ съ Цезаремъ въ отношеніяхъ гостепріимства. Онъ владѣлъ виллой на Сирміонскомъ полуостровѣ близъ Гардскаго озера и, какъ кажется, не забывалъ своего сына въ столицѣ денежною поддержкой. Если признать, что поэтъ нашъ родился въ консульство Л. Корнелія Цинны, то, такъ какъ Цинна былъ въ первый разъ консуломъ въ 87 г., а во второй въ 84 г. до Р. Х., то нужно признать и одинъ изъ этихъ годовъ за годъ рожденія поэта. А какъ есть свидѣтельство, что поэтъ немногимъ пережилъ тридцатилѣтній возрастъ и въ его произведеніяхъ нѣтъ указа-

ній на событія позднѣе 54 г. до Р. Х., то съ извѣстной увѣренностью можно сказать, что поэтъ умеръ въ 55 г. до Р. Х., 32 лѣтъ отъ рожденія. Имя Квинтъ приписано ему Плиніемъ (въ Нат. Ист.) ошибочно отъ смѣшенія съ Квинтомъ Лутаціемъ Катулломъ, тогда какъ Гаемъ называетъ его Апулей, согласно съ хроникой Гіеронима.

Кромѣ собственныхъ явныхъ намековъ поэта, Овидій и Марціалъ прямо называютъ Верону родиной Катулла. Рано, однако, покинулъ Катуллъ свою галльскую отчизну для всеміриой столицы: *живу въ Римѣ я больше: тамъ домъ, тамъ и осѣдлость моя, тамъ я провожу свои годы*, говоритъ онъ въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній (68a, I, ст. 34) и при этомъ упоминаетъ о множествѣ любовныхъ стихотвореній, написанныхъ раньше. *Въ тѣ времена, какъ впервой получилъ я бѣлую тогу* (ст. 15), слѣдовательно, приблизительно на 16 или 17 году своей жизни: — *Много я пѣсенъ пропѣлъ*. Понятно, что предавшись въ Римѣ поэзіи, дружбѣ и любви, онъ сначала вступилъ въ кругъ своихъ земляковъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его стихотворенія къ Корнелію Непоту (1, *Тогда ужъ* ст. 5), къ Цэлію и Квинтію — *Между веронскою всей вы молодежью цвѣтки* (100, ст. 2) и др. Но при достаточности Катулла ему было легко вступить и въ высшіе круги римскаго общества, гдѣ при поэтическомъ талантѣ и живости характера онъ могъ нравиться женщинамъ. Въ пользу его достаточности свидѣтельствуютъ вилла и помѣстье, которыми онъ обладалъ близъ Тибура (44), равно какъ и случайно приводимыя суммы его расходовъ и обращенныхъ къ нему просьбъ (10,000 сестерцій 41, ст. 2; 103, ст. 1; 100,000 сестерцій 23, ст. 26).

Насчетъ богатства Катулла мы не можемъ согласиться съ Ризе, принимающимъ выраженія: «*вѣдь у Катулла явно въ карманѣ водятся одни лишь пауки*» (13, ст. 8) только

за временное состояніе кармана поэта. Мы думаемъ, что онъ нуждался, такъ какъ самая его вилла (26) въ залогѣ и нимало не ручается за денежную состоятельность поэта, да и куплена на чужія деньги, какъ на то въ своемъ мѣстѣ указываетъ Вестфаль.

Заживъ столичнымъ жителемъ, онъ скоро научился смотрѣть сверху внизъ на *деревенщину, мужиковатость и провинцію* (22, 14. 36, 19. 43, 6) и запутался въ любовныя похожденія, какими переполнено было римское общество. Самою сильною страстью воспылалъ онъ къ непоименованной женщинѣ; чтобы способствовать свиданіямъ съ нею, другъ поэта Малій, позднѣе, по усыновленіи, прозванный Алліемъ, отворилъ влюбленнымъ свой домъ. Изъ довольно ранняго стихотворенія (68b) мы знакомимся какъ съ могуществомъ первоначальной страсти поэта, такъ и съ позднѣйшимъ его успокоеніемъ и даже утомленіемъ. (Слич. 68, 51—135—160 ст.).

Эта страсть или по крайней мѣрѣ закипѣвшій изъ нея потокъ любовныхъ пѣсенъ подверглись рѣзкому перерыву (68, 15) по случаю горестной вѣсти, что единственный и горячо любимый братъ Катулла умеръ въ отдаленной Троѣ (68, 19—90 ст.), куда знатный молодой человѣкъ, быть-можетъ, отправился въ свитѣ какого-либо претора. Эта горестная вѣсть сильно опечалила поэта. Вполнѣ вѣроятно, что съ этимъ связано его грустное настроеніе, высказавшееся (68a) въ Веронѣ, куда онъ могъ отправиться, чтобы утѣшить отца и привести въ порядокъ дѣла покойнаго брата. Онъ не только отказываетъ Малію въ просьбѣ о веселыхъ стихотвореніяхъ, но и съ знатнымъ ораторомъ Гортензіемъ поступаетъ такъ же, ссылаясь на смерть брата (65, 5), и только съ трудомъ собираетъ силы для перевода стихотворенія Каллимаха (66). Но уже слѣдующее вскорѣ

за 68 а), 68 b) показываетъ, какъ любовь понемногу занимаетъ прежнее мѣсто въ душѣ поэта.

О любви Катулла къ *Лезбіи*, наполняющей слѣдующую эпоху жизни поэта и возвысившей его до высочайшихъ степеней лиризма, написано много всякихъ предположеній. Если допустимъ, что поэтъ, выражавшій свое душевное волненіе, вовсе не желалъ оставить потомкамъ какихъ-либо положительныхъ данныхъ, что его стихотворенія, подобно душѣ каждаго человѣка, исполнены противорѣчій, то мы не возьмемся составлять точную картину этой любви, всего меньше станемъ пускаться въ математическое раздѣленіе этого времени на періоды (въ родѣ счастіе,—подозрѣніе,—разрывъ). Всѣ эти перемѣны способны волновать человѣка, а тѣмъ болѣе впечатлительнаго поэта въ одинъ и тотъ же день.

Напрасно ссылаться на слова самого поэта о *долгой любви* (76, 13) и *долгомъ благочестіи* (76, 5), стараясь объяснить ихъ теченіемъ многихъ лѣтъ. А что если въ этомъ случаѣ часы казались ему годами? Поэтому мы можемъ излагать лишь то, что̀ не стояло бы въ явномъ противорѣчіи съ поэтомъ и его произведеніями. Его тоскливое стремленіе къ Лезбіи уже слышно во 2, а 51,—13,—16 выражаетъ не только упоеніе ея лицезрѣніемъ, но и полнѣйшее ему подчиненіе до болѣзненности. При ея благосклонности онъ (5, 7) исполняется восторгомъ, онъ прославляетъ ея красоту (86) и позднѣе (43) и пѣснь его воспѣваетъ то, что ей нравится (3. 13, 11). Мы слышимъ поддразниваніе тамъ, гдѣ она любезно къ нему обращается, или гдѣ онъ полагаетъ, что подъ ея злобой скрывается любовь (92. 70. 72, 1. 83 и 36). Но раздаются и другіе звуки. Онъ заставилъ Лезбію измѣнить ея супругу, надъ которымъ онъ (83) грубо издѣвается: какъ же было ему при этомъ надѣяться, что она останется ему вѣрна! И если

онъ, повидимому, относился въ прежней любви къ такому заслуженному жребію гораздо хладнокровнѣе (68, 135 *), то въ настоящемъ случаѣ справедливая кара за его увлеченіе скоро губитъ его счастье и самую жизнь. Въ этотъ періодъ его духовныхъ колебаній никакое хронологическое распредѣленіе его пѣсенъ невозможно. Онъ видитъ себя обманутымъ и разражается поносительными стихами противъ возлюбленной и, тѣмъ не менѣе, при новой ея благосклонности, онъ снова блаженствуетъ (107. 109 и въ особенности прелест. стих. 36): тутъ истребляются *прежнія* насмѣшливыя стихотворенія, и онъ стыдится своихъ нападокъ (104), и только въ 109 въ немъ возникаетъ попрежнему легкое сомнѣніе насчетъ будущаго.

Хотя онъ старается (въ смыслѣ прежнихъ стиховъ 51, 13—16) пріободриться и, когда она его оставляетъ въ сторонѣ, отстать отъ нея въ свою очередь (8); но такое намѣреніе лишь наполовину искренно. Какъ онъ при этомъ страдаетъ, чувствуя притомъ собственную вѣрность, свидѣтельствуютъ 87. 75, и въ особенности 76; что при этомъ страдаетъ и его нравственное достоинство, видимъ мы по тону многихъ стихотвореній противъ его соперниковъ, къ которымъ Лезбія обращается съ постепенно возрастающей необузданностью, какъ, напримѣръ, противъ Руфа (77), Геллія (91), Квинтія (82), неизвѣстнаго (78 b), противъ Лезбія (79) и, наконецъ, даже противъ Эгнатія и подобныхъ (37). Пламя любви все болѣе и болѣе превращалось въ пламя ревности, даже ненависти, или какъ Катуллъ самъ говоритъ, въ немъ осталась страсть, но уваженіе и благожелательство исчезли (72. 87. 75. 85).

Ни у одного поэта мы не встрѣчали такого яркаго, а между тѣмъ психологически вѣрнаго, раздѣленія въ одной

---

*) Сличи Горац. Эпод. 14, 15.

и той же душѣ неудержимаго страстнаго влеченія отъ уваженія и благожелательства, хотя вопросъ этотъ можно назвать самымъ жизненнымъ во всѣхъ дружескихъ, а тѣмъ болѣе супружескихъ отношеніяхъ, въ которыхъ первое, какъ мимолетное не можетъ служить прочной основою союза, а вторыя скрѣпляютъ его даже и послѣ періода лихорадочной страсти. Но и утративъ уваженіе и благожелательство къ любимой женщинѣ, Катуллъ не въ силахъ былъ надолго сохранить самую непосредственную страсть, когда Лезбія стала открыто предаваться разврату, какъ о томъ свидѣтельствуютъ пропущенная нами 37 и затѣмъ 58, 76, 24. Тогда онъ силится въ трогательномъ 76 дать себѣ отчетъ въ своемъ несчастіи, въ которомъ онъ признаетъ себя невиннымъ. Это стихотвореніе по нѣжности и задушевности ярко выдается въ древней поэзіи, подходя тономъ скорѣе къ Байрону или къ Тютчеву. Наконецъ, поэтъ освободился отъ своей страсти. Когда въ 55 году до Р. Х. по прошествіи долгаго времени Лезбія неловко пыталась возобновить прерванную связь, Катуллъ уже нашелъ силу спокойно высказать ей (11), что подобныя вещи не возобновляются. Какая мѣткость и прелесть въ послѣднемъ куплетѣ этого стихотворенія:

«Прежней любви ей моей не дождаться
Той, что̀ убита ея же недугомъ
Словно цвѣтокъ на окраинѣ поля
Срѣзанный плугомъ».

Апулей говоритъ, что Катуллова Лезбія только псевдонимъ Клодіи. Этимъ именемъ поэтъ въ первый разъ обзываетъ возлюбленную Клодію въ саффической одѣ 51, быть-можетъ, вслѣдствіе бывшаго между ними разговора о Саффо, урожденкѣ Лесбоса. Выраженіе Марціала: *Лезбія диктовала тебѣ вдохновенный Катуллъ*, едва ли можно понимать въ буквальномъ смыслѣ, а не въ смыслѣ «*вдохновляла тебя!*»

Въ прежнее время критика мало занималась вопросомъ, кто собственно была Клодія, носившая у Катулла имя Лезбіи. Самый блескъ ея и образованіе заставляли въ ней предполагать женщину свободную, одну изъ либертинъ, въ противоположность скромнымъ и домовитымъ матронамъ, но въ послѣднее время утвердилось мнѣніе, что Клодія была прелестной младшею сестрой пресловутаго народнаго трибуна П. Клодія Пульхера. Она родилась приблизительно въ 95 или 94 г. до Р. Х. и, слѣдовательно, была старше Катулла. Замужъ вышла она за своего двоюроднаго брата, дѣльнаго, но нѣсколько грубаго К. Метелла Целера, бывшаго въ 60 году консуломъ. Будучи несчастна въ замужествѣ, она старалась отъ него освободиться, чтобы, по словамъ Плутарха, выйти за Цицерона, который, понося ее въ 60-мъ году, а равно и поносимый ею, заставляетъ, такимъ образомъ, сомнѣваться въ показаніяхъ Плутарха. Когда Метеллъ въ 59 году внезапно скончался, распространился слухъ, что онъ былъ отравленъ своею женою. Хотя образованная Клодія интересовалась между прочимъ и политикой, но болѣе всего славилась своимъ распущеннымъ поведеніемъ, подобно сестрѣ своей, супругѣ Лукулла. Когда она по смерти мужа перебралась на Палатинъ въ домъ брата своего Публія, то распространился слухъ о ея преступной связи съ братомъ, про которую, между прочимъ, мы знаемъ изъ рѣчи Цицерона за Цэлія въ 56 г. до Р. Х. Но мы уже видѣли, что Цицеронъ былъ ея врагомъ, а провѣрить точность его указаній мы не имѣемъ возможности. По его свидѣтельству, она, въ качествѣ богатой и вполнѣ разнузданной женщины, проживала то на Палатинѣ, то въ своихъ садахъ на Тибрѣ и въ Баѣ въ кругу самомъ свободномъ, отличаясь, между прочимъ, танцами и бросаясь отъ одной любовной связи къ другой. Изъ этой же рѣчи мы узнаемъ о ея связи съ безнравственнымъ юношею-

ораторомъ М. Цэліемъ Руфомъ (рожденнымъ около 85 или 87 г. до Р. Х.). Правда, что самъ Цицеронъ, возненавидѣвшій ее позднѣе, называлъ ее когда-то за ея блестящіе глаза βοῶπις, волоокою. Намъ извѣстно только, что она жила еще въ 49 году. Въ этой страстной, порочной, но живой, остроумной и въ высшей степени граціозной женщинѣ желаютъ признать Лезбію Катулла и дѣйствительно многія черты указываютъ на это тождество. У Лезбіи (83, 1) былъ *мужъ*, Клодія была супруга Метелла; та и другая своими частыми увлеченіями заслужили дурную славу. Замѣчательно, что въ 60-мъ году, когда Катуллу было лѣтъ 25 отъ роду, онъ былъ подъ обаяніемъ Клодіи, старшей его лѣтами, что не помѣшало ей позднѣе избрать болѣе юнаго Цэлія Руфа своимъ любовникомъ, а когда въ 59 г. умеръ Метеллъ, то (70,1)

«Милая мнѣ говоритъ, что ничьей бы не стала женою
Кромѣ меня...»

становится совершенно понятнымъ въ примѣненіи къ Клодіи.

Самымъ лучшимъ подтвержденіемъ тождества Лезбіи съ Клодіей, состоявшей съ братомъ своимъ Публіемъ Клодіемъ Пульхеромъ въ преступной связи, можетъ служить 79,1:

«Лезбій красивъ. Ну, такъ что жъ? Онъ Лезбіи нравится болѣ.

Если Лезбія—Клодія, то, очевидно, Лезбій псевдонимъ Клодія, который по игривости Катулла, не чуждающейся игры словъ, потому и названъ красивымъ, чтобы указать, что онъ *pulcher*, т. е. *Pulcher*. Что касается до низкой степени безнравственности, на которой мы у Катулла подъ конецъ находимъ Лезбію, то съ одной стороны это можетъ быть поэтическое преувеличеніе, а съ другой—такіе примѣры все чаще и чаще выступали среди римскихъ дамъ (Мессалина), да и самую Клодію Цицеронъ не даромъ обзывалъ *proterva meretrix* и *amica omnium*.

Наконецъ страсть Катулла къ Лезбіи остыла, мало-помалу онъ, вѣроятно, и самъ пожелалъ удалиться отъ римской праздности, а быть-можетъ и отецъ его побуждалъ къ тому, и онъ рѣшился предаться служебной карьерѣ, поступивши въ свиту провинціальнаго претора. Состоящимъ въ этой свитѣ независимо отъ содержанія предоставлялись случаи и къ наживѣ и даже вымогательствамъ. Быть-можетъ, Катуллъ самъ выбралъ мѣстомъ служенія Виѳинію, чтобы посѣтить могилу своего брата. Здѣсь пропреторомъ былъ К. Меммій, за которымъ послѣдовалъ Катуллъ въ 57 г. до Р. Х. Меммій, будучи политикомъ и ораторомъ, былъ въ то же время эротическимъ поэтомъ, и Лукрецій почтилъ его посвященіемъ своего стихотворенія *de rerum natura*; такимъ образомъ, понятно и его желаніе прежде всего посѣтить Трою. Тамъ, или лучше сказать на возвратномъ пути, Катуллъ написалъ свою прекрасную эпитафію къ погребенному тамъ брату. Во время своего, быть-можетъ, двухлѣтняго, пребыванія въ Виѳиніи, онъ нимало не отсталъ отъ своихъ товарищей въ желаніи наживы, чтобы вознаградить себя за расходы столичной жизни. Но обманувшись въ расчетахъ, онъ съ восторгомъ одновременно съ своими товарищами въ 56 году отправился въ обратный путь, хотя всѣ возвращались отдѣльно (46, 11). Въ прекрасномъ 46 ст. онъ живо описываетъ радость путешествія. Вернувшись домой моремъ, поэтически описаннымъ имъ въ 4, онъ, наконецъ, достигъ до прозрачнаго озера Бенака (4, 24) и вернулся въ свою родную виллу на Сирміонѣ, которую онъ радостно привѣтствуетъ въ 31.

Нельзя утвердительно сказать, вернулся ли онъ домой, не пріобрѣтя ничего, или же запасся въ Виѳиніи кораблемъ и гребцами. Съ Сирміона и изъ Вероны Катуллъ по свиданіи съ отцомъ снова вернулся въ Римъ, гдѣ написалъ (10) характерную картину изъ тогдашнихъ нравовъ.

Въ Римѣ Катуллъ, свободный на этотъ разъ отъ исключительной страсти къ Лезбіи, могъ предаться свѣтской жизни въ кругу друзей. Какъ ни справедливъ былъ впослѣдствіи Горацій, указывая на всемірное владычество и богатство, какъ на причину упадка римскихъ нравовъ, а Ювеналъ черезъ 200 лѣтъ въ своей ненависти къ юркимъ грекамъ, вѣрность ихъ указаній не въ силахъ измѣнить исторической цѣпи причинности. Во время Цицерона и Катулла Римъ давно уже закипалъ греческою образованностью, и на первыхъ порахъ Римъ наукъ и искусствъ начинался именно тамъ, гдѣ кончалась Грецiя, т. е. въ Александріи. Нравственная разнузданность Лезбіи (Клодіи) роняетъ ее въ нашихъ глазахъ и уронила въ глазахъ Катулла, но Вестфаль совершенно справедливо говоритъ: «Безъ любви къ Лезбіи, Катуллъ никогда бы не вышелъ изъ круга александрійской поэзіи».

Понятно, что по возвращеніи въ Римъ, Катуллъ еще тѣснѣе прильнулъ къ кружку старыхъ литературныхъ друзей. Римъ въ то время кипѣлъ признанными и непризнанными стихотворцами. Мы уже видѣли, что серьезные чиновники, преторы и публичные ораторы предавались писанію стиховъ. Понятно, что для истинныхъ жрецовъ искусства подобные стихотворцы и ихъ стихи были истинной карой, какъ это видно изъ самыхъ произведеній Катулла. Въ настоящее время ограничимся указаніемъ на тѣхъ истинныхъ друзей поэта, въ кругу которыхъ снова оживилась и отчасти измѣнилась его муза.

Особенной, можно сказать, восторженной любовью Катулла пользовался К. Лициній Кальвъ, поэтъ до того сходный съ Катулломъ по роду поэзіи, что нерѣдко его имя упоминалось въ неразрывной связи съ именемъ нашего поэта, какъ, напримѣръ, у Горація (Сат. 1, 10, 19):

«Что за Кальвомъ однимъ привыченъ бренчать да Катулломъ».

Далѣе съ К. Гельвіемъ Цинною, эпиграмматическимъ поэтомъ (95), продолжалась дружественная связь, возникшая въ Виѳиніи. Поэту Корнифицію посвящено 38; Цэцилію изъ Комума 35. Объ историкѣ Корнеліи Непотѣ мы говорили выше. Но Катуллъ былъ друженъ не съ одними писателями. Въ этомъ направленіи всего ярче выступаетъ его нѣжная дружба къ двумъ друзьямъ, Веранію и Фабуллу, о которыхъ можно предположить, что они его сверстники— веронцы. Рядомъ съ ними находимъ мы свѣтскихъ друзей поэта: Ка́мерія (58b и 55), Алфена (30), Септимія (45), которому посвящено это прелестное любовное стихотвореніе, быть-можетъ, совершеннѣйшее по формѣ изъ всего, что̀ написалъ Катуллъ. Но въ послѣдніе годы уже не любовь, а дружба, удовольствія, насмѣшка и ненависть составляютъ мотивы стихотвореній. Его эпиграммы своею рѣзкостью и безцеремонностью (чтобы не сказать цинизмомъ) снова сближаютъ его для насъ съ Пушкинымъ. Оба словно подслушали выраженіе Вольтера: «*il ne s'agit pas de le rendre ridicule, il s'agit de le déshonorer*» и, стараясь замарать своего врага, они преднамѣренно окунали перо въ грязь. Полемику Катулла противъ Цезаря Вестфаль объясняетъ тѣмъ, что въ Веронѣ Катуллъ любилъ Амеану, но она предпочла ему одного изъ военачальниковъ Цезаря Мамурру (41, 43. 29, 7): отсюда ненависть Катулла сначала противъ Мамурры, а потомъ уже и противъ самого Цезаря. Другіе же полагаютъ, что Катуллъ уже въ Виѳиніи сталъ вдаваться въ политическіе интересы, а позднѣе еще заразился ими отъ друга своего оратора Кальва, который былъ противникомъ Цезаря и его приближенныхъ. Ѣдкое стихотвореніе 29, написанное въ концѣ 55 года, сильно затронуло Цезаря, не столько какъ голосъ оппозиціи, для Катулла мало привлекательной, сколько какъ личность; и вотъ ловкій и прозорливый полководецъ, уже

сумѣвшій примириться съ Кальвомъ, успѣлъ въ томъ же году, послѣ очевиднаго упорства (54?) и (93) со стороны Катулла, примириться и съ послѣднимъ. Весьма вѣроятно, что сближеніе произошло въ Веронѣ, при содѣйствіи Катуллова отца, состоявшаго, какъ мы уже видѣли, съ Цезаремъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ того Катуллъ написалъ 11-е стих., въ которомъ онъ какъ бы видитъ себя сопровождающимъ Цезаря въ походахъ и изумленнымъ его подвигами. Быть-можетъ, что въ виду новой блестящей служебной карьеры, къ радости отца открывшейся предъ поэтомъ, Лезбія рѣшилась на свою неудачную попытку новаго примиренія съ Катулломъ, но всему этому преждевременная смерть поэта положила предѣлъ. Катуллъ умеръ въ 54 г. до Р. Х., и многіе въ 38 видятъ стихотвореніе, написанное имъ во время предсмертной болѣзни. Приводимъ:

Краткій обзоръ хронологически вѣрныхъ указаній:

Годъ рожденія 87 или 84.

Вскорости за 17 годомъ отъ рожденія (70 или 65): смерть брата, затѣмъ 68a, 65, 66. Вскорости за 68a, 68b и 68c.

Лезбія замужемъ (81, 1), слѣдовательно, если Лезбія — Клодія, мужъ которой умеръ въ 59 году, и стихотвореніе 83 написано не позднѣе этого года. (Сличи также 77. Къ Руфу).

Меммій пропреторъ Виѳиніи (57—56). Къ этому времени—101. 46.

Возвращеніе 56 или 55 года: сюда 31. 4. 10. 28. 47.

Процессъ Ватинія 56 или 54 года: 53. (Сравни 14. 3).

Извѣстныя событія 55 года: 113. 55. 29. 11. 45.

Вотъ то немногое, что мы считали необходимымъ ска-

зать читателю, желающему вступить въ небольшую, но чрезвычайно разнообразную картинную галлерею Катулла, гдѣ въ хаотическомъ безпорядкѣ рядомъ со сравнительно большими оригинальными картинами и копіями красуются летучіе силуэты въ двѣ строчки. Безъ вручаемаго нашимъ предисловіемъ болѣе или менѣе послѣдовательнаго каталога, и самыя подстрочныя объясненія не могли бы ему помочь ни въ ясномъ пониманіи текста, ни въ художественномъ наслажденіи. Если книжку всякаго истиннаго лирика можно сравнить съ кладбищемъ когда-то живыхъ и даже жгучихъ внутреннихъ событій, то у Катулла, писавшаго прямо подъ впечатлѣніемъ минуты, мертвецы лежатъ не перегорѣвшіе до неузнаваемости въ огнѣ вдохновенія, а въ томъ самомъ видѣ и нарядѣ, въ какомъ они являлись передъ его творческимъ воображеніемъ. Конечно, не проживи Катуллъ своего короткаго вѣка Катулломъ, не было бы и его книжки. Не знай мы его жизни съ ея обстановкой, мы не поняли бы и его книжки; но мы слишкомъ хорошо знаемъ, что связь между житейскимъ (эмпирическимъ) характеромъ человѣка и его умственной дѣятельностью далеко не та, что между эмпирическимъ характеромъ и эмпирическими дѣйствіями, и часто бываетъ совершенно обратная. Такъ, напримѣръ, нелюдимый ипохондрикъ Гоголь не перестаетъ хохотать въ своихъ произведеніяхъ. Вотъ почему мы не желаемъ вступать въ полемику съ тѣми, которые указываютъ на злобныя выходки Катулла противъ Амеаны, которую онъ когда-то любилъ, на его злобу противъ людей, съ которыми онъ нѣкогда былъ друженъ, на алчность къ наживѣ, высказанную по поводу виѳинской службы, на крутой поворотъ къ похваламъ Цезаря, котораго до примиренія онъ такъ язвилъ. Если, несмотря на эти недостатки, читатель, подобно намъ, не признаетъ въ молодомъ и еще нравственно не окрѣп-

нувшемъ Катуллѣ живого и милаго юноши, то, при извѣстномъ художественномъ чутьѣ, онъ тѣмъ не менѣе не можетъ не узнать въ Катуллѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ лирическихъ поэтовъ, не только между римскими, но и между лириками всѣхъ вѣковъ и народностей.

Переводчикъ.

1.

Къ Корнелію Непоту.

Кому лощеную подъ пемзу суждено
Мнѣ книжку новую въ красивой дать отдѣлкѣ? [2])
Корнелій, ты прими: вѣдь ты уже давно
Хотя во что-нибудь цѣнилъ мои бездѣлки
Тогда ужъ, какъ впервой средь италійцевъ ты
Въ трехъ книгахъ описалъ, что изстари велося;
Ученые, клянусь Юпитеромъ! листы.
Поэтому прими, чтобъ въ книжкѣ ни нашлося
Какого ни на есть, я жъ буду музъ молить, [9])
Чтобъ больше одного ей вѣку пережить.

---

1) Катуллъ посвящаетъ свои *бездѣлки* своему благопріятелю и земляку, историку Корнелію Непоту.

[2]) Слово уменьшительное книжка (libellum) преимущественно относилось къ собраніямъ стихотвореній, меньшимъ по объему противъ другихъ сочиненій, носящимъ названіе книга (liber). Если не допускать, что всѣ сочиненія поднесены были въ 54 году, то книжка бездѣлокъ должна была составлять лишь часть наличныхъ стихотвореній поэта; книжка обзывается новой по случаю красивой отдѣлки и сглаживанія концовъ свертка пемзою у книгопродавца.

[5]) Еще въ то время, когда, въ подражаніе греческимъ хроникамъ, самъ Непотъ рѣшился впервые на латинскомъ языкѣ въ трехъ книгахъ написать исторію, начиная съ миѳическихъ временъ.

[9]) Въ интересахъ русскаго читателя мы (patrona virgo), подъ которою одни подразумѣваютъ Минерву, а другіе Музу, перевели въ послѣднемъ смыслѣ.

2.

Къ воробью Лезбіи.

О воробей ты моей восхитительной дѣвы,
Прячетъ тебя на груди и съ тобою играетъ,
И тебя она тонкимъ перстомъ раздразнивши,
Острымъ твоимъ укушеньямъ его подставляетъ,
Какъ ей, отрадѣ моей, красотою блестящей,
Я и не знаю ужъ чѣмъ позабавиться мило,
Чтобы въ тоскѣ находить для себя развлеченье,
(Думаю, чтобы горячая страсть въ ней остыла).
Если бы могъ, какъ она, поиграть я съ тобою,
Вѣрю съ души бы свалилось раздумье больное!
. . . .
Было бъ отрадно мнѣ, какъ по преданію быстрой
Дѣвушкѣ яблоко было на видъ золотое,
Что наконецъ разрѣшило завѣтный ей поясъ.

---

2) Томимый любовію, Катуллъ подъ прозрачной дымкой поэзіи выражаетъ свое стремленіе къ Лезбіи, которая, быть-можетъ, въ свою очередь нуждалась въ выраженіи ея любви къ Катуллу. Не помнимъ кто чрезвычайно мѣтко сказалъ, что градусъ кипѣнія взаимной любви совпадаетъ съ моментомъ признанія. До этого момента склонность только представляетъ благопріятную почву, но названная, она уже настоящая любовь. Наше стихотвореніе мастерски переноситъ насъ на самую ближайшую къ кипѣнію точку. Въ качествѣ птицы Афродиты былъ любимецъ римскихъ дамъ и слово воробей (passer), воробушекъ было ласкательнымъ, какъ у насъ голубчикъ.

11—13) Мы вполнѣ согласны съ тѣми, которые три этихъ стиха считаютъ отрывкомъ погибшаго стихотворенія, до такой степени они различны отъ предшествующаго и по тону и по содержанію. Тамъ непосредственная страсть и величайшее мастерство высказать то, чего по обстоятельствамъ еще назвать нельзя, а здѣсь холодное щегольство изящнымъ миѳологическимъ образомъ. Дѣвушка, приводимая здѣсь въ примѣръ, дочь скиросскаго царя Схенея. 2. Пѣснь Иліады Гнѣдича 497. *Схенъ населявшихъ*, единственное мѣсто, ука-

3.

Плачъ о смерти воробья.

Плачьте теперь, о Венеры, и вы, Купидоны, [1])
И насколько васъ есть всѣ изящные люди!
Вотъ воробей моей дѣвушки нынѣ скончался,
Тотъ воробей моей милой, котораго пуще
Собственныхъ глазъ она, бывало, любила;
Ибо онъ сладостенъ былъ и зналъ онъ не хуже
Собственную госпожу, чѣмъ дѣвочка матерь,
И никогда онъ съ ея колѣнъ бывало не сходитъ,
А въ припрыжку туда и сюда поскакавши,
Онъ къ одной госпожѣ, пища, обращался.
Вотъ теперь и пошелъ онъ по мрачной дорожкѣ

зывающее на это имя, хотя безъ связи со Схенеемъ. Аталанта, отличавшаяся красотой и силой и догонявшая оленей на бѣгу, вѣроятно была предубѣждена оракуломъ противъ брака и потому ставила женихамъ условіемъ своей руки побѣдить ее въ бѣгѣ, а побѣжденныхъ убивала копьемъ. Когда влюбленный Гиппоменъ шелъ на состязаніе, то просилъ помощи у Венеры, которая дала ему 3 золотыхъ яблока. Чувствуя, что Аталанта его нагоняетъ, онъ каждый разъ бросалъ яблоко и остался побѣдителемъ, но влюбленные забыли принести Венерѣ благодарственную жертву, и она принудила ихъ въ страстномъ порывѣ осквернить рощу Цибелы; за что гнѣвная богиня превратила обоихъ во львовъ и запрягла въ свою колесницу.

3) Это выдержанное прелестное стихотвореніе Марціалъ прямо называетъ *воробьемъ.* Оно уже въ древности породило много подражаній и понынѣ этотъ воробей представляетъ какъ бы эмблему Катулла.

[1]) Еще у древнихъ (Эврипида) мы встрѣчаемъ Эротовъ и Купидоновъ во множественномъ числѣ: ихъ было 3. Равнымъ образомъ и Венера употреблена во множественномъ числѣ, тѣмъ болѣе, что по-латыни *venus* значитъ просто грація, изящество; такъ 86, 6 *omnes surripuit veneres* мы прямо переводимъ: «*Грацію тоже она разомъ у всѣхъ забрала*».

Той, откуда никто, говорятъ, не вернется.
Будьте же прокляты вы, ненавистные мраки
Орка за то, что глотаете все вы, что̀ мило: [14])
Вы у меня воробья столь прелестнаго взяли.
О несчастіе! О воробей мой бѣдняжка,
Ты виноватъ, что глаза отъ сильнаго плача
Вспухнувъ, у дѣвы моей теперь краснѣютъ.

4.

Къ галерѣ.

Галера эта, видите ль, вы, странники,
Была, какъ говоритъ, быстрѣйшимъ кораблемъ, [2])
И ни одинъ изъ бойкихъ въ морѣ ходоковъ
Не могъ ее опередить, на веслахъ ли
Пришлось идти, или летѣть на парусахъ.
И говоритъ она, что это подтвердятъ
Опасный берегъ Адрія и острова
Цикладъ, гордецъ Родосъ, Фракія мрачная
И Пропонтида и съ заливомъ страшнымъ Понтъ,
Гдѣ, ставшая галерой, нѣкогда была
Косматымъ лѣсомъ: на Циторскомъ тамъ хребтѣ

---

[14]) *Оркъ* то является царемъ подземнаго міра, то самымъ этимъ міромъ. Здѣсь онъ царь.

[15]) Слово *у меня* показываетъ уже на окончательную близость счастливаго поэта къ своей возлюбленной.

4. Благополучно вернувшись въ 56 или 55 году изъ Виѳиніи, Катуллъ посвящаетъ у Гардскаго озера діоскурамъ ст. 27, не галеру, на которой совершилъ путешествіе, такъ какъ она не могла по узости рѣкъ и каналовъ пройти туда съ моря, а только ея снимокъ. Катуллъ, какъ видно, сѣлъ на свой корабль еще въ Амастрѣ, слѣдовательно дальше Виѳиніи.

[2]) Катуллъ все здѣсь повѣствуемое представляетъ разсказомъ самой галеры.

Звучалъ волосъ ея рѣчистыхъ часто свистъ [12]
Амастръ понтійскій и носящій буксъ Циторъ [13]
Вамъ, говоритъ галера, это было все
Извѣстно: изъ стари изъ самой, говоритъ,
Она стояла на вершинѣ тамъ твоей,
Смочила весла на твоихъ она зыбяхъ
И ужъ оттуда по широкимъ всѣмъ морямъ
Несла владѣльца, вправо ли иль влѣво звалъ
Встающій вѣтеръ, или разомъ задувалъ
Юпитеръ благосклонный въ два конца вѣтрилъ; [21]
И не дала обѣтовъ никакихъ она [22]
Богамъ прибрежнымъ, съ самыхъ отдаленныхъ водъ
Морскихъ до озера прозрачнаго дойдя.
Но это все минуло; нынѣ въ тишинѣ
Она пріюта старясь, предается вамъ,
Близнецъ ты, Касторъ, и ты, Кастора близнецъ. [27]

5.

Къ Лезбіи.

Жить и любить давай, о Лезбія, со мной!
За толки стариковъ угрюмыхъ мы съ тобой

---

12) Рѣчистый волосъ *loquente coma*—выраженіе слишкомъ изысканное, вмѣсто говорливыя вершины.

13) *Амастръ* на Пафлагонскомъ берегу, въ области котораго находилась и гора Циторъ, славился буксовыми лѣсами.

21) *Pedes* собственно *ноги* мы перевели концами вѣтрилъ, ибо такъ назывались вытягивающіеся углы парусовъ, прикрѣпляемыхъ въ различныхъ между собой соотношеніяхъ къ кораблю, смотря по направленію вѣтра. Вѣтеръ, дующій въ обѣ равныя ноги, попутный.

22) Надѣясь на свою устойчивость, не боялась бурь.

27) Созвѣздіе Кастора и Поллукса, братьевъ Елены, особенно чтилось мореходцами.

5. Эта пѣсня вмѣстѣ съ 3 и особенно 7 принадлежитъ ко времени торжества любви. Въ такія минуты полнаго счастія нельзя ожидать

За всѣ ихъ не дадимъ одной монеты мѣдной,
Пускай восходитъ день и меркнетъ тѣнью блѣдной:
Для насъ, какъ краткій день зайдетъ за небосклонъ,
Настанетъ ночь одна и безконечный сонъ.
Сто разъ цѣлуй меня, и тысячу, и снова
Еще до тысячи, опять до ста другого,
До новой тысячи, до новыхъ сотъ опять.
Когда же много ихъ придется насчитать,
Смѣшаемъ счетъ тогда, чтобъ мы его не знали,
Чтобъ злые намъ съ тобой завидовать не стали,
Узнавъ, какъ много разъ тебя я цѣловалъ.

6.

Къ Флавію.

Флавій, о милой своей ты Катуллу,
Будь она только красивой, пристойной,
Все разсказалъ бы, не справясь съ молчаньемъ.
Только не знаю, съ какой недостойной
Тамъ ты связался; признаться и стыдно.
Что не вдовой твоя ночь-то угасла,
Это съ постели гласитъ намъ немолчно
Запахъ вѣнковъ и сирійскаго масла, [8])
Да изголовье; оно вѣдь измято
Тутъ вотъ и тамъ, и кровать твоя еле
Держится, такъ она вся расшаталась.
Если слова ихъ не вѣрны, то въ тѣлѣ

отъ поэта ничего, кромѣ эпикуреизма. Вотъ почему: 5, словами *brevis lux*, *краткій свѣтъ* онъ хочетъ сказать: по окончаніи краткой жизни успѣемъ належаться въ землѣ, а теперь цѣлуй меня.

6. Стихотвореніе это обращается къ незнакомому намъ пріятелю Катулла, Флавію, живущему съ нимъ въ одномъ домѣ, и по содержанію сходно съ Гораціевой 1 од. 27.

[8]) Сирія нерѣдко у поэтовъ смѣшивалась съ Ассиріей.

Дряблость и шаткія ноги все скажутъ,
Что по ночамъ у тебя за затѣи.
Ты что ни есть, хорошо или худо,
Все мнѣ скажи; я васъ съ милой твоею
Стройною пѣснью прославлю до неба.

7.

Къ Лезбіи.

Съ меня ты требуешь, о Лезбія, признаній,
Какъ много мнѣ твоихъ достаточно лобзаній?
Какъ велико число либійскихъ всѣхъ песчинъ,
Лежащихъ близъ цвѣтовъ Киренъ среди равнинъ [4]),
Между оракула Зевесова жилищемъ
И Батта древняго почіющимъ кладбищемъ;
Иль сколько съ неба звѣздъ средь тишины ночей
Взираютъ на любовь таящихся людей,
Лобзаній столько же горящему недужно
Насытиться вполнѣ еще Катуллу нужно,
Чтобъ любопытный ихъ не сосчиталъ какой [11]),
И порчи не наслалъ на нихъ языкъ дурной.

---

7. Стихотвореніе это въ періодъ блаженства любви, по мнѣнію Вестфаля, отвѣчаетъ на вопросъ Лезбіи, съ которымъ она обратилась къ поэту при прочтеніи стих. 5. Замѣчательно, что и въ такія задушевныя минуты поэтъ не забываетъ ученой приправы Каллимаховской поэзіи, хотя относится къ ней съ извѣстною ироніей.

[4]) Кирены—столица Киринейской области.

[5—6]) Въ пустынѣ между Киренами и оракуломъ Юпитера Аммона на оазисѣ Сива. *Древній Баттъ*, основатель Киренъ, около 650 г. до Р. Х., предокъ Каллимаха. Могила его близъ городской агоры пользовалась большимъ почетомъ.

[11]) Многіе до сихъ поръ полагаютъ, что весьма вредно считать цвѣты или плоды, такъ какъ они отъ этого пропадаютъ.

8.

Къ самому себѣ.

Бѣднякъ Катуллъ, не будь ты болѣе шутомъ,
Коль видишь, что прошло, считай оно пропало.
Свѣтило солнышко тебѣ живымъ лучомъ,
Когда ты хаживалъ, какъ дѣва указала,
Любимая тобой тогда какъ ни одна.
Какія игры тутъ бывали между вами;
Ты ихъ желалъ, отъ нихъ не прочь была она.
Живило солнышко и впрямь тебя лучами.
Не хочетъ ужъ она, ты тоже не хоти,
За убѣгающимъ ты не гонись, будь гордымъ,
Душою твердъ сноси, волненья укроти.
Прощай же дѣва, ты. Уже Катуллъ сталъ твердымъ [12]).
Не станетъ онъ тебя отыскивать, молить;
Какъ не пойдетъ никто, такъ станешь ты унылой
Преступная, увы! Придется тяжко жить!
Кто за тобой пойдетъ? Кому казаться милой?
Кого тебѣ любить? Кому назвать своей?
Кого поцѣловать? Кого куснуть больнѣй?
А ты, Катуллъ, терпи съ незыблемою силой.

---

8. Настоящее стихотвореніе, подобно 46, 51, 52, 76, 79, представляетъ по формѣ монологъ Катулла къ самому себѣ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Поводомъ къ нему, очевидно, была размолвка въ періодъ самой горячей привязанности, и выражаемое чувство отчужденія тѣмъ живѣй, что вызвано не измѣной, о которой тутъ и рѣчи нѣтъ, а тою горькой обидой влюбленнаго, полагающаго, что преданность его не оцѣнена.

[12]) Это *прощай* настолько же преувеличено, насколько 15 преувеличено слово преступная. Все дальнѣйшее застращиваніе Лезбіи исполнено тайной увѣренности въ ея непоколебимой преданности Катуллу, причемъ ему и въ голову не приходитъ, чтобы она могла утѣшиться съ другимъ.

9.

Къ Веранію.

Ты, что̀ изъ всѣхъ моихъ пріятелей, повѣрь,
Вераній, въ тысячу милѣй мнѣ разъ и болѣ,
Къ пенатамъ ты своимъ вернулся ли теперь,
Къ старушкѣ-матери и къ братьямъ жить на волѣ?
Вернулся. Эта вѣсть восторги мнѣ несетъ!
Увижу, что ты цѣлъ, разсказы слушать стану
Про жизнь въ Гиберіи, про тѣ мѣста, народъ [7],
Какъ-то обычай твой; прильну и не отстану
Тебя я цѣловать, начавъ съ твоихъ очей.
О, сколько васъ ни есть счастливѣйшихъ людей,
Кто радостнѣй меня найдется и блаженнѣй?

10.

О возлюбленной Вара.

Мой Варъ, чтобъ показать мнѣ милую, завидя [1])
На рынкѣ празднаго, съ собой меня увелъ.

---

9. Привѣтствіе по случаю извѣстія о возвращеніи изъ Испаніи одного изъ самыхъ близкихъ друзей нашего поэта. О близости Катулла къ Веранію и Фабуллу мы уже говорили въ предисловіи и можемъ указать на 12 и 14. Не вдаваясь въ мало для насъ существенный и спорный вопросъ о проконсулѣ, при которомъ оба друга поэта состояли въ Испаніи на службѣ, замѣтимъ мимоходомъ, что имя Вераній въ надписяхъ постоянно, а въ веронскомъ спискѣ большею частью встрѣчается съ однимъ Н.

[7]) Испанія со времени Луцилія получила въ поэзіи названіе Гиберіи.

10. Простодушный, но весьма характерный пересказъ случайнаго разговора, происшедшаго у Катулла въ скорости по возвращеніи изъ Виѳиніи (55—56 г.) со знакомымъ Варомъ и его возлюбленной, причемъ все дѣло сводится на досаду, что молодому Катуллу не удалось похвастать своимъ достаткомъ.

[1]) *Варъ*, къ которому обращается и (22) весьма можетъ быть Квинтилій Варъ изъ Кремоны и, слѣдовательно, землякъ Катулла,

Гулящая она, я увидалъ мгновенно,
Но недурной ее и ловкой я нашелъ.
Когда мы къ ней пришли, то завязались рѣчи
У насъ различныя и между тѣмъ вопросъ
И о Виѳиніи, какъ ей теперь живется [7])
И много ль у меня тамъ денегъ завелось?
Какъ было, я сказалъ: что поживиться нечѣмъ,
Ни преторамъ самимъ, ни кто при нихъ дѣлецъ,
Что разжирѣвъ никто оттуда не вернется,
Затѣмъ, что преторъ самъ отъявленный подлецъ
И на волосъ одинъ не цѣнитъ приближенныхъ.
«Но вѣрно же», они воскликнули, «достать
Ты не забылъ того, что, говорятъ, въ тѣхъ нравахъ:
Къ носилкамъ хоть людей». Я, чтобъ ловчѣй предстать
Предъ дѣвою однимъ изъ нѣсколько богатыхъ,
«Не такъ ужъ, говорю, я жался въ этотъ разъ,
Чтобъ, какъ бы ни было въ провинціи тамъ плохо,
Восьми я человѣкъ въ носилки не припасъ».
А у меня ни тамъ, ни сямъ ихъ не бывало
Ни одного, чтобы обломки хоть таскать
Моей кровати, ихъ на шею наваливши.
Она же, какъ такой отъявленной подъ-стать:
«Ты одолжи», кричитъ, «Катуллъ, мнѣ ихъ на время;

который, умерши въ 24 г. до Р. Х., былъ въ свое время другомъ Горація и Виргилія. Смерть этого поэта и критика Горацій воспѣваетъ въ 1 од. 24 и о которомъ, какъ о замѣчательномъ критикѣ упоминаетъ въ П. къ пизонамъ 438.

[7]) *Виѳинія* съ 74 г. до Р. Х. по смерти Никомеда 3-го превратилась въ римскую провинцію, а наивное, *какъ ей теперь живется*, въ устахъ тогдашняго римлянина значило: легко ли тамъ наживать деньги.

[15]) *Natum* какъ бы указываетъ на то, что носилки—виѳинское изобрѣтеніе, но это должно понимать въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ Цицеронъ, что въ виѳинскихъ нравахъ было держать носилки съ восемью носильщиками.

Я кстати имъ велю меня въ Сераписъ снесть.» — [26])
«Постой-ка», говорю на это я дѣвицѣ:
«Въ томъ, будто у меня, сейчасъ сказалъ я, есть,
Такъ въ этомъ сбился я. Нѣтъ, это мой любезный
Товарищъ Цинна Гай себѣ тамъ пріобрѣлъ.
Его или мое, какое, впрочемъ, дѣло?
Я ими пользуюсь, какъ бы ихъ самъ завелъ».
Но ты, какъ ты груба, какая непропека [33]),
Что при себѣ другимъ забыться ты не дашь.

11.

Къ Фурію и Аврелію.

Фурій съ Авреліемъ, вы за Катулломъ,
Хоть бы увлекъ онъ васъ къ индамъ съ собою,
Гдѣ вдоль восточнаго берега звонкой
Плещетъ волною,

---

[26]) Святилище египетскаго Сераписа стояло неизвѣстно гдѣ за городскими стѣнами Рима и, подобно храму Изиды, охотно посѣщалось римскимъ полусвѣтомъ.

[30]) Гай Гелвій Цинна, творецъ Смирны (95), былъ виѳинскій пріятель и спутникъ Катулла. Перестановка имени послѣ фамиліи встрѣчается и у Горація въ Пос. къ пизон. 371 *съ Касцелліемъ Авломъ.*

[33]) Катуллъ очень любитъ слово *insulsus* — несоленый, глупый, тупой; въ настоящемъ мѣстѣ мы рѣшились его перевести русскимъ словомъ непропека.

11. Это стихотвореніе, какъ мы замѣтили въ примѣчаніи, написано въ 55 или 54 г. до Р. Х. уже послѣ примиренія Катулла съ Цезаремъ, по поводу безтактной попытки Лезбіи къ новому сближенію. Нельзя достаточно надивиться художественной постройкѣ этого стихотворенія. Въ этомъ отношеніи съ древними спорить невозможно; чего тутъ нѣтъ? Начинается оно съ примѣсью александрійской учености въ торжественномъ тонѣ, которому подражаетъ и Горацій 2 од. 6 и Проперцій I. 6. Этотъ тонъ даетъ возможность поэту указать на необъятную ширь римскаго военнаго поприща, такъ какъ въ концѣ

Хоть до гирканов иль нѣжныхъ арабовъ,
Или до парѳовъ, гдѣ стрѣлы—ихъ сила,
Или до мѣстъ, гдѣ окрашено море
Устьями Нила;
Хоть бы онъ шелъ за высокія Альпы,
Цезаря видя на подвигахъ хвальныхъ,
Къ Рейну ли галловъ иль къ морю британцевъ
Грозныхъ и дальнихъ.
Весь этотъ трудъ, и что боги судили
Мнѣ, вы готовы стерпѣть, подвижные [14]),
Только моей передайте вы дѣвѣ
Рѣчи плохія.
Средь волокитъ пусть живя на здоровье
Триста она ихъ за разъ обнимаетъ,
Хоть ни одинъ ей не милъ, а развратомъ
Всѣхъ надрываетъ;

---

55 года Крассъ отправился въ свой неудачный походъ противъ парѳовъ, А. Габиній въ томъ же году посадилъ на Нилѣ Птоломея Авлета на престолъ, Цезарь въ томъ же году перешелъ черезъ Рейнъ и осенью въ первый разъ вступилъ въ Британію (полубаснословные инды часто красуются у римскихъ поэтовъ, какъ поэтическое преувеличеніе).

[5]) *Гирканы*—по сосѣдству съ парѳянами на южномъ берегу Каспійскаго моря; *нѣжными*—обзываетъ поэтъ жителей Счастливой Аравіи, вслѣдствіе богатства ихъ страны, славившейся благовоніями. Габиній покорилъ ихъ на походѣ изъ Сиріи. Въ торжественномъ перечисленіи различныхъ направленій просвѣчиваетъ надежда поэта, получить важное назначеніе въ томъ или другомъ, и является удобный случай загладить прежнія нападки лестнымъ для Цезаря стихомъ.

[14]) Какъ бы готовясь къ походу, поэтъ поручаетъ двумъ своимъ кліентамъ отвѣтить Лезбіи на ея запросъ. Но, иронически относясь къ недостойной женщинѣ, онъ повѣренными избираетъ именно тѣхъ кліентовъ, которыхъ самъ же постоянно преслѣдуетъ своими насмѣшками, именно Аврелія и Фурія, зная, что если они и не отстанутъ отъ него, то первый какъ обжора, а второй какъ попрошайка (23, 24, 26).

Прежней любви ей моей не дождаться,
Той, что̀ убита ея же недугомъ,
Словно цвѣтокъ на окраинѣ поля [22]),
Срѣзанный плугомъ.

12.

Къ Азинію.

Азиній Ма̀рруцинъ, ты съ лѣвой-то руки [1])
Творишь недоброе среди вина и смѣха,
Ты у разсѣянныхъ ихъ крадешь ручники.
Ужель ты думаешь, остра твоя потѣха?
Глупецъ, не видишь ты, ка̀къ подло такъ хватать.
Ты не повѣришь мнѣ? Повѣрь хоть Полліону,
Ты, брату своему. Талантъ бы радъ отдать [7])
За кражу онъ твою. По избранному тону
Онъ малый знающій, въ приличіяхъ обыкъ.
Поэтому стиховъ жди въ триста злобный ворохъ,
Иль возврати ты мнѣ немедленно ручникъ;
Не по цѣнѣ своей, конечно, онъ мнѣ дорогъ,
Но онъ сэтабскаго, иберскаго бѣлья [13]),
И для меня оно полно воспоминаній,
Отстать отъ ручника теперь не въ силахъ я;

---

[22]) Цвѣтокъ на крайней межѣ, подрѣзанный плугомъ сосѣда. Этому прелестному сравненію подражаетъ Виргилій, Энеид. IX, 433.

12. Поэтъ проситъ Азинія возвратить ему украденный ручникъ или платокъ, который дорогъ ему по воспоминанію.

[1]) *Азиніи* были родомъ изъ сабелльскаго округа марруциновъ, но, быть-мо̀жетъ, Катуллъ преднамѣренно обзываетъ его Марруциномъ, чтобы указать на его мужицкія замашки въ противоположность къ образованному и воспитанному брату Азинію Полліону.

[7]) Греческое наименованіе суммы выбрано по неимѣнію въ Римѣ общаго названія такой большой суммы.

[13]) *Сэтабскіе* ручники, были изъ Сэтаба въ теперешней Валенціи.

Прислалъ его Фабуллъ въ подарокъ и Вераній [16]),
И какъ Вераній мнѣ онъ дорогъ и Фабуллъ.

13.

Къ Фабуллу.

Фабуллъ, ты у меня откушаешь отлично
На-дняхъ, была бъ боговъ охрана надъ тобой,
Коль ужинъ принесешь хорошій, какъ прилично,
И дѣву пригласишь прелестную съ собой;
Прибавь еще къ вину и соль и смѣхъ забавный.
Какъ съ этимъ всѣмъ придешь, вотъ будетъ мнѣ съ руки,
Отличный будетъ пиръ; вѣдь у Катулла явно
Въ карманѣ водятся одни лишь пауки [8]).
Амуромъ чистымъ я на всѣ дары отвѣчу [9]),
Что можетъ быть еще изящнѣй и нѣжнѣй:
Елеемъ я тебя, у дѣвы взятымъ, встрѣчу,
Венеры это даръ и Купидоновъ ей,
Когда понюхаешь, богамъ начнешь молиться,
Чтобъ въ носъ тебѣ Фабуллъ всецѣло превратиться.

---

[16]) Смотри (9).

13. Шуточное приглашеніе друга Фабулла (смот. 9 — 12) на ужинъ. Стихотвореніе это (по мнѣнію Швабе) написано уже по возвращеніи Фабулла изъ Испаніи. Оно, вѣроятно, шуточный отвѣтъ на вопросъ Фабулла, когда ему придти ужинать. Поэтъ требуетъ, чтобы его пріятель принесъ все необходимое для хорошаго пира.

[5]) Не забывая и *соли* остроумія.

[8]) *Паутина* признакъ пустоты и заброшенности (Одиссея 16, 34):

Одиссеево жъ ложе пустое
Въ спальной стоитъ одиноко, покрытое злой паутиной?

[9]) Поэтъ обѣщаетъ отдарить друга благоуханнымъ елеемъ, полученнымъ изъ уборной прелестной женщины. Самый елей онъ называетъ Амуромъ.

14 а.

Къ Лицинію Кальву.

Когда бы пуще глазъ своихъ я не любилъ
Тебя, отрадный Кальвъ, за этотъ даръ твой вѣрно
Ватиніанской бы я злобою вспылилъ [3]:
Что̀ сдѣлалъ я, или что̀ молвилъ безпримѣрно,
Что мнѣ на гибель тутъ поэтовъ ты набралъ?
Кліента твоего пусть богъ караетъ злобный,
Что столько сволочи за разъ тебѣ наслалъ.
Подозрѣваю я, что съ выдумкой подобной
Тѣ новости тебѣ писатель Сулла шлетъ [9];
Не худо, я скажу, а хорошо и сладко,
Что всѣ труды твои и самъ онъ признаетъ.
О боги, страшная, проклятая тетрадка!
Катуллу своему ты все, пріятель мой,
Прислалъ, чтобъ цѣлыя онъ протомился сутки,
Да въ Сатурналіи, въ отрадный день такой.

---

14 а) Стихотвореніе это, вѣроятно, написано въ 56 или 54 году до Р. X. въ день праздника Сатурналій (XIV. Кал. Ян.), по случаю шуточнаго подарка со стороны друга нашего поэта, даровитаго оратора и поэта К. Лицинія Мацера Кальва (къ которому написаны 50 и 96 и упоминается 53). Подарокъ состоялъ въ собраніи стиховъ плохихъ стихотворцевъ, на каковой подарокъ Катуллъ угрожаетъ отвѣчать тѣмъ же.

[3]) Лициній въ качествѣ оратора обвинялъ претора П. Ватинія, въ насиліяхъ и злоупотребленіяхъ. Трудно опредѣлить, про чью злобу тутъ говорится, про ненависть ли Лицинія и Катулла къ преступному Ватинію, или же про злобу послѣдняго къ своему обвинителю, хотя послѣднее вѣроятнѣй.

[9]) «Есть люди (говоритъ Светоній), которые различаютъ поэта отъ писателя (a litteratore), какъ греки—грамматика отъ грамотея». Такой незлобивый и неизвѣстный литераторъ какъ Сулла, могъ придумать угодить Лицинію собраніемъ новыхъ стихотвореній, пошлости которыхъ онъ и не разобралъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не спущу тебѣ подобной шутки:
А въ лавки книжныя, едва начнетъ свѣтать,
Я брошусь, Цэзіевъ, Аквиновъ постараюсь [18]),
Суффена самого, весь этотъ ядъ собрать [19]),
И пыткою такой съ тобой я разсчитаюсь.
А вамъ, скажу прости, бѣгите, чада зла,
Туда, откуда васъ нелегкая несла,
Вы, современный бичъ, сквернѣйшіе поэты!

---

14 b.

Отрывокъ.

Если кто моихъ бездѣлокъ
Ставъ читателемъ, безстрашно
На меня возложитъ руки,
. . . .

16.

Къ Аврелію и Фурію.

Въ лицо всѣхъ пакостей надѣлаю я вамъ,
Аврелій мерзостный и съ Фуріемъ постыднымъ,
Которые меня, судя лишь по стихамъ
Моимъ изнѣженнымъ, считаете безстыднымъ.

---

18) Стихоплетовъ, подобныхъ Цэзію и Аквину.

19) Про Суффена говорится въ 22.

14 b) Отрывокъ этотъ очевидно отъ стихотворнаго предисловія къ новому собранію стихотвореній; быть-можетъ, начинавшемуся съ 16-го.

16. Фурій и Аврелій (смот. 11, 14) называли стихотворенія Катулла изнѣженными, а его самого безстыднымъ. Когда это дошло до ушей поэта, онъ беззастѣнчиво накинулся на нихъ, стараясь доказать разницу между характеромъ поэта, какъ человѣка и какъ художника.

Поэту чистоту хранить своей души
Прилично, но стихамъ не нужно то нимало,
Которые тогда остры и хороши,
Когда отчасти въ нихъ распущенность нахала;
И если щекотятъ, пусть будутъ раздражать,
Я не скажу ребятъ, а взрослыхъ безъ желаній,
Которые себя не въ силахъ взволновать;
А вы, читая въ нихъ про тысячи лобзаній,
Ужъ полагаете, что я негодникъ самъ;
Въ лицо всѣхъ пакостей надѣлаю я вамъ.

17.

Къ Колоніи.

О Колонія, ты поиграть на мосту бы желала [1])
Длинномъ и поплясать бы готова, но только боишься
Свай мостишки плохихъ, стоящихъ на дряхлыхъ подпоркахъ,
Чтобъ кувыркомъ-то онъ весь въ глубину не свалился болота;
Пусть по желаньямъ своимъ дождешься хорошаго моста,
По которому можно салійскую праздновать пляску [6]),

---

17. Принимая слово *Колонія* за имя собственное, можно предположить, что это нынѣшній городокъ Колонья недалеко отъ Вероны. Капризная и забавная шутка по поводу хорошенькой жены провинціальнаго горожанина.

[1]) Конечно, жители Колоніи были бы не прочь повеселиться и въ праздники при жертвоприношеніяхъ, даже поплясать на длинномъ и прочномъ мосту, тогда какъ у нихъ только дрянной мостишка, могущій при подобныхъ веселостяхъ свалиться въ глубину болота.

[6]) Жрецы Марса, салійцы перваго марта исполняли характерную пляску въ честь своего божества. Катуллъ только желаетъ гражданамъ моста такого прочнаго, что на немъ могли бы плясать и салійцы, о которыхъ внѣ Рима не можетъ быть и рѣчи.

Только великимъ утѣшь ты меня, Колонія, смѣхомъ;
Нѣкоего изъ моихъ согражданъ хочу съ твоего я
Моста въ грязь сноровить черезъ голову кверху ногами,
Да и туда, гдѣ въ озерѣ цѣломъ и въ тухломъ болотѣ
Плѣсенью все зацвѣло и самая пропасть пучины.
Несоленѣйшій онъ человѣкъ и не болѣе смыслитъ [12])
Мальчика только двухъ лѣтъ, что спитъ, отцомъ убаюканъ.
Вѣдь жена у него въ едва наступившемъ расцвѣтѣ
И избалованнѣй всякаго нѣжнаго даже козленка:
Надо за ней приглядѣть, какъ за гроздомъ самымъ чернѣйшимъ [16]);
Онъ же даетъ ей играть, какъ хочетъ, и думать забылъ онъ,
Самъ не подымется съ мѣста, а словно ольха, что подсѣкли
Лигурійской сѣкирой, лежитъ, завалившись въ канавѣ,
И настолько въ ней чувствъ, какъ будто ея не бывало.
Такъ и мой-то болванъ, ничего онъ не видитъ, не слышитъ,
Кто онъ самъ-то, и есть или нѣтъ, и того онъ не знаетъ.
Вотъ его-то хочу съ твоего я моста низвергнуть,

---

[10]) За такое благожеланіе съ своей стороны Катуллъ выражаетъ Колоніи свое, имѣнно: столкнуть съ моста въ болото безпечнаго мужа молодой красавицы.

[12]) Помня, какъ въ былое время на охотѣ раздавался въ лѣсу голосъ нашего товарища, обращавшійся къ охотнику Литвину: «Макаренко, дуракъ несоленый!» Мы рѣшились *insulsissimus est homo* перевести словомъ *несоленѣйшій*, которое, по нашему мнѣнію, здѣсь вполнѣ равносильно латинскому.

[16]) *Груздь* самый черный — самый сладкій, а потому и соблазнительный.

Можетъ-быть, это бы вдругъ потрясло тупую въ немъ спячку
И въ густой онъ грязи свою бы оставилъ сонливость,
Какъ подкову желѣзную въ липкомъ болотѣ ослица.

---

22 *).

Къ Вару.

Суффенъ вотъ этотъ, Варъ, знакомый твой обычный [1])
Пріятный человѣкъ, рѣчистый и приличный,
А между тѣмъ, стихи писать онъ полюбилъ,
Ихъ тысячъ десять онъ иль больше настрочилъ,
По-моему; не такъ, какъ часто на швырковыхъ
Подчисткахъ: дивная бумага въ книгахъ новыхъ [6]),
Тутъ скалки новыя, застежки, верхъ горитъ,
Все разлиновано, подъ пемзу все блеститъ.
Когда жъ начнешь читать, то съ свѣтскимъ тонкимъ строемъ
Суффена копачомъ сочтешь иль козодоемъ,
Насколько онъ другой и измѣнился такъ.
Что жъ это, почему? Отъявленный острякъ
Натертый человѣкъ по свѣтскости сугубой,

---

*) Отъ 18—20 пропущены въ текстѣ Ризе, котораго мы держались, какъ вставки псевдо-Виргиліевыхъ стихотвореній, а 21 мы обошли, подобно нѣкоторымъ другимъ, на объясненныхъ въ предисловіи основаніяхъ.

22. О Варѣ смот. 10, 1.

[1]) Неизвѣстный намъ Суффенъ въ качествѣ плохого стихотворца упоминается въ 14, 19.

[6]) Подчистками мы перевели in palimpsestos, во избѣжаніе иностраннаго слова, такъ какъ палимпсестъ есть пергаментъ, съ котораго счищены прежнія письма и начертаны новыя.

Онъ деревенщины грубѣе всякой грубой,
Когда начнетъ писать; и больше счастья онъ
Не знаетъ, чѣмъ когда въ писанье углубленъ:
Такъ восхищается и такъ себѣ дивится.
Мы слабы этимъ всѣ; и рѣдко гдѣ случится
Такого повстрѣчать, что не признаешь въ немъ
Суффена. Собственнымъ отмѣченъ всякъ грѣхомъ.
Не видимъ мы мѣшка, что носимъ за спиною [21]).

23.

Къ Фурію.

Ты, Фурій, у тебя ни скрини, ни раба,
Клопа иль паука, иль уголька не видно [2]),
Отца и мачиху дала тебѣ судьба
Такихъ, что камни грызть зубамъ ихъ безобидно;
И хорошо тебѣ съ родителемъ твоимъ
Да и съ родительской супругой деревянной.
Не мудрено: дано здоровье всѣмъ троимъ,
Варитъ съ исправностью желудокъ постоянный.
Землетрясеніе, пожаръ вамъ не во вредъ,
Ни кражи дерзкія, ни яды, ни тревога,
И никакихъ иныхъ вы не боитесь бѣдъ,

---

[21]) Половины перекидного мѣшка, находящейся у насъ за спиною.

23. О Фуріи смот. 11, 14. Этотъ попрошайка уже давно (смот. 26) приставалъ къ Катуллу, прося дать взаймы, а, быть-можетъ, и подарить сто тысячъ сестерцій, и, ссылаясь на свою бѣдность, описывалъ ее въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ.

Когда Фурій не остановился передъ игривымъ отказомъ Катулла (26), ссылавшагося на собственное безденежье, поэтъ безцеремонно отдѣлалъ его въ настоящемъ стихотвореніи, изобразивъ бѣдность Фурія въ преувеличенномъ и смѣшномъ видѣ.

[2]) У Фурія, зиму и лѣто проводящаго на улицѣ подъ открытымъ небомъ, не можетъ быть ни клоповъ, ни пауковъ, ни очага.

А самыя тѣла гораздо суше рога,
И можетъ быть могли васъ больше изсушить
И солнце, и морозъ, и сила голоданья.
Ну какъ тебѣ легко и весело не жить?
Нѣтъ поту у тебя и слюнь нѣтъ изліянья,
Мокроты вовсе нѣтъ, и нечѣмъ лить носамъ.
Къ такой опрятности опрятность поневолѣ:
Солонки чище то, на чемъ сидишь ты самъ,
Ты очищаешься въ годъ десять разъ не болѣ,
И твердымъ словно бобъ или какой голышъ,
Хоть перетри въ рукахъ все это равномѣрно,
Ты даже пальчика себѣ не загрязнишь.
Такихъ большихъ удобствъ, ты, Фурій, лицемѣрно
Не презирай; нельзя бездѣлкой ихъ считать,
И сотни нечего сестерцій вымогать [26]),
Какъ ты привыкъ,—и такъ ты обезпеченъ вѣрно.

24.

Къ Ювенцію.

О ты, Ювенціевъ отборнѣйшій цвѣтокъ!
Не только нынѣшнихъ, но всѣхъ былыхъ украса,
Иль тѣхъ, что въ будущихъ годахъ готовитъ рокъ,
Я бъ предпочелъ, чтобъ ты богатства сдалъ Мидаса [4])
Тому, у коего ни скрини, ни раба,

---

[26]) Подъ сотней сестерцій у римлянъ подразумѣвалось сто тысячъ сестерцій, по нашему около 6 тыс. руб.

24. Знатный родъ *Ювенціевъ* вышелъ около 380 года до Р. Х. изъ Тускулума, и упоминаемый здѣсь Ювенцій былъ безъ сомнѣнія въ свою очередь богатый и утонченный молодой человѣкъ.

[4]) Фригійскій царь Мидасъ своимъ прикосновеніемъ все превращалъ въ золото.

[5]) Все тому же нищему, но, повидимому, изящно-вкрадчивому Фурію.

Чѣмъ то, что передъ нимъ душа твоя слаба.
Какъ! восклицаешь ты, ужель онъ не любезенъ?
Но у любезнаго ни скрини, ни раба.
Полезенъ ли тебѣ совѣтъ иль безполезенъ,
А все же у него ни скрини, ни раба.

25.

Къ Ѳаллу.

Распутный Ѳаллъ, нѣжнѣй ты кроликовъ пушка,
Или гусинаго, иль мякоти ушка,
Иль пѣсни, что паукъ заткалъ фатой троякой.
Но все ты, Ѳаллъ, жаднѣй хватаешь бури всякой [4])
Въ тотъ часъ, какъ банщики зѣваютъ при лунѣ,
Накидку, что укралъ, мою отдай ты мнѣ,

---

10) Поэтъ очевидно играетъ стихомъ, которымъ очерчивается характернѣйшая сторона Фурія.

25. Изнѣженнаго и распущеннаго Ѳалла Катуллъ,

1) обозвавъ распутнымъ, сравниваетъ со всѣмъ нѣжнымъ и мягкимъ: кроликовымъ и гусинымъ пухомъ, мякотью уха и даже плѣсенью, что не мѣшаетъ Ѳаллу,

4) подобно бурѣ, устремляться на чужое добро. Но въ какое время—это должно было разъясниться въ слѣдующемъ

5) стихѣ, совершенно испорченномъ.

Ризе ставитъ:

cum luna balnearios ostendit oscitantes, согласно чему мы и перевели этотъ стихъ въ томъ смыслѣ, что пока усталые банщики зѣваютъ при лунѣ, Ѳаллъ крадетъ вещи у купающихся. Но зная, что римляне по захожденіи солнца уже садились за ужинъ, а мыться послѣ пищи считалось не только вреднымъ, но даже предосудительнымъ, оставляемъ такое чтеніе стиха на отвѣтственности Ризе.

Гейзе вмѣсто *balnearios* ставитъ *mulierarios*, т.-е. охотниковъ до женщинъ, съ чѣмъ скорѣе можно согласиться. Согласныхъ съ такимъ чтеніемъ мы просимъ замѣнить слово банщики словомъ бабники, которымъ свойственнѣе зѣвать при лунѣ въ ожиданіи приключеній.

Сэтабскій мой ручникъ и тинскіе узоры [7]),
Что сталъ ты, шутъ, носить какъ отчіе уборы [8]).
Изъ-подъ ногтей своихъ пусти ихъ, возвратя,
Чтобъ нѣжныхъ бедръ твоихъ и мягкихъ лапокъ я
Бичомъ не расписалъ горячимъ, можетъ статься,
И неожиданно не сталъ бы ты метаться,
Какъ по морю корабль, подъ бурею кряхтя.

26.

Къ Фурію.

Заложенъ сельскій домъ мой словно по заказу;
Онъ, Фурій, съ Австеромъ, съ Фавономъ не знакомъ [2]),
Афеліотъ, Борей не дули здѣсь ни разу [3]),
Но тысячъ до двухъ сотъ залогу есть на немъ [4]).
О буря страшная, несущая заразу!

---

[7]) Сэтабскій ручникъ (смотри 12, 13), тинскіе или виѳинскіе узоры: разрисованные, расписанные или расшитые предметы неизвѣстно какіе: платки, ковры, записныя книжки или даже ножи.

[8]) Шутомъ Катуллъ обзываетъ Ѳалла, не скрывающаго даже своего воровства.

26. Попрошайка Фурій (11, 23, 24), на отказъ Катулла дать ему денегъ, потому что ихъ не было у самого поэта, вѣроятно указывалъ ему не только на его виллу, но и на самое ея положеніе, охраняющее ее отъ вѣтровъ и потому еще болѣе возвышающее ея цѣнность. На это замѣчаніе Катуллъ отвѣчаетъ, играя словомъ *opposita*, означающимъ: выставленная съ одной стороны на вѣтеръ, а съ другой какъ залогъ.

[2]) Австеръ—южный, а Фавонъ или Зефиръ—западные вѣтры.

[3]) Афеліотъ—восточный вѣтеръ, а Борей—сѣверный.

[4]) Ничтожный залогъ около тысячи нашихъ рублей ничего не говоритъ о стоимости виллы.

27.

Къ мальчику прислужнику.

Фалерна стараго служитель мальчикъ, намъ
Лей въ чаши горечи хмельной и безпощадной,
Такой законъ дала Постумія пирамъ [3]),
Пьянѣе ягоды налившись виноградной [4]).
Прочь вы, струи воды, куда угодно вамъ,
Губителямъ вина; вы къ строгимъ ворчунамъ
Ступайте: чистаго здѣсь царство Тіонейца [7]).

---

27. Старыя римскія вина, отзывавшіяся пріятной горечью, были до того крѣпки, что разбавлялись водой.

[3]) Вопреки общему обычаю, неизвѣстная намъ Постумія, предсѣдательница пировъ современной молодежи, постановила законъ пить цѣльное вино. Конечно, подъ именемъ Постуміи нельзя искать женщину высшаго круга, какую-нибудь знакомую Клодіи.

[4]) Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ стиховъ по смѣлости, сжатости и образности сравненія. Жаль, что Пушкинъ совершенно его выпустилъ въ своемъ переводѣ, который и приводимъ здѣсь цѣликомъ:

«Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ».

[7]) Вакхъ, сынъ Семелы, по прозванію Тіонейскій, или отъ греческаго слова θύειν (неистовствовать), или отъ Тіоны, прозванія Семелы.

28.

Къ Веранію и Фабуллу.

Службы Пизоновой тощіе спутники
Съ ловкими сумками и маловѣсными [2]),
Добрый Вераній, Фабуллъ ты сердечный мой:
Какъ поживаете? Вдоволь ли съ кислымъ тѣмъ [4])
Холоду, голоду вы натерпѣлися?
Или у васъ на таблицахъ прибыточка [6])
Виденъ расходъ? Такъ и я съ своимъ преторомъ
Какъ походилъ, лишь расходы повыставилъ.
Добрымъ порядкомъ, о Меммій, ты дралъ меня
И всевозможныхъ надѣлалъ мнѣ гадостей!
Вижу, что въ томъ же и вы положеніи
Были. Дубинкой не меньшей васъ гладили [12])
Тожъ. Вотъ высокихъ друзей и отыскивай [13]).
Пусть же всѣ боги караютъ съ богинями
Васъ, поношеніе Рема и Ромула.

---

28. Подобно тому, какъ самъ Катуллъ отправлялся въ Виѳинію съ пропреторомъ Мемміемъ, котораго онъ такъ бранитъ (10), почти единовременно съ нимъ два лучшихъ его друга Вераній (9) и Фабуллъ (13, 12, 45) возвращались изъ свиты проконсула Пизона, вѣроятно, изъ Испаніи. По собственному опыту Катуллъ въ настоящемъ стихотвореніи предчувствуетъ, что и его пріятели разжились на службѣ у консула не болѣе, чѣмъ онъ у своего Меммія, и за то облегчаетъ душу бранью противъ высокихъ друзей.

[2]) Сумки путешественниковъ ловки и подручны по своей маловѣсности.

[4]) *Vappa* собственно прокислое вино, а въ переносномъ значеніи—негодный человѣкъ въ родѣ нашей «кислятины».

[6]) На записныхъ таблицахъ для отмѣтокъ прихода пришлось выставлять одни расходы.

[12]) Слово *были* показываетъ, что Вераній и Фабуллъ во время написанія стихотворенія уже не были на службѣ у Пизона.

[13]) Къ фамиліи Пизоновъ, происходившей отъ Нумы Помпилія (Гор. пос. къ Пизон. 292), всего лучше шло прозваніе высокихъ.

29.

Къ Цезарю.

Кто это видѣть можетъ, кто перенесетъ,
Коль не безстыдникъ онъ, распутникъ и игрокъ [2],
Что у Мамурры-то, чѣмъ прежде Галлія
Косматая владѣла и Британія [4])?
Безпутный Ромулъ видишь все и терпишь ты,
А тотъ теперь и въ гордости и въ роскоши
Пойдетъ ходить по всѣмъ постелямъ по чужимъ,
Какъ словно бѣлый голубокъ иль Адонисъ?

---

29. Хотя это стихотвореніе и желаетъ преимущественно насолить Цезарю, но формально направлено противъ его начальника военныхъ построекъ, всадника Мамурры, родомъ изъ Форміи (Molo di Gaeta), которыя поэтому Горацій (1 сат. 5, 37) иронически называетъ городомъ Мамурръ. Мамурра сперва растратилъ отцовское наслѣдство (ст. 17), почему онъ и называется (41, 4. 43, 5) *гулякой Форміанцемъ*, но послѣ въ Понтѣ и Испаніи и подъ конецъ въ Галліи скопилъ огромныя богатства, которыя употреблялъ на роскошныя постройки въ Римѣ. Въ жизнеописаніи Катулла мы говорили о шаткости догадокъ насчетъ причинъ исключительной ненависти Катулла къ Мамуррѣ и черезъ него къ самому Цезарю, въ томъ числѣ и объ *Амеанѣ*, послужившей будто бы яблокомъ раздора (Вестфаль). Настоящее стихотвореніе, въ формѣ Архилоховскихъ ямбовъ, написано въ 55 году тотчасъ за первымъ походомъ Цезаря въ Британію (стих. 4, 20), но раньше смерти Юліи, дочери Цезаря и супруги Помпея, которая умерла въ сентябрѣ 54-го года. Не можетъ быть сомнѣнія, что Мамурра, подобно самому Цезарю, не отличался особенною чистотою нравовъ, но трудно опредѣлить, въ какой мѣрѣ онъ заслуживалъ такую исключительную ненависть. Нѣтъ сомнѣнія, что своимъ любострастіемъ онъ въ Римѣ заслужилъ уличную кличку *Mentula*, которую мы переводимъ словомъ *хлыщъ*, которымъ такъ часто играетъ Катуллъ въ своихъ нападкахъ на Мамурру.

[2]) Тонкій намекъ на Цезаря.

[4]) *Comata Gallia*, въ противоположность *Togata*, вслѣдствіе длинныхъ волосъ ея жителей.

[5]) *Безпутный Ромулъ*,—въ смыслѣ главы государства—Цезарь.

Безпутный Ромулъ видишь все и терпишь ты?
Вѣдь ты безстыдникъ, и распутникъ, и игрокъ.
Не съ этой ли ты цѣлью, вождь единственный
На самомъ крайнемъ островѣ былъ запада,
Чтобъ этотъ хлыщъ истрепанный у васъ глоталъ [13]
По двѣсти или триста тысячъ тамъ за разъ?
Иначе что же значитъ щедрость вредная?
Иль мало размоталъ онъ? Мало расшвырялъ?
Сперва онъ погубилъ отцовское добро,
Затѣмъ Понтійскую добычу, въ-третьихъ же [18]
Иберскую, что знаетъ златоносный Тагъ [19];
Не для него ль и Галлія съ Британіей?
Что эту дрянь лелѣете? Что можетъ онъ,
Какъ не глотать отцовское наслѣдіе?
Не въ силу ли ужъ этого, нѣжнѣйшіе
Вы, тесть и зять, весь разорили кругъ земной [24]?

30.

Къ Алфену.

Алфенъ, такъ все забывъ, товарища надуть!
Иль друга милаго не жаль тебѣ ничуть?
Радъ обмануть меня, предать ты, нечестивый?

---

[13]) *Мамурра.*

[15]) Цезаря вообще упрекали въ щедрости къ дурнымъ людямъ, и мы не нашли лучшаго выраженія для *sinistra*—съ лѣвой руки.

[18]) Въ войнѣ Помпея противъ Митридата Понтійскаго (66—64 г.).

[19]) При Цезарѣ, который (61—60 г.) велъ въ Лузитаніи войну, обогатившую его и его приближенныхъ. Здѣсь въ первый разъ рѣка Тагъ приводится въ качествѣ золотоносной; эпитетъ, оставшійся за нею у поэтовъ.

[24]) Тесть и зять—Цезарь и Помпей.

30. Неизвѣстный намъ другъ Катулла Алфенъ *подвелъ поэта* (быть-можетъ при помощи другихъ) *подъ любовь* (къ Лезбіи?), а за-

И небожителямъ противенъ смертный лживый.
Ты это все забылъ, отдавъ меня бѣдамъ.
Увы! Скажи, какъ быть, кому же вѣрить намъ?
Ты душу-то раскрыть велѣлъ мнѣ лицемѣрно
И подъ любовь подвелъ, какъ будто все такъ вѣрно.
Теперь уходишь ты; всѣ рѣчи, всѣ дѣла
На вѣтеръ брошены, ихъ тучъ уноситъ мгла.
Хоть ты забылъ, но богъ и Вѣрность не забыли,
Они въ дѣлахъ тебѣ раскаяться судили [12]).

31.

Къ полуострову Сирміону.

Всѣхъ полуострововъ, всѣхъ острововъ зѣница
Ты, милый Сирміонъ, насколько средь озеръ
Иль на моряхъ ихъ есть двоякаго Нептуна [3]),
Тебя доволенъ такъ, такъ радъ я увидать!
Едва мнѣ вѣрится, что съ тинскихъ и виѳинскихъ
Вернувшися полей, я вижу твой пріютъ.

тѣмъ, въ виду возникшихъ усложненій, уклонился отъ этого дѣла. Въ этомъ стихотвореніи слышится не озлобленіе, а скорѣй грустный упрекъ другу, который еще

[12]) Можетъ раскаяться въ своемъ поступкѣ.

31. Это прелестное стихотвореніе написано въ скорости по возвращеніи Катулла изъ Виѳиніи (56—55 г.), приблизительно единовременно (4). Изъ отцовскаго дома въ Веронѣ поэтъ навѣстилъ свою сирміонскую виллу, которой онъ (стих. 12) состоялъ владѣльцемъ. Прелести Гардскаго озера и тишина домашняго пріюта сказались въ этой пѣснѣ. *Сирміонъ*, нынѣ *Sermione*, узкая утесистая коса на южномъ берегу Гардскаго озера. Древнія развалины императорскихъ временъ на сѣверной ея оконечности до сихъ поръ слывутъ виллою Катулла.

[3]) Бога озеръ и морей.

[5]) *Тинія*—имя области ближайшей къ Босфору, слившейся въ 3-мъ вѣкѣ до Р. Х. съ Виѳиніей и сохранившей свое имя лишь у поэтовъ.

О что отраднѣе покинутой заботы,
Какъ бремя снявъ съ души, и путника трудомъ
Измучась, мы идемъ опять къ родному Лару,
Чтобъ на желанную давно возлечь кровать.
Вотъ это всѣхъ трудовъ единая награда.
О здравствуй, Сирміонъ, владѣльцу будь же радъ;
Вы, волны озера сквозныя, веселитесь:
Все смѣйся, что въ дому хохочущаго есть [14].

32.

Къ Ипсиѳиллѣ

Пожалуйста, голубка Ипсиѳилла,
Моя услада и моя ты прелесть,
Ты прикажи къ тебѣ придти мнѣ въ полдень.
И если такъ велишь, то прикажи ужъ,
Чтобъ на засовъ никто не заперъ двери,
И ты сама уйти куда не вздумай;
А оставайся дома и готовься,
Чтобъ девять разъ тебя я обнялъ къ-ряду.
Но если такъ, приказывай немедля:
Такъ какъ я сытъ и навзничь повалился,
Туника мнѣ и палій даже узки.

---

[14]) Какой неподдѣльной радостью звенитъ этотъ неожиданный стихъ, которому равнаго не скоро отыщешь.

32. Эта записка къ *Ипсиѳиллѣ*, несмотря на ласкательныя выраженія, явно показываетъ безцеремонность, съ которою поэтъ обращается къ простой либертинѣ. Время ея написанія неизвѣстно.

34.

Къ Діанѣ.

Мы подъ защитой Діаниной,
Чистыя дѣвы и мальчики,
Встрѣтимъ Діану, мы чистые,
Пѣснью благочестивой.

—

О Латонія вышняго
Дочь Громовержца великая,
Ты, породила которую
Мать подъ делосской оливой [8]),

—

Чтобы была ты владычицей
Горъ и лѣсовъ зеленѣющихъ
И по сокрытымъ ущеліямъ
Рѣкъ съ громозвучной волною.

—

Ты и Люцина томящимся [13]),
Ты и Юнона родильницамъ,

---

34. Этотъ гимнъ къ Діанѣ, очевидно, написанъ, какъ и позднѣйшая *пѣсня столѣтію* Горація, по поводу торжества Діаны на Авентинѣ 13-го августа или Діаны *Nemorensis* въ Ариціи; вѣроятно, въ тотъ же день и предназначался для хорового пѣнія цѣломудренныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Отдѣльныя строфы пѣлись тѣми и другими или попеременно или сообща.

[5]) Латонія (Великая Діана), дочь вышняго Юпитера.

[8]) Латона, преслѣдуемая ревностью Юноны, родила Діану на пловучемъ островѣ Делосѣ (въ награду закрѣпленномъ на мѣстѣ) — Одиссея 6, 162—подъ пальмой; Каллимаха гимн. 4, 262—подъ оливой.

[10]) Жилище дикихъ звѣрей.

[13]) *Люцина*—римское прозваніе Юноны, какъ помощницы въ родахъ, придавалось и Діанѣ, чѣмъ объясняется и послѣдующій стихъ.

Тривія тоже, съ заемнымъ ты
Свѣтомъ зовешься Луною.

—

Ты въ обращеніи мѣсячномъ
Мѣря теченье годичное,
Въ закромы сельскаго пахаря
Сыплешь и сборъ нарочитый.

—

Будь, подъ какимъ бы ты именемъ
Ни пожелала, священною,
И какъ издревле будь правнукамъ
Ромула вѣчной защитой.

35.

Приглашеніе Цэцилію.

Нѣжному поэту, другу сердца [1]),
Ты, письмо, Цэцилію скажи-ка,
Чтобъ въ Верону прибылъ онъ, покинувъ
Стѣны Кома и Ларійскій берегъ [4]):

---

[15]) *Тривія* — періодическое исчезновеніе луны (олицетворенной Діаною), навело древнихъ на мысль, что она въ это время спускается въ подземное царство, являясь такимъ образомъ тройственной владычицей неба, земли и Аида. Въ этомъ качествѣ выставляемая на перекресткахъ (trivium), она была Тривія. Уже Пармениду было извѣстно, что луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца.

35. Катуллъ приглашаетъ своего друга, неизвѣстнаго намъ поэта Цэцилія, оставить свое Комо и бѣжать къ Катуллу въ Верону, чтобы услыхать какія-то неизвѣстныя намъ соображенія Катулла. Стихотвореніе это написано не ранѣе 59 года.

[1]) Эпитетъ *нѣжный* (tener) придавался поэтамъ мелкихъ любовныхъ стихотвореній.

[4]) *Lacus Larius*—Комское озеро.

Я желалъ бы, чтобъ услышалъ мысли
Своего и моего онъ друга [6]).
Коль смышленъ онъ, то пожретъ дорогу,
Хоть бы тысячью его моленій
Отзывала дѣва, обѣ руки
Наложивъ на шею, чтобъ остался,
Та, что нынѣ, если правду слышу,
Отъ любви къ нему совсѣмъ изныла.
Ибо съ той поры, какъ прочиталъ онъ
Начатую Диндимену, пламень [14])
Пожираетъ мозгъ въ костяхъ бѣдняжки.
Я тебѣ прощаю дѣва, Саффо
Ты мудрѣе: очень ужъ изящно
Мать боговъ сталъ воспѣвать Цэцилій.

36.

Къ Анналамъ Волюзія.

Анналъ Волюзія зловонное маранье [1])
Исполни ты моей дѣвицы обѣщанье;

---

[6]) Такъ шуточно Катуллъ называетъ самого себя.

[14]) Любезность по отношенію къ Цэцилію, согласно которой возлюбленная дѣва воспылала неотразимой страстью съ той минуты, когда Цэцилій прочелъ ей начало своей поэмы *Диндимены*, матери боговъ Цибелы, чтимой на горѣ Диндимѣ во Фригіи.

36. Лебзія въ шутку обѣщала, если случайно разсердившійся на нее Катуллъ снова съ нею примирится, то она принесетъ въ жертву пламени самые гадкіе стихи сквернѣйшаго поэта. Катуллъ, которому понравилась подобная затѣя Лезбіи, примирившись съ возлюбленной, проситъ богиню любви принять и разрѣшить этотъ обѣтъ, представляя въ очистительную жертву анналы Волюзія. Этотъ плохой поэтъ, о которомъ, какъ о цизальпинцѣ, говорится въ 95, 7 и слѣдовательно землякѣ Катулла, намъ болѣе неизвѣстенъ, а подражалъ онъ безъ сомнѣнія анналамъ Эннія.

[1]) Рѣзкое выраженіе вмѣсто: измаранная бумага.

Венера слышала обѣтъ и Купидонъ:
Что если буду я ей снова возвращенъ
И злой мой ямбъ искать не станетъ въ ней предмета,
То сочиненіе мерзѣйшаго поэта
Пожертвуетъ она хромому богу въ даръ,
Чтобы мучительный ихъ охватилъ пожаръ.
И думалось тогда дѣвицѣ своенравной,
Что это былъ обѣтъ и милый, и забавный.
О ты, что рождена морскою синевой,
Кого Идалій чтитъ и Уріонъ морской [12]),
Чей Книдъ средь камышей любимый и Анкона [13]),
Чей Аматунтъ, чья власть простерта до Голгона [14]),
И до Дуррахія, гдѣ Адріи притонъ,
Прими обѣтъ и будь тобой онъ разрѣшенъ,
Коль нѣтъ безвкуснаго и пошлаго въ затѣѣ.
А вы межъ тѣмъ въ огонь ступайте поскорѣе
Мужиковатые, полны нечистоты,
Анналъ Волюзія зловонные листы.

---

[5]) Перестану оскорблять ее ямбами.

[12]) Идалій — городъ на Кипрѣ, какъ главное святилище Афродиты.

Уріонъ—на Апулійскомъ берегу у подножія горы Гаргана.

[13]) *Книдъ*—дорійскій городъ съ тремя храмами Афродиты и съ знаменитой статуей богини работы Праксителя, былъ окруженъ камышами, которые шли на трости для писанія и на бумагу, папирусъ. Анкона, и понынѣ въ сѣверной части Адріатическаго моря, была извѣстна и во время Ювенала храмомъ Венеры.

[14]) Аматунтъ — на южномъ берегу Кипра, нынѣшній Лимиссо, преимущественно римскими поэтами связывался съ именемъ Венеры *Аматузіи*. Голгосъ на томъ же островѣ.

[15]) *Дуррахій*—нынѣ Дураццо противъ Брундизія на Иллирійскомъ берегу, въ качествѣ пути сообщенія между Италіей и Востокомъ, обзывается притономъ или трактиромъ Адріи и, какъ такой притонъ торговыхъ и проѣзжихъ людей, славился свободою нравовъ.

38.

Къ Корнифицію.

Плохъ, Корнифицій, сталъ Катуллъ твой и къ тому же
Ему, клянусь, совсѣмъ тошнехонько пришло
И хуже съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ хуже.
А ты, казалось бы, не очень тяжело,
И не обрадуешь словечкомъ утѣшенья?
Я злюсь. Ужель меня забыть тебѣ пришлось?
Словцо участія отраднѣй безъ сомнѣнья
Всѣхъ симонидовскихъ краснорѣчивыхъ слезъ [8]).

39.

Къ Эгнатію.

Эгнатій, бѣлизну зубовъ своихъ являя,
Вѣкъ улыбается: къ скамейкѣ приступая [2])
Судебной, гдѣ до слезъ защитникъ всѣхъ довелъ,
Онъ улыбается; иль на костеръ набрелъ,
Гдѣ съ воплемъ плачетъ мать единственнаго сына,
Онъ улыбается. Повсюду все едино

---

38. Можно допустить, что этотъ упрекъ другу Корнифицію, тождественному, быть-можетъ, съ лирическимъ поэтомъ, упоминаемымъ Ovid. Trist. 2, 436, былъ написанъ во время послѣдней болѣзни Катулла.

[8]) Слово слезы переводъ заглавія Симонидовскихъ пѣсенъ печали: θρῆνοι.

39. Это, нѣсколько длинное въ сравненіи съ своею сущностью, стихотвореніе обращено противъ щеголя Эгнатія, имѣвшаго привычку всюду скалить свои бѣлоснѣжные зубы и раздражившаго Катулла, какъ видно изъ пропущеннаго нами 37, своимъ ухаживаніемъ за Лезбіей.

[2]) Къ скамьѣ подсудимыхъ.

Онъ улыбается. Такой недугъ по мнѣ,
Нельзя ни вѣжливымъ, ни тонкимъ счесть вполнѣ.
Прими же мой совѣтъ, Эгнатій добрый, нынѣ:
Тибура ль ты жилецъ, или рожденъ въ Сабинѣ,
Ты Умбръ ли сытенькій, или этрускъ съ брюшкомъ [11]),
Иль ланувіецъ ты, зубастъ и смуглъ лицомъ [12]),
Иль транспаданецъ,—(мнѣ свои-то больно любы) [13]),
Ну кто бы ни былъ ты изъ тѣхъ, что моютъ зубы,
Не смѣйся ты всему, повсюду и при всѣхъ.
Глупѣй нѣтъ ничего, повѣрь, чѣмъ глупый смѣхъ,
Но цэльтиберецъ ты: въ странѣ же цэльтиберской [17]),
Какъ кто помочится, такъ утромъ этой мерзкой
Онъ влагой зубы третъ и десны до-красна;
Такъ, что у васъ зубовъ чѣмъ чище бѣлизна,
Тѣмъ больше значитъ онъ напился полосканья.

40.

Къ Равиду.

Что за безуміе, несчастнѣйшій Равидъ,
Тебя стремглавъ швырнуть мнѣ въ ямбы норовитъ?

---

11) Эпитетъ къ Умбру (pinguis) жирненькій или сытенькій подвергался многочисленнымъ обсужденіямъ, но остался въ настоящемъ видѣ. Этрускъ съ брюшкомъ (obesus)—весьма характеристично для фигуръ, сохранившихся на этрусскихъ памятникахъ.

12) Жители города Ланувія горы Альбана по свидѣтельству Катулла отличались смуглыми лицами и здоровыми зубами.

12) Транспаданецъ, впервые здѣсь упоминаемое названіе. Поэтъ здѣсь, какъ бы невольно, вспоминаетъ своихъ земляковъ веронцевъ.

17) Рѣка Иберъ нынѣшній Эбро, мѣсто поселенія древнихъ кельтовъ. Горацій въ отличіе отъ разныхъ дикихъ народовъ (2. od. 20, 19) называетъ иберцевъ просвѣщенными, хотя Катуллъ приписываетъ имъ привычки, о которыхъ слышно лишь про гренландцевъ.

40. Саркастическая угроза неизвѣстному намъ сопернику, обез-

Какой же богъ тебя, моленью внявъ не въ пору,
Поднять безумную налаживаетъ ссору?
Иль хочется тебѣ въ устахъ у черни жить?
Какъ? Иль во что бъ ни шло извѣстнымъ хочешь быть?
Ты будешь имъ; за то, что захотѣлъ влюбиться
Въ предметъ моей любви, во вѣкъ тебѣ казниться [8]).

41.

Къ возлюбленной Мамурры.

Амеана,—трепанная дѣва,
У меня всѣхъ десять тысячъ проситъ!
Дѣва съ больно нехорошимъ носомъ.
Нѣжный другъ мотыги Формiанца [4]).
Близкiе и кто объ ней печется,
Вы друзей и медиковъ зовите,
Вѣдь больна, и какова собою,
Знать, спросить у зеркала не хочетъ.

смертить его имя ямбами, которую, какъ мы видимъ, Катуллъ исполняетъ въ теченiе 2-хъ тысячъ лѣтъ.

[8]) Предметъ любви, изъ-за котораго возникла ссора Катулла съ Равидомъ, намъ неизвѣстенъ, но онъ ни въ какомъ случаѣ не Лезбiя.

41. Изъ самого, неизвѣстно когда написаннаго, стихотворенiя выясняется, что настоящая или бывшая возлюбленная Мамурры, при любовномъ обращенiи къ ней Катулла, запросила съ него 10 тыс. сестерцiй около 600 руб. на наши деньги. Раздраженный поэтъ изображаетъ ее, которую (43, 6) въ провинцiи считаютъ красивой и въ которой онъ только что самъ заискивалъ, безобразною: по замѣчанiю Вестфаля: «киселъ виноградъ».

[4]) Этотъ стихъ, указывающiй на Мамурру, повторяется въ 43, 5.

42.

Къ неизвѣстной.

Сюда вы, ямбы, сколько васъ найдется,
Всѣ сколько есть и сколько васъ сберется [2]).
Вотъ дѣвка дрянь, смѣяся надо мной,
Не возвращаетъ книжки записной,
Въ которой вы: вамъ вѣрно непріятно.
Поймавъ ее, потребуемъ обратно.
А кто она, вы спросите? Да, вотъ,
Что ходитъ дерзко, смѣхомъ корчитъ ротъ,
Какъ галльская собака безобразно [9]).
Ее поймавъ, пристаньте безотвязно:
«Ты, дѣвка дрянь, намъ возврати стихи,
Дрянь дѣвка, ты намъ возврати стихи».
Не слушаешь? О грязь изъ подлой лужи.
Иль, что того еще быть можетъ хуже.

---

42. Настоящее стихотвореніе по безпощадному тону ни въ какомъ случаѣ нельзя отнести къ Лезбіи. Неизвѣстная намъ либертина не хочетъ возвратить записной книжки поэта съ лестнымъ, быть-можетъ, для нея стихотвореніемъ, или, быть-можетъ, у него похищенной; поэтому онъ скликаетъ со всѣхъ сторонъ язвительные ямбы, чтобы какъ стаю собакъ напустить ихъ на упрямицу. Когда самыя безцеремонныя ругательства не могутъ склонить ее, онъ прибѣгаетъ къ самому ядовитому сарказму, обзывая ее честной дѣвушкой.

[2]) Повтореніе: сколько васъ сберется—найдется, выражаетъ мно жество ямбовъ.

[9]) *Галльская собака*, судя по превращен. Овидія (I. 533):

> «Какъ собака изъ Галліи въ полѣ открытомъ увидитъ
> Зайца»,

несомнѣнно борзая. Охотники знаютъ, что только эта, и притомъ сравнительно наименѣе развитая порода, улыбается, что, конечно, мало идетъ къ ея клинообразной головѣ, на которой улыбка собирается у самыхъ ноздрей.

Однакожъ мало этимъ заключить.
Коль не беретъ, то въ краску приводить
Желѣзную собачью морду станемъ [17]),
Опять кричать мы громче не отстанемъ:
«Ты, дѣвка дрянь, намъ возврати стихи,
Дрянь дѣвка, ты намъ возврати стихи».
Напрасно все, никакъ не поддается.
Такъ свой пріемъ вамъ измѣнить придется,
Чтобъ средства снова не были плохи:
«Ты, честная, отдай же намъ стихи».

43.

Къ подругѣ Мамурры.

Здравствуй, дѣва, ты, чей носъ не скуденъ,
Некрасивы ноги, глазъ не черенъ,
Неистяжны пальцы, ротъ не вытертъ
И языкъ не слишкомъ-то изященъ,
Нѣжный другъ мотыги Форміанца.
Ты ль слывешь въ провинціи прекрасной? [6])
Лезбію мою съ тобой равняютъ?
О какой-же вѣкъ тупой и грубый!

---

[17]) Желѣзную—твердую, неподатливую.

43. Амеана здѣсь снова подвергается насмѣшкамъ поэта болѣе сильнымъ, чѣмъ 41. Повтореніе на 5, 4-го стиха 41 не оставляетъ сомнѣнія, что передъ нами снова она. Но при всей безпощадности стихотворенія, изящный вкусъ поэта заставилъ его избѣжать грубыхъ поименованій всѣхъ ея недостатковъ, и онъ ограничивается перечисленіемъ совершенствъ красавицы съ ироническимъ прибавленіемъ отрицанія *не*.

[6]) Подразумѣвается ли здѣсь подъ провинціей Верона,—неизвѣстно.

44.

Къ своему помѣстью.

О, мой клочокъ земли, сабинскій иль тибурскій, [1]
(Тибурскимъ ты слывешь у тѣхъ, что не хотятъ
Катулла огорчать, а тѣ, что это любятъ,
Въ томъ, что сабинскій ты, побьются объ закладъ).
Но будь сабинскимъ ты или скорѣй тибурскимъ,
Радъ виллѣ я своей близъ городскихъ воротъ,
Тамъ выгналъ изъ груди я кашель нестерпимый,
Которымъ подѣломъ снабдилъ меня животъ [8]),
Когда я ужиномъ роскошнымъ соблазнился.
Когда я Сестія быть гостемъ пожелалъ,

---

44. Въ этомъ стихотвореніи иронія поэта не щадитъ ни самого себя, ни П. Сестія, народнаго трибуна, политическаго сторонника Цицерона, но весьма плохого (по свидѣтельству того же Цицерона) стилиста, пригласившаго Катулла на роскошный ужинъ. Искушаемый чревоугодіемъ, Катуллъ изъ вѣжливости не хотѣлъ вѣроятно явиться къ Сестію, не ознакомившись съ послѣднею его рѣчью противъ обвинителя Анція, и потому прочелъ ее у себя. Хотя онъ и самъ намекаетъ, что собственное невоздержаніе за ужиномъ способствовало развитію въ немъ насморка и кашля, тѣмъ не менѣе выражается такъ, какъ будто простудился въ холодѣ Сестіевой рѣчи. Выздоровѣлъ онъ только при помощи крапивы въ спокойномъ убѣжищѣ своей виллы. На будущее же время желаетъ, чтобы простуда отъ Сестіевыхъ произведеній нападала не на него, а на самого автора.

[1]) Помѣстье Катулла стояло, вѣроятно, на границѣ между тибурскимъ округомъ, застроеннымъ по случаю болѣе мягкаго климата виллами богачей, и болѣе суровымъ и утесистымъ Сабиномъ, почему благопріятели Катулла считали его помѣстье аристократически тибурскимъ, а недоброжелатели—плебейски сабинскимъ.

[8]) Чревоугодіе.

[10]) Слово *пожелалъ* довольно ясно свидѣтельствуетъ противъ мнѣнія, будто Катуллъ читалъ у Сестія громко рѣчь послѣдняго, а не предварительно.

То противъ Анція, который обвиняетъ [11]),
Рѣчь полную чумы и яда прочиталъ.
Тутъ насморкъ на меня и кашель навалились [13])
И мучили, пока я не бѣжалъ подъ кровъ
Къ тебѣ, крапивою лѣчиться и покоемъ.
Благодарю тебя, когда я сталъ здоровъ,
Что по грѣхамъ меня ты не сильнѣй караешь.
Не стану возражать, коль въ руки попадетъ
Мнѣ мерзость Сестія, а съ насморкомъ и кашель
Тогда ужъ не ко мнѣ, а къ Сестію прильнетъ,
Зовущему меня лишь къ чтенью глупой книги [21]).

45.

Объ Акмѣ и Септиміи.

Милую Акму сжимая въ объятьяхъ,
Молвилъ Септимій: «о другъ ты мой, Акма,
Если тебя не люблю я сердечно
И не готовъ такъ любить непрестанно,
Какъ полюбить кто лишь можетъ всей силой,
Въ Либіи пусть я, иль въ Индіи жаркой [6])
Встрѣчу глазастаго льва въ одиночку».

---

11) Обвинитель Анцій неизвѣстенъ.

13) *Hic—тутъ* преднамѣренно смѣшиваетъ случайное совпаденіе съ причиною.

21) Лишь когда я читаю глупую книгу или когда онъ напишетъ новую глупую книгу.

45. Одно изъ изящнѣйшихъ произведеній Катулла, которому эпитетъ (*tener*) *нѣжный поэтъ* (35, 1) въ этомъ случаѣ вполнѣ приличествуетъ. Содержаніемъ стихотворенія послужила влюбленная парочка друзей Катулла, намъ неизвѣстныхъ. Акма, конечно, не родовитая женщина.

6) Въ Африкѣ и въ Индіи жаркой, по свидѣтельству Страбона, водились львы, водящіеся кажется и понынѣ на сѣверо-западѣ Индостана.

Это услыша Амуръ, прежде мрачный,
Выразилъ, чхнувши, свое одобренье [9]).
Голову мягко закинувши Акма
И у влюбленнаго юноши очи
Пурпуромъ устъ своихъ нѣжно цѣлуя,
«Жизнь ты моя»,—возгласила—«Септимій,
«Будь же любовь намъ одна господиномъ,
«Страстный огонь еще шире и жарче
«Пышетъ въ груди моей болѣе нѣжной».
Это услыша Амуръ, прежде мрачный,
Выразилъ, чхнувши, свое одобренье.
Нынѣ отправясь отъ доброй примѣты [19]),
Любятъ взаимно они и любимы.
Акму Септимій считаетъ дороже
Сиріи всей и Британіи всякой [22]).
Передъ Септиміемъ Акма единымъ
Всю свою прелесть и пылъ расточаетъ.
Счастье людское кто большее видѣлъ,
Или Венеру еще благосклоннѣй?

46.

Къ самому себѣ о приходѣ весны.

Уже весна намъ тепло возвращаетъ,
Ужъ равноденствія злобныя бури

---

[9]) Какъ и теперь говорятъ: зачхнулъ.

[19]) Чихъ Амура та добрая примѣта.

[22]) Не состоявшіяся надежды на британское богатство доказываютъ, что это стихотвореніе написано въ 55 г. до Р. Хр.

46. На такое простое, но непосредственно точное выраженіе чувства радости при мысли о возвращеніи на родину и удовольствіи самаго передвиженія едва ли можно указать у кого-либо еще изъ древнихъ поэтовъ. О пребываніи Катулла въ Виѳиніи сличи 10 и 28, о восторгѣ возвращенія написанныя въ Сирміонѣ 31 и 4.

Въ нѣжномъ дыханьи Зефира смолкаютъ.
Брось-же, Катуллъ, ты фригійскіе долы [4])
Также и тучныя нивы Никеи.
Къ славнымъ летимъ городамъ азіатскимъ [6]),
Рвется душа на просторъ ужъ заранѣ,
Просятся весело ноги на службу.
Такъ ужъ прощайте, товарищи-други,
Васъ, что отправились изъ дому вмѣстѣ,
Порознь теперь возвращаютъ дороги.

47.

Къ Порцію и Сократіону.

Сократіонъ и Порцій, двѣ вы лапы
У Пизона, паршь и позоръ вы свѣта,
Иль моему Веранію и Фабуллу
Предпочелъ васъ тотъ Пріапъ блудливый [4])?

---

[4]) Фригія—здѣсь вмѣсто Виѳиніи.

[5]) Никея съ Никомидіей были главными городами Виѳиніи.

[6]) Катуллъ заранѣе радуется случаю побывать въ знаменитыхъ малоазіатскихъ городахъ Смирнѣ и Эфесѣ, хотя онъ воротился другимъ путемъ черезъ Пропонтиду (Мраморное море) и Родосъ.

[10]) Въ свитѣ пропретора Меммія (28), а затѣмъ пришлось возвращаться по одиночкѣ.

47. Взрывъ негодованія по поводу разсказовъ двухъ друзей поэта Веранія и Фабулла о ихъ пребываніи въ Испаніи (сличи 28) съ пропреторомъ Пизономъ Цэзониномъ, о которомъ Цицеронъ отзывается какъ о человѣкѣ алчномъ и распутномъ. Дѣло, какъ и 10, касается наживы въ провинціи, но оказывается,—что жадный Пизонъ, считая вѣроятно Веранія и Фабулла некстати добросовѣстными, совершенно устранилъ ихъ отъ дѣла наживы, употребивши неизвѣстныхъ намъ Порція и Сократіона (вѣроятно вольноотпущеннаго) въ дѣло, какъ двѣ своихъ загребистыхъ лапы.

[4]) Такъ обзываетъ Катуллъ Пизона.

Вы съ полудня уже за роскошнымъ пиромъ
Празднуете, а мои друзья въ ту пору
На перекресткахъ ждутъ, чтобы ихъ позвали [7]).

48.

Къ Ювенцію.

Если бы сладкія очи твои, о Ювенцій,
Мнѣ цѣловать непрестанно дозволено было,
Триста бы тысячъ разъ я готовъ цѣловать ихъ
И никогда бы затѣмъ не насытился этимъ,
Чаще хотя бы даже сухихъ и колосьевъ
Оказались посѣвы нашихъ лобзаній.

49.

Къ М. Туллію.

Всѣхъ рѣчистѣйшій изъ внуковъ Рема
Тѣхъ, что есть, что были, Маркъ мой Туллій
И что будутъ съ новыми годами,

---

[5]) Пировать съ полудня, значитъ кутить.

[7]) Конечно преувеличено.

48. Мечтательныя выраженія напрасныхъ восторговъ красотою неизвѣстнаго намъ Ювенція.

49. Это стихотвореніе представляло не мало поводовъ къ разномысленнымъ объясненіямъ. Нѣкоторые принимали его за чистую монету, какъ дань уваженія къ знаменитому оратору. Но въ настоящее время съ гораздо большимъ правомъ видятъ въ немъ только иронію на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) умный и тонкій Катуллъ никогда не считалъ себя слабѣйшимъ изъ поэтовъ, а Цицерона первѣйшимъ изъ всѣхъ патроновъ. 2) Скопленіе на семи строкахъ пяти превосходныхъ степеней очевидная пародія на Цицерона, любившаго уснащать свою рѣчь превосходными степенями.

Величайшее тебѣ спасибо
Шлетъ Катуллъ, дряннѣйшій изъ поэтовъ,
Также онъ дряннѣйшій изъ поэтовъ,
Какъ первѣйшій ты изъ всѣхъ патроновъ.

50.

Къ Лицинію.

Мы вчерашній день съ тобой, Лициній,
Все играли на моихъ табличкахъ,
Напередъ рѣшивши забавляться.
Мы стишки съ тобой писали оба,
То въ одномъ, а то въ другомъ размѣрѣ,
Отвѣчая на вино и шутки
Я ушелъ, твоей красой, Лициній,
И твоимъ плѣненный остроумьемъ,
Такъ, что бѣдный я лишился пищи [9]),
И очей не свелъ мнѣ сонъ покоемъ,
А по всей постели, какъ безумный,
Я кидался въ ожиданьи свѣта,
Чтобъ съ тобой, бесѣдуя, быть вмѣстѣ.

---

[3]) Кромѣ того, *omnium patronus* представляетъ по-латыни преднамѣренную двусмысленность: *изъ всѣхъ патроновъ* и *всеобщій патронъ*, намекая, что Цицеронъ сегодня защищалъ личность, которую завтра обвинялъ. По какому поводу Катуллъ обращается къ нему съ своею иронической благодарностью, до сихъ поръ не разъяснено, и мы не желаемъ задерживать читателя неосновательными догадками.

50. Стихотвореніе это написано къ другу Катулла, оратору и поэту К. Лицинію Кальву. Оно, равно какъ и 14, свидѣтельствуетъ о душевной симпатіи Катулла къ своему другу. Оба (ст. 6) за виномъ въ домѣ Кальва забавлялись отвѣтными стихами, писанными на табличкахъ Катулла. Время сочиненія посланія неизвѣстно.

[9]) Словно влюбленный.

Но когда измученное тѣло
Улеглось въ кровати полумертвымъ,
Сочинилъ стихи тебѣ я эти,
Чтобъ ты, милый, грусть мою увидѣлъ.
Берегись теперь ты быть надменнымъ
И, прошу, не презирай моленій [19]—
Попадешь въ отвѣтъ передъ Немезидой.
Вспыльчива богиня; не прогнѣвай.

51.

Къ Лезбіи.

(Подражаніе Саффо.)

Тотъ богоравный былъ избранъ судьбою,
Тотъ и блаженствомъ божественнымъ дышитъ,
Кто зачастую сидитъ предъ тобою,
Смотритъ и слышитъ

—

Сладостный смѣхъ твой; а я-то несчастный
Смыслъ весь теряю, а взоръ повстрѣчаю,

---

[19]) Какихъ? Неизвѣстно.

51. Настоящій, по обычаю древнихъ весьма вольный переводъ Саффической оды исполненъ можетъ быть дѣйствительно, какъ мы уже говорили въ жизнеописаніи, вслѣдствіе вдохновеннаго разговора поэта съ Клодіей о Саффо. Видно, что поэтъ глубоко чувствуетъ роковую власть Клодіи надъ нимъ, но еще думаетъ о возможности спастись посредствомъ серьезнаго труда. Напрасно нѣкоторые считали послѣднюю строку досужей припиской переписчика или отрывкомъ отъ другого стихотворенія. Такой знатокъ, какъ Вестфаль, съ этимъ не согласенъ. Конечно, съ такимъ окончаніемъ стихотвореніе, хотя и подъ вліяніемъ Клодіи (Лезбіи), не могло быть написано для нея, а составилось само собою, когда, за переводомъ строфъ, соотвѣтствовавшихъ сердечному расположенію Катулла, у него еще хватило силы ироніи къ самому себѣ.

Лезбія, твой, такъ безумный и страстный
(Словъ ужъ не знаю) [8].

—

Молкнетъ языкъ мой и тонкое пламя
Льется по членамъ моимъ, начинаетъ
Звонъ раздаваться въ ушахъ, предъ глазами
Ночь наступаетъ.

—

Праздность, Катуллъ, насылаетъ мытарства,
Праздность и блажь на тебя напустила;
Праздность царей и блаженныя царства
Часто губила.

52.

Къ самому себѣ о Струмѣ и Ватиніи.

Что жъ ты, Катуллъ? Почему умирать еще медлишь [1]?
Ноній зобастый возсѣлъ на курульное кресло [2],
Будущимъ консульствомъ ложно клянется Ватиній [3],
Что жъ, ты Катуллъ? Почему умирать еще медлишь?

---

[8]) Этого стиха въ подлинникѣ Катулла нѣтъ, и онъ позднѣе возстановленъ согласно тексту Саффо.

52. Стихотвореніе это, направленное противъ недостойныхъ сподручниковъ Цезаря, достигнувшихъ курульныхъ должностей или получившихъ на нихъ обѣщаніе Цезаря, написано въ 56 или 55 г.

[1]) Ничего не дождешься хуже этого.

[2]) Ноніевъ было много и про нашего опредѣленно говоритъ только Плин. (37, 81): «*Антоніемъ сосланъ сенаторъ Ноній, сынъ Strumae зобастаго, того Нонія, чей видъ на курульномъ креслѣ привелъ въ негодованіе Катулла*».

[2]) Этимъ тѣлеснымъ недостаткомъ Катуллъ отмѣчаетъ Нонія.

[3]) *Ватиній* (XIV, a, 3), многократно подвергавшійся обвиненіямъ

53.

О комъ-то и Кальвѣ.

Я посмѣялся на-дняхъ въ одномъ изъ собраній:
Нѣкто, когда мой Кальвъ всю Ватинія гнусность
Такъ изумительно намъ излагалъ и проступки,
Въ удивленіи руки поднявши, воскликнулъ:
«Боги великіе, что за рѣчистый пупленокъ!»

54.

Къ Цезарю.

Голова у Оттона такая малютка...
Нерія грубаго часто немытыя ляжки,

со стороны друга поэта Лицинія Кальва, ложно клянется именно тѣмъ консульствомъ, котораго домогается, и которое, быть-можетъ, ему уже обѣщено тріумвиромъ.

53. Анекдотическая эпиграмма, въ которой Катуллъ не могъ воздержаться, чтобы не передать уличнаго восклицанія *salaputtium*, которое мы рѣшились перевести столь же простонароднымъ *пупленокъ*. Когда Кальвъ въ кругу слушателей краснорѣчиво доказывалъ всю низость Ватинія (14, 3 и 52, 3), то неизвѣстный слушатель, пораженный его замѣчательно малымъ ростомъ, выразилъ изумленіе, откуда у такого пупленка такое краснорѣчіе.

54. Стихотвореніе это, направленное противъ Цезаря, надѣлало объяснителямъ много хлопотъ. Многіе считали это стихотвореніе собраніемъ различныхъ отрывковъ, тѣмъ не менѣе въ настоящемъ его видѣ можно принять, что оно, написанное уже въ 54 году, вслѣдствіе быть-можетъ многократныхъ просьбъ отца нашего поэта о примиреніи съ Цезаремъ, представляетъ уже меньшую противъ прежняго рѣзкость.

Катуллъ какъ будто желаетъ сказать, что онъ и прежде нападалъ не лично на Цезаря, а лишь на его излишнюю благосклонность, такъ какъ Цезарь, по свидѣтельству Цицерона: «*какимъ-либо благодѣяніемъ привлекаетъ къ себѣ дружбу калѣкъ*». О такихъ именно неизвѣстныхъ намъ калѣкахъ говорится и здѣсь.

Тонкіе и чуть слышные вѣтры Либона...
Если не все ужъ, хоть это бы стало противно [4])
И тебѣ и Фуфицію—юркому старцу...
Будешь ли на мои невинные ямбы
Ты сердиться опять, полководецъ великій [7])?

55.

Къ Камерію.

Прошу, коли тебѣ не въ трудъ,
Скажись, куда бѣжалъ отъ справокъ [2])
Тебя искалъ я въ полѣ тутъ [3]),
И въ циркѣ, и у книжныхъ лавокъ [4]),
Къ Зевесу въ храмъ я поспѣшалъ,
И въ славныхъ портикахъ Помпея [6])

---

[4]) Если *не все ужъ* сборище, то хоть бы эти отвратительные люди.

[5]) *Фуфицій*, выслужившійся изъ простыхъ солдатъ сенаторъ, управлялъ Африкой и въ 40 г. тамъ лишилъ себя жизни. *Юркій* въ смыслѣ молодцовато-молодящійся.

[7]) Неужели и такія замѣчанія ты сочтешь личностями.

55. Шуточное посланіе къ неизвѣстному намъ другу Камерію, скрывавшемуся отъ Катулла. Гдѣ ты обрѣтаешься? Ужъ не у женщинъ ли? Въ такомъ случаѣ разскажи. Кончается нѣжнымъ оборотомъ: пожалуй, молчи, лишь бы ты былъ счастливъ.

[2]) Въ какихъ темныхъ углахъ?

[3]) Не на Марсовомъ, а на другомъ, точное опредѣленіе котораго затруднительно.

[4]) Равнымъ образомъ трудно опредѣлить въ какомъ: (maximus) въ большомъ или Фламинскомъ (Flaminius). У книжныхъ лавокъ собиралась образованная молодежь.

[5]) Капитолійскій храмъ Зевеса, Юноны и Минервы.

[6]) Портикъ Помпея: колоннада, украшенная деревьями и фонтанами. Вблизи театра, перваго римскаго каменнаго театра, который въ 55 г. Помпей открылъ во второе свое консульство. Этотъ портикъ былъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ свѣтскихъ и полусвѣтскихъ женщинъ.

Мой другъ, всѣхъ женщинъ вопрошалъ,
Что мнѣ казались помилѣе,
«Вы скрыли», къ нимъ я пристаю,
«Камерія, дрянныя дѣвы?»
Одна, раскрывши грудь свою,
Сказала: «вотъ онъ тутъ подъ лѣвой».
Иракла трудъ тебя сыскать...
Что жъ молча друга мучить гордо?
Скажи, гдѣ ты, чего молчать,
Ступить на свѣтъ, рѣшайся твердо.
Въ плѣну ль у дѣвъ ты красоты?
Коль твой языкъ скуетъ стыдливость,
Плодовъ любви лишишься ты;
Венера любитъ говорливость.
Но можешь устъ не отверзать,
Коль страстью ты прямой лелѣемъ.

58.

Къ Цэлію о Лезбіи.

Цэлій, Лезбія наша, Лезбія эта,
Лезбія самая та, что Катуллъ одну лишь

---

[20]) Ты лишишься удовольствія сообщать друзьямъ о твоемъ счастіи. Желающіе могутъ продолжать нашъ переводъ этого стихотворенія, прибавивъ непосредственно къ нему 58 b, такъ какъ въ русскомъ переводѣ эти два стихотворенія связаны самою послѣдовательностью риѳмъ. О взаимной связи этихъ двухъ нумеровъ будетъ своевременно сказано въ объясненіи 58 b.

58. Нѣкоторые хотятъ видѣть здѣсь Цэлія Руфа, нѣкогда счастливаго любовника Клодіи, что однако мало вѣроятно. Скорѣе всего это тотъ искренній другъ Катулла, родомъ изъ Вероны, котораго поэтъ (100) благодаритъ за былое участіе. Настоящее стихотвореніе, хотя и кончается катулловскимъ сарказмомъ, дышитъ грустью обманутыхъ надеждъ.

Больше себя самого любилъ и больше всѣхъ близкихъ,
По перекресткамъ теперь или переулкамъ
Лупитъ великодушныхъ правнуковъ Рема.

---

58 b.

Хоть стражемъ Крита бъ мнѣ предстать [1]),
Хоть Ладомъ иль самимъ Персеемъ [2]),
Хотя бы мчалъ меня Пегасъ

---

[3]) Конечно, въ сущности стихъ этотъ по отношенію къ Клодіи означаетъ только: дошла до послѣдней степени распущенности.

58b. Хотя личность и самый мотивъ 55 и настоящаго стихотворенія тождественны, но различіе тона, такъ какъ первое написано въ простомъ разговорномъ, а настоящее въ учено-александрійскомъ, привело многихъ толкователей къ заключенію, что настоящее стихотвореніе было такъ сказать черновой попыткой выразить основную мысль; попыткой, которую Катуллъ оставилъ и написалъ 55 въ разговорномъ тонѣ; сохранился же этотъ набросокъ, лишь благодаря усердію друзей Катулла. Но такъ какъ существуютъ мнѣнія, что между двумя піесами затеряна существовавшая связь, объяснявшая такой переходъ изъ одного тона въ другой, то мы и рѣшились выразить эту связь непрерывностію риѳмъ, предоставляя читателю декламировать ихъ послѣдовательно или отдѣльно.

[1]) Вулканъ подарилъ критскому царю Миносу мѣднаго человѣка *Талоса*, чтобы послѣдній, обѣгая ежедневно по три раза прибрежье острова, защищалъ его отъ вторженія пришельцевъ. При подобной службѣ неимовѣрная быстрота должна была быть первымъ качествомъ Талоса. Мѣдный исполинъ при приближеніи пришельцевъ бросался въ огонь и, раскалившись, губилъ ихъ въ своихъ объятіяхъ. Аргонавтовъ ожидала та же участь, если бы Медея, зная, что у Талоса только одна жила, заткнутая на головѣ и на пяткѣ, не посовѣтовала выбить стрѣлою затычку на пяткѣ. Вслѣдствіе чего Талосъ истекъ кровію и погибъ.

[2]) *Ладъ*—имя двухъ олимпійскихъ побѣдителей въ бѣгѣ, изъ которыхъ одному Спартіату, умершему по одержаніи побѣды, Миронъ поставилъ статую. *Персей* (Овид. превр. 4,616) получилъ отъ нимфъ крылатыя сандаліи.

Иль Реза пара—восхищенье [4])
Придай всѣхъ перьевъ, крылъ за разъ
И вѣтровъ сообщи стремленье,
Камерій, хоть придай мнѣ ихъ,
Я все бы выбился изъ силы
И ослабѣлъ въ трудахъ большихъ,
Тебя отыскивать, мой милый.

59.

О Руфѣ и Руфулѣ.

Руфа бононская Руфулу очень пріятна,
Та супруга Мененія, что видали нерѣдко [2]),
Какъ на кладбищѣ она съ костра себѣ ужинъ хватала [3]).
Лишь за хлѣбомъ она побѣжитъ, что съ огня покатился,
Такъ полубритый ее и тузитъ сожигатель.

---

[4]) Пара коней ѳракійскаго царя Реза (Иліад. 10,457):

*«Видѣлъ я Резовыхъ коней, прекраснѣйшихъ коней, огромныхъ;
Снѣга бѣлѣе они, и въ ристаніи быстры какъ вѣтеръ».*

59. Всѣ упомянутыя въ этой пасквили лица намъ незнакомы.

[1]) Самое указаніе на то, что Руфа родомъ изъ Бононіи (Болоньи) свидѣтельствуетъ, что стихотвореніе написано въ Римѣ или Веронѣ.

[2]) Видали прохожіе.

[3]) На ужинъ себѣ она хватала со смертнаго костра пищу, положенную въ честь усопшаго (Иліад. 23,166). Такое воровство единовременно свидѣтельствуетъ и о гнетущей бѣдности, и о разнузданномъ нахальствѣ.

[5]) Рабы коротко стригли или брили свои головы, но суровый сожигатель труповъ на кладбищѣ дозволяетъ волосамъ своимъ торчать и потому еще безобразнѣе. Онъ-то и тузитъ воровку.

60.

Къ Немилосердому.

Иль тебя львица на высяхъ либійскихъ [1]),
Или же Сцилла, что лаетъ утробой [2]),
Жесткимъ такимъ родила и бездушнымъ,
Что презираешь ты голосъ моленій
Самыхъ отчаянныхъ такъ безсердечно?

61.

На бракосочетаніе Виніи и Манлія.

Ты Геликона холмистаго

---

60. Вѣроятно подобно 54 и 58b. только отрывокъ, по содержанію вполнѣ подобный жалобѣ Аріадны (64,154 и 156).

[1]) Нумидійскій Атласъ (Горац. I Од. 22, 15).

[2]) Александрійская легенда, по которой Цирцея изъ ревности къ прекрасной Сциллѣ окружила ея утробу лающими собаками.

61. Свадебная пѣснь въ честь бракосочетанія патриція Манлія Торквата съ Виніей Аврункулеей. Въ поэтическомъ произведеніи нечего отыскивать послѣдовательностей всѣхъ свадебныхъ и религіозныхъ обрядовъ. Катуллъ представляетъ лишь общій ходъ свадебной церемоніи, причемъ передъ нимъ носится и греческій міръ съ воззваніемъ къ Гименею. Содержаніе слѣдующее:

О Гименъ, сойди съ Геликона (1—15) на бракосочетаніе Виніи съ Манліемъ (—25) и зови ее въ домъ молодого (—35)! И вы, дѣвы, призывайте бога (—45)!—Похвалы Гимену (46-75). Дѣва явись (76—120).

Сюда включена (86—93) хвала невѣстѣ, жениху (101—109) и брачному ложу (111—119). Появившуюся новобрачную мальчики должны съ факелами провожать въ домъ супруга (121). Въ это время должны раздаваться обычныя насмѣшки надъ наперсникомъ молодого (126—140). Наставленіе новобрачнымъ (150—151). Новобрачную переносятъ черезъ порогъ (—170) и *praetextatus* дружка долженъ ее, въ виду ожидающаго супруга, провести въ брачную комнату (—185) къ ожидающимъ ея старушкамъ (—190). Тутъ появляется женихъ (200). Вторичная хвала новобрачной (192—195) и новобрачному (196—199), коего прибытіе даетъ поводъ къ прославленію ихъ любви

Житель, потомокъ Ураніи [2])
Къ мужу ты мчишь всѣхъ смѣлѣе
Дѣву, о Гименея Гименъ,
Гименъ о Гименея.

—

Кудри цвѣтами украсивши
Ты маіорана душистыми,
Съ пышнымъ покровомъ въ чертоги [8])
Веселъ иди, желтой обувью [9])
Вырядивъ бѣлыя ноги.

—

(—210) и добрымъ пожеланіямъ будущему потомству (—230). Прощальныя слова (231—235).

[2]) *Гименъ*, богъ бракосочетанія *Гименея* названъ потомкомъ Ураніи. Въ греческой миѳологіи *Гименъ* является прекраснымъ и бѣднымъ аѳинскимъ юношею; онъ былъ влюбленъ въ богатую дѣвушку, отвѣчавшую ему безнадежной взаимностью, такъ какъ отецъ никогда бы не согласился на подобный бракъ. Однажды, находясь на торжествѣ элевзинскихъ таинствъ въ женскомъ платьѣ вмѣстѣ съ своею возлюбленной, онъ вмѣстѣ со всѣми другими молодыми аѳинянками былъ увезенъ морскими разбойниками. На одномъ изъ острововъ Архипелага, обрадовавшись прекрасной добычѣ, они такъ напились, что Гименъ всѣхъ ихъ перебилъ. Вернувшись одинъ въ Аѳины, онъ обѣщалъ всѣмъ родителямъ возвратить пропавшихъ дочерей, если за него выдадутъ предметъ его страсти. Условіе было принято, и плѣнницы въ торжествѣ приведены домой. Это счастливое событіе и благословенный бракъ самого Гименея дали поводъ поминать имя его на всѣхъ свадьбахъ. Со временемъ происшествіе было забыто, и Гименъ превратился въ бога, устраивающаго браки рядомъ съ Амуромъ. Какъ такого его признавали старшимъ и болѣе степеннымъ сыномъ Венеры Ураніи отъ Аполлона или Діонисія. Позднѣйшіе производятъ его отъ музы Ураніи.

[8]) *Flammeum* огненнаго цвѣта покрывало невѣсты приноситъ Гименъ.

[9]) Въ честь новобрачной Гименъ самъ надѣваетъ женскую обувь.

Самъ вдохновенный въ веселый день
Брачную пѣснь припѣваючи,
Гимнъ затяни голосистый,
Въ землю ногами бей, дланію
Факелъ вздымай ты смолистый!

—

Винія нынѣ за Манлія [16]),
Какъ идалійская нѣкогда [17]),
Выбравъ фригійца царица
Въ судьи, хорошая въ добрый часъ
Замужъ выходитъ дѣвица.

—

Точно вкругъ миртовой вѣточки [21]),
Въ Азіи цвѣтомъ осыпанной [22]),
Гамадріады толпою [23]),
Холятъ богини любимицу
И напояютъ росою.

—

Такъ поспѣшай и покинь скорѣй
Гротъ аонійскій, таинственный [27])
Ты подъ Теспіи скалами [28]),

---

16) Въ рукописяхъ стоитъ *Junia*, въ другихъ *Uinia*, у нѣкоторыхъ *Junia* и даже *Julia*; но слѣдуетъ читать *Vinia*.

17) Идалій смотри 36, 12, 64, 96. Идалійская царица Венера такъ шла къ фригійцу Парису, котораго избрала судьею красоты.

21) Миртъ цвѣтетъ только на своихъ тончайшихъ оконечностяхъ.

22) *Азій—Asius.* У поэтовъ постоянно влажная равнина на востокъ отъ Эфеса. *Asia prata Caystri* (Вирг. Геор. 1, 383). *Asia palus* (Энеид. 7, 701). Почему Азій не слѣдуетъ смѣшивать съ Азіей.

23) *Гамадріады*—нимфы древесныя, живущія и умирающія вмѣстѣ съ деревомъ.

27) Аонійскій—Беотійскій.

28) Теспія—городъ въ Беотіи у подножія Геликона, посвященный музамъ. Скалы Теспіи—самъ Геликонъ.

Сверху которыхъ холодными
Льетъ Аганиппа струями.

—

Въ домъ ты его госпожу зови
Съ новымъ супругомъ свяжи ты ей
Мысли любовью горячей,
Словно бы плющъ, что и тамъ и сямъ
Дерево обнялъ бродячій.

—

Тоже и вы, непорочныя
Дѣвы, которымъ подобнаго [37])
Дня бы дождаться скорѣе,
Пойте: о Гименея Гименъ,
Гименъ о Гименея.

—

Чтобы заслыша усердіе [41]),
Не замедляяся шелъ сюда
Собственной службы рачитель,
Доброй Венерѣ предшествуя,
Доброй любви устроитель.

—

Болѣ желанный какой же Богъ
Можетъ быть призванъ влюбленными?
Кто изъ небесныхъ милѣе
Людямъ? О Гименея Гименъ,
Гименъ о Гименея.

—

Самъ и дрожащій къ своимъ тебя
Кличетъ родитель, и жертвуютъ

---

[30]) Независимо отъ рощи музъ: ἄλσος τῶν Μουσῶν, съ вершины Геликона нимфа Аганиппа проливаетъ холодный ключъ.

[37]) Дѣвы подобно мальчикамъ, составляющія хоръ.

[41]) Усердіе въ пѣніи.

[45]) Гименъ.

Поясомъ дѣвы нарядным;
Въ страхѣ къ тебѣ новобрачный [54])
Слухомъ склоняется жаднымъ.

—

На руки къ юношѣ пылкому
Сдать ты цвѣтущую дѣвочку [57])
Ищешь, хоть мать съ ней нѣжнѣе
Прежняго,—о Гименея Гименъ,
Гименъ о Гименея.

—

Даже Венера не справится
Мимо тебя съ доброю славою [62])
Въ дѣлѣ никакъ: но свершится,
Если захочешь. Дерзнетъ ли кто
Съ богомъ подобнымъ сравниться?

—

Домъ ни одинъ безъ тебя дѣтей
Дать не сумѣетъ, родителю
Быть безъ внучатъ; а случится,
Если захочешь. Дерзнетъ ли кто
Съ богомъ подобнымъ сравниться?

—

Кто можетъ быть безъ святынь твоихъ,
Вѣдь и защиты не можетъ вдаль [72])
Выслать земля; но родится,
Если захочешь. Дерзнетъ ли кто
Съ богомъ подобнымъ сравниться?

—

[54]) Въ невольномъ страхѣ ожиданія.

[57]) *Puellulam*, дѣвочку—въ смыслѣ молодости и невинности.

[62]) Любовь получаетъ добрую развязку только при помощи Гименея.

[72]) Не родятся дѣти, не будетъ на границахъ и защитниковъ страны.

Двери засовы откройте вы,
Дѣва идетъ. Иль не видите,
Факелы плещутъ пылая?
. . . .
. . . .

—

. . . .
. . . .
Медлитъ еще прирожденный стыдъ
. . . . [84])
Нужно идти, хоть рыдая.

—

Плакать оставь; и не бойся ты
Аврункулея, чтобъ гдѣ-либо
Женщинѣ больше цвѣтущей
Видѣть пришлося блестящій день,
Изъ океана встающій.

—

Такъ у владѣльца богатаго,
Въ пестромъ саду озирается
Цвѣтъ гіацинта, вставая,
Что же ты медлишь, уходитъ день,
Къ намъ подходи молодая.

—

Ты подходи, коль надумалась,
Къ намъ, молодая, и выслушай
Насъ. Иль не видишь? Пылая
Факелы плещутъ златистые,
Къ намъ подходи, молодая.

—

[84]) Мы въ переводѣ выпустили сомнительный и ничего къ дѣлу не прибавляющій стихъ въ текстѣ Ризе, но отсутствующій у другихъ: *Quem tamen magis audiens.*

Мужъ твой никакъ легкомысленно
Въ любодѣянья не кинется,
Страсти предавшись мятежной,
Ложа чужого не взыщетъ онъ
Вмѣсто груди твоей нѣжной.

—

Словно лоза изгибаяся
Вьется вкругъ дерева близкаго,
Такъ ты его, обнимая,
Будешь держать. Но уходитъ день,
Къ намъ подходи, молодая.

—

О постеля, что всякому...
. . . .
. . . .
. . . .
Ножками бѣлой кровати.

—

Сколько сулишь господину ты
Радостей, сколько ночей ему,
Дней сколько свѣтлыхъ встрѣчая
Радоваться! Но уходитъ день,
Къ намъ подходи, молодая.

—

Выше вы, мальчики, факелы;
Вонъ покрывало завидѣлъ я.
Выйдя, запойте дружнѣе:
«Іо, Гименъ Гименея, Іо,
Іо Гименъ Гименея».

—

[115]) Трехъ предшествующихъ стиховъ, равно какъ и выше стоящихъ около 80, недостаетъ въ подлинникѣ.

Пусть не безмолвствуютъ болѣе
И фесценнинскія шуточки [127]),
Пусть ужъ орѣховъ мальчишкамъ [128])
Самъ дастъ наперсникъ, къ любви иной
Тянетъ хозяина слишкомъ.

—

Дай же орѣховъ ты мальчикамъ,
Праздный наперсникъ; орѣхами
Ты избалованъ. Успѣховъ
Время желать и Талассію [134]),
Дай же, наперсникъ, орѣховъ.

—

Пухъ твой, наперсникъ, со щекъ торчалъ
Только вчера и по этотъ день,
Нынѣ же точно для смѣховъ [138])
Брѣютъ тебя. О бѣднякъ, бѣднякъ!
Дай же, наперсникъ, орѣховъ.

—

Слышно, тебѣ раздушенному
Мужу отстать тутъ не хочется,
Только отстань ты скорѣе,

---

[127]) Фесценнинскіе стихи (по объясненію Феста), которые пѣлись на свадьбахъ, какъ говорятъ, занесены изъ города Фесценнія (въ Этруріи). Объ этихъ импровизованныхъ перебранкахъ стихами смотри Горац. Посл. II. I, 145. Римляне въ минуты счастія любили такія грубыя подтруниванія: на свадьбахъ и при тріумфальныхъ шествіяхъ.

[128]) Плиній (15, 86) называетъ волошскіе орѣхи спутниками свадебныхъ фесценнинъ.

[134]) *Талассію.* При похищеніи сабинокъ нѣкто, схватившій красавицу, чтобы ее не отнимали, кричалъ, что несетъ ее къ Талассію. Съ тѣхъ поръ имя Талассія упоминалось на свадьбахъ.

[138]) Выбритый рабъ поступитъ въ ряды низкихъ слугъ.

Іо, Гименъ Гименея, Іо,
Іо, Гименъ Гименея.

—

Знаемъ однимъ ты дозволеннымъ
Лишь обладалъ; но некстати ужъ
Мужу такія затѣи.
Іо, Гименъ Гименея, Іо,
Іо, Гименъ Гименея.

—

Ты жъ, молодая, на просьбы всѣ
Мужа старайся быть доброю,
Чтобъ не искалъ онъ добрѣе;
Іо, Гименъ Гименея, Іо,
Іо, Гименъ Гименея.

—

Вотъ предъ тобою и мужнинъ домъ
Пышный, богатый; дозволь ему
Въ службу вступить поскорѣе,
Іо, Гименъ Гименея, Іо,
Іо, Гименъ Гименея.

—

Такъ до поры, какъ дрожащая
Старость сѣдая, отнявши все,
Станетъ кивать всѣмъ сильнѣе,
Іо, Гименъ Гименея, Іо,
Іо, Гименъ Гименея.

—

Черезъ порогъ ты въ счастливый часъ
Стань драгоцѣнными ножками
Въ дверь, что натерта свѣтлѣе [168]).

[168]) Для твоего пріема.

Іо, Гименъ Гименея, Іо,
Іо, Гименъ Гименея.

—

Глянь-ка ты внутрь, какъ на тирскомъ тамъ
Ложѣ твой мужъ порывается
Къ милой прижаться тѣснѣе,
Іо, Гименъ Гименея, Іо,
Іо, Гименъ Гименея.

—

Пышетъ не меньше въ груди его
Внутренно, какъ и въ тебѣ самой
Пламя, но даже сильнѣе.
Іо, Гименъ Гименея, Іо,
Іо, Гименъ Гименея.

—

Брось округленную ручку ты,
Дружка, красавицы дѣвушки [182]),
Къ мужнину ложу скорѣе.
Іо, Гименъ Гименея, Іо,
Іо, Гименъ Гименея.

—

Вы же, старушки, извѣстныя
Людямъ стариннымъ, вы добрыя
Дѣву сберите дружнѣе.
Іо, Гименъ Гименея, Іо,
Іо, Гименъ Гименея.

—

Время идти новобрачному;
Уже супруга ждетъ въ горницѣ,
Краска въ лицѣ расцвѣтаетъ

---

[182]) Одинъ изъ мальчиковъ, въ качествѣ паранимфа—дружки, провожаетъ молодую подъ руку въ опочивальню.

Словно парѳеника бѣлая [194]),
Или же макъ, что пылаетъ.

—

Ты же супругъ (поклянулся я
Небомъ) красивъ тѣмъ не менѣе
Самъ. У Венеры вѣдь въ холѣ
Ты повсегда. Но уходитъ день,
Смѣло, не медли ты болѣ.

—

Медлилъ не долго ты, подлинно
Вотъ ты. Венера привѣтная
Въ помощь тебѣ. Получаешь
Ты, что хотѣлъ, и на этотъ разъ
Честной любви не скрываешь.

—

Тотъ ужъ скорѣй африканскіе
Счелъ бы пески или звѣзды всѣ,
Что въ небесахъ заблестѣли,
Кто перечислить помыслилъ бы
Тысячи вашихъ веселій.

—

Вдоволь играйте и въ скорости
Дайте дѣтей. Какъ столь древнему
Роду бездѣтнымъ остаться?
А подобаетъ поэтому
Вѣчно ему возрождаться.

—

Чтобы Торкватъ еще крошечный
Съ лона родимаго матери,
Ручки свои простирая,

---

[194]) Хотя мы подъ словомъ парѳеника и отыскали русское названіе, *стѣнникъ;* но бѣлый цвѣтъ этого растенія, признаемся, намъ не знакомъ. Для насъ довольно граціи сравненія.

Сладко смѣялся родителю,
Губки слегка разѣвая.

—

Пусть онъ отцу уподобится
Манлію, даже сторонніе
Сходство увидятъ пусть сами,
Также стыдливость и матери [224])
Пусть подтверждаетъ чертами.

—

Пусть по добрѣйшей онъ матери
Той же хвалы удостоится
Общей съ такого же права,
Какъ съ Телемахомъ по матери
Вся Пенелопина слава.

—

Двери закройте вы, дѣвушки,
Пѣли довольно. Вы жъ добрые
Въ счастьи супруги живите,
И приношеньями частыми
Мощную юность почтите.

---

[224]) Вѣрность супругу.

62.

Брачная пѣснь.

Юноши.

Висперъ явился, вставайте же юноши: Висперъ съ Олимпа[1])

62. Эта брачная пѣснь отличается отъ предыдущей 61 уже тѣмъ, что представляетъ одинъ моментъ брачнаго торжества. Въ домѣ отца невѣсты юноши и дѣвы сидятъ за свадебнымъ столомъ. Но когда при первомъ сіяніи вечерней звѣзды (Веспера) невѣста, уже вставшая изъ-за трапезы, въ которой сама приняла участіе, и затѣмъ удалилась въ свою комнату, появляется снова, юноши и дѣвы устраиваютъ хоры, чтобы, сопровождая невѣсту въ новое жилище, юноши пѣли строфы, а дѣвы антистрофы, хотя въ этомъ случаѣ древняя литература ничего подобнаго за исключеніемъ настоящаго примѣра не представляетъ. Ни о какихъ другихъ свадебныхъ обрядахъ не упоминается въ этомъ стихотвореніи, которое вѣрнѣе назвать свадебною пѣснею, чѣмъ эпиталамой. Даже не видно, чтобы невѣста присутствовала при пѣніи; несомнѣнно однако, что все тутъ относится къ греческому, а не къ римскому быту, какъ видно изъ участія дѣвъ въ свадебной трапезѣ. По нѣкоторымъ указаніямъ можно предполагать, что Катуллъ руководствовался различными греческими подлинниками, отчасти александрійскимъ Каллимахомъ, а быть-можетъ, и Саффо, такъ какъ мѣстомъ дѣйствія всего удобнѣе представить Лесбосъ.

Содержаніе: 1) *Прологъ, Юноши* сговариваются: «Такъ какъ Весперъ появляется и невѣста выходитъ, то вставайте пѣть Гименей»: *Дѣвы*: «Такъ какъ Весперъ появляется, то юноши станутъ пѣть и побѣдятъ, вставайте тоже». *Юноши*: «Дѣвы своимъ старательнымъ пѣніемъ побѣдятъ. Нужно имъ отвѣтить». 2) *Отвѣтное пѣніе* (20—59). *Дѣвы*: «О Весперъ, какъ ты жестоко похищаешь у матери дочь!» *Юноши*: «О Весперъ, какъ любезно вручаешь ты мужу новобрачную!» *Дѣвы*: «Мы жалуемся на похищеніе невѣсты и винимъ Веспера». *Юноши*: «Мы хвалимъ похищеніе невѣсты и защищаемъ Веспера». *Дѣвы*: «Дѣва какъ цвѣтокъ должна оставаться неприкосновенной». *Юноши*: «Дѣва, подобно виноградной лозѣ, обнимающей дерево, должна привиться къ мужу».

3) *Эпилогъ* (60—67) юношей или самого поэта: совѣтъ невѣстѣ подчиниться мужу.

[1]) Ἕσπερος, у Плавта Vesperugo, которое Катуллъ измѣнилъ въ

Долго ожиданный свѣтъ свой уже наконецъ подымаетъ [2]).
Время настало вставать, покинувши столъ изобильный [3]);
Вотъ уже дѣва идетъ, и славить начнутъ Гименея.
Гименъ о Гименея, Гименъ, приди Гименея!

Дѣвы.

Видите ль, дѣвушки, юношей? Къ нимъ подымитесь навстрѣчу [6]).
Вѣстникъ ночи уже огонь свой кажетъ этейскій [7]).
Нѣтъ сомнѣнья: вы видите, какъ они быстро вскочили,
Не напрасно вскочили: имъ пѣть, чтобъ съ побѣдой остаться.
Гименъ о Гименея, Гименъ, приди Гименея!

Юноши.

Не легко намъ, товарищи, нынѣ достанется пальма.
Посмотрите, какъ дѣвушки ищутъ въ себя углубиться,

Vesper, а затѣмъ Горацій, Виргилій и другіе. При появленіи вечерней звѣзды, невѣсту уводили изъ родительскаго дома (61, 119):

«Но уходитъ день,
Къ намъ подходи, молодая».

Олимпъ можетъ означать какъ самую гору, такъ и небесное жилище боговъ.

[2]) *Подымаетъ*—весьма поэтическое, но, къ сожалѣнію, невѣрное выраженіе, такъ какъ вечерняя звѣзда можетъ, вслѣдствіе наступившей темноты, вдругъ засвѣтиться надъ Олимпомъ и затѣмъ уже, согласно общему теченію звѣздъ, начинать склоняться къ западу, а не подыматься. Но почему не понять этого слова въ поэтическомъ смыслѣ: показываетъ?

[3]) Свадебную трапезу.

[6]) Не у римлянъ, а у грековъ дѣвушки въ домѣ отца невѣсты сидѣли за отдѣльными свадебными столами. Въ одной комедіи обозначены 4 стола для женщинъ и 6 для мужчинъ.

[7]) Желающему подъ этейскимъ огнемъ подразумѣвать блестящій съ вершины горы Эты, подобно тому, какъ 1 ст. указываетъ на ѳессалійскій Олимпъ, удобнѣе всего принять за мѣсто дѣйствія Лес-

Не напрасны ихъ думы: нашли достойное нѣчто.
Не удивительно, такъ какъ онѣ весь умъ напрягаютъ.
Умъ нашъ къ другому склонёнъ, къ другому мы слухъ преклоняемъ;
Насъ подѣломъ побѣдятъ: старанья желаетъ побѣда.
Такъ соберите же вы теперь свое все вниманье!
Вотъ собираются пѣть, сейчасъ отвѣчать подобаетъ.
Гименъ о Гименея, Гименъ, приди Гименея!

Дѣвы.

Гесперъ, какая звѣзда есть болѣ жестокая въ небѣ?
Въ силахъ лишь ты исторгать изъ объятій матери дочку.
Исторгать изъ объятій матери дочь, что прильнула,
И предавать воспылавшему юношѣ чистую дѣву.
Можетъ ли болѣ жестокъ въ завоеванномъ городѣ врагъ быть?
Гименъ о Гименея, Гименъ, приди Гименея!

Юноши.

Гесперъ, какая звѣзда быть можетъ отраднѣе въ небѣ?
Ты, чье пламя одно обѣщанный бракъ закрѣпляетъ,
Что у мужей рѣшено, что раньше отцы порѣшили,
То сочетается лишь, какъ твое вознесется сіянье.
Что могутъ боги послать желаннѣй счастливаго часа?
Гимень о Гименея, Гименъ, приди Гименея!

Дѣвы.

Гесперъ одну изъ насъ умчалъ, дорогія подруги,

. . . .

32, ѣ. *Гименъ о Гименея, Гименъ, приди Гименея!*

босъ, откуда обѣ горы находятся въ приблизительно одномъ и томъ же направленіи съ вечернею звѣздою на западъ.

15) Наше вниманіе отъ сочиненія стиховъ отвлекается присутствіемъ дѣвицъ.

Юноши.

Ибо съ приходомъ твоимъ не спитъ постоянная стража [33]).
Воры таятся въ ночи, но часто ты ихъ, возвращаясь,
Гесперъ, ловишь и самъ, свое измѣняя названье.
Дѣвамъ пріятно тебя бранить съ поддѣльнымъ укоромъ;
Что жъ изъ того, что онѣ бранятъ, чего сердцемъ желаютъ?
Гименъ о Гименея, Гименъ, приди Гименея!

Дѣвы.

Какъ родится цвѣтокъ сокрытъ за садовой оградой,
Безопасный отъ стадъ, никакимъ не тронутый плугомъ;
Вѣтръ его холитъ и солнце крѣпитъ и дождикъ питаетъ,
. . . .
Многимъ онъ юношамъ милъ и многимъ также дѣвицамъ;
Но какъ скоро завялъ онъ, тонкимъ надрѣзанный ногтемъ,
То ужъ ни юношамъ онъ, ни одной онъ дѣвѣ не нуженъ;
Такъ и дѣва, пока непорочна, мила всѣмъ домашнимъ;
Но лишь цвѣтъ чистоты утратитъ невиннаго тѣла,
То ни юношамъ ужъ не мила, не мила и дѣвицамъ.
Гименъ о Гименея, Гименъ, приди Гименея!

---

[33]) Изъ отвѣта юношей можно судить о содержаніи пропавшей въ спискахъ предыдущей строфы, оканчивающейся 32 ѣ. Дѣвы вѣроятно обзывали Веспера, подающаго знакъ къ похищенію одной изъ нихъ, воромъ. На это юноши отвѣчаютъ, что тотъ же Весперъ способствуетъ утромъ къ разысканію воровъ, но отдающіяся добровольно напрасно сѣтуютъ на воровство.

[35]) *Измѣняя названье.* Уже Пиѳагоръ или Парменидъ или Ивикъ знали о тождествѣ вечерней и утренней звѣзды, какъ планеты Венеры. Можетъ-быть на это тождество было указано и въ сапфическомъ стихотвореніи, которому подражалъ Катуллъ.

Юноши.

Какъ одиноко растетъ лоза средь открытаго поля,
Не подымается вверхъ, и не даетъ усладительныхъ гроздей,
А, податливый стволъ сгибая подъ собственной ношей,
Не достаетъ чуть-чуть до корней макушкой побѣговъ;
Ни оратай ее, ни пашущій волъ не замѣтитъ;
Но коль случай ее сочеталъ съ супружескимъ вязомъ,
То оратай потомъ и пашущій волъ къ ней съ уходомъ;
Такъ и дѣва, оставшись нетронутой, старится втуне,
Если же въ возрастѣ зрѣломъ въ супружество съ ровней вступила,
Болѣе мужу мила, и меньше родителю въ тягость.
Гименъ о Гименея, Гименъ, приди Гименея!
Ты же дѣва, не спорь никакъ съ подобнымъ супругомъ.
Съ тѣмъ не правъ будетъ споръ, кому самъ тебя отдалъ родитель,
Самъ родитель и мать, которымъ покорствовать должно.
Дѣвство не все вѣдь твое, родителей тоже въ немъ части;
Третья часть въ немъ отца, часть матери тоже въ немъ третья,
Третья одна лишь твоя: со споромъ на двухъ не ходи ты,
Тѣмъ, что зятю свои права передали съ приданымъ.
Гименъ о Гименея, Гименъ, приди Гименея!

---

[55]) Coluere—съ уходомъ изъ-за тѣни, которую она доставляетъ во время отдыха.

63.

Аттисъ.

Аттисъ, моря глубь проѣхавъ на проворномъ кораблѣ [1]),
Лишь достигнулъ до фригійской рощи быстрою стопой

---

63. Настоящій малый эпосъ (эпилліонъ) написанъ изысканнымъ и труднымъ галліамбическимъ размѣромъ, который мы по возможности старались сохранить. Размѣръ этотъ вполнѣ выражаетъ противоположности оргіастически-шумныхъ и порывистыхъ впечатлѣній съ печальными. Въ этомъ разсказѣ мы при посредствѣ Катулла соприкасаемся съ доисторической древностью. Во глубинѣ вѣковъ скрывается миѳъ о всеобщей матери: Μᾶ или Αμμᾶς и всеобщемъ отцѣ Πάπας, но на сѣверѣ Малой Азіи, особенно во Фригіи онъ получилъ спеціальную форму. Поклоненіе издревле праматери боговъ на вершинахъ горъ (Диндима, Иды и Кибелы) быть можетъ въ связи съ корнемъ: κυβή, *голова*, *вершина*, произвело и самое имя Кибебы или Цибебы (которое уже Эврипидъ Вакх. 59. смѣшиваетъ съ Критскимъ именемъ всематери Ῥέα). πάππα или αττα, еще у Гом. любовное обращеніе младшихъ къ старшимъ, очевидно одного корня съ нашимъ *тятя*, то же самое, что и *Аттисъ*. Хотя въ первобытномъ миѳѣ *Кибеба* не болѣе, какъ дочь фригійскаго царя Мэона и Диндимы, которую отецъ, разсердясь, что родился не мальчикъ, велѣлъ отнести въ лѣсъ, гдѣ она, воспитанная пантерами и львами, была снова признана и принята родителями. Но, замѣтивши ея преступную связь съ Аттисомъ, Мэонъ убилъ или искалѣчилъ послѣдняго, истребивъ такимъ образомъ и весь пастушій родъ его. Обезумѣвшая Кибеба стала съ шумомъ носиться изъ страны въ страну, пока по случаю чумы оракулъ Аполлона не повелѣлъ съ почетомъ похоронить убитыхъ, а Кибебу признать божествомъ; а такъ какъ тѣла Аттиса не нашли, то поставили его изображеніе на алтарѣ рядомъ со статуей Цибебы. Таковъ миѳъ фригійской Цибебы. Въ связи съ этимъ упомянемъ и греко-римское преданіе о *Хроносѣ* или *Сатурнѣ*. Сынъ Урана (неба) и Геи (земли), онъ изъ всѣхъ порожденныхъ матерью сторукихъ Титановъ былъ самый хитрый и злой. Гея, озлобленная на Урана за то, что онъ заперъ всѣхъ дѣтей въ преисподнюю, предложила имъ отмстить за себя отцу, окалѣчивъ его. Одинъ Сатурнъ на это согласился и, спрятавшись у матери, дождался ночи, когда Уранъ пришелъ къ женѣ, и тутъ, изувѣчивши его

И вступилъ подъ сѣнь лѣсную, гдѣ богини былъ пріютъ [3]),
То безумствомъ подстрекаемъ со смятенною душой,

острымъ ножомъ, онъ сбросилъ свое орудіе на землю и тѣмъ оплодотворилъ послѣднюю. Сатурнъ затѣмъ женился на сестрѣ своей Реѣ, отъ которой произошли всѣ боги и наконецъ самъ Юпитеръ. Какъ ни различны оба миѳа, но объясняютъ смѣшеніе Цибебы съ Реей въ качествѣ праматери. При дальнѣйшемъ развитіи культа Цибебы, она одна является главнымъ божествомъ, а Аттисъ вмѣстѣ съ изувѣченными подобно ему жрецами галлами является только ея изступленнымъ служителемъ на фригійской горѣ Идѣ. Нашъ Аттисъ, какъ мы увидимъ, только искусственно и косвенно носитъ это имя.

Содержаніе: Аттисъ, прекрасный юноша, отправляется моремъ во Фригію (Троаду), гдѣ впадаетъ въ неистовство, оскопляется и приглашаетъ своихъ спутниковъ, исполнившихъ то же самое, галловъ нестись на вершины Иды въ рощу Кибебы (1 — 26). Весь хоръ устремляется туда и утомленный погружается въ глубокій сонъ (27—36).

Но сномъ проходитъ неистовство; на утро Аттисъ сознаетъ и сожалѣетъ о своемъ ужасномъ поступкѣ; онъ быстро возвращается къ морю (37—47), при видѣ котораго онъ соболѣзнуетъ о покинутой Греціи (48 — 73). Услыхавъ это, гнѣвная Цибела посылаетъ одного изъ своихъ львовъ за отщепенцемъ; тотъ пугаетъ на берегу сидящаго Аттиса, который, обезумѣвъ снова, возвращается въ лѣсъ, становясь на вѣчныя времена служителемъ Цибелы (74—90).

Заключеніе: О богиня, пощади и меня своимъ гнѣвомъ (91—93). Время сочиненія неизвѣстно.

Такимъ заключеніемъ Катуллъ какъ бы говоритъ въ назиданіе всѣмъ поэтамъ: не дѣло искусства юридически разбирать правыхъ и неправыхъ. Передъ поэтической правдой сумасшедшій фанатикъ настолько же правъ, какъ и очнувшійся раскаянный. Дѣло поэзіи засвидѣтельствовать правду того и другого, но какъ человѣкъ я могу сказать, что если безуміе присуще человѣческой природѣ и кому-нибудь необходимо безумствовать, то дай Богъ, чтобы этимъ безумцемъ не былъ я.

[1]) Своимъ лихорадочно-торопливымъ размѣромъ стихотвореніе прямо вноситъ насъ въ самое событіе (*in medias res*). Аттисъ проѣхалъ изъ Греціи Егейское море.

[3]) Та же порывистость забываетъ назвать богиню Цибелой

Острымъ онъ кремнемъ отторгнулъ признакъ пола у себя.
Тутъ почувствовавъ, что сбросивъ все, ужъ сталъ не мужемъ онъ,
И лицо земли пятная свѣжей кровію своей,
Бѣлоснѣжными руками подняла она тимпанъ [8]),
Твой тимпанъ, Цибеба, легкій, мать богиня, твой снарядъ,
И въ кружокъ воловой кожи нѣжной ручкою стуча,
Такъ, дрожа, она пустилась приближеннымъ пѣть своимъ:
«Вы скорѣй неситесь, галлы, вверхъ въ лѣса Цибелы всѣ [12]);
Вмѣстѣ мчитесь Диндимены властной быстрыя стада [13]),
Вы, которыя въ чужбину, какъ изгнанницы неслись
Вслѣдъ за мною, мнѣ послушны, какъ сопутницы мои,
Бури моря претерпѣли и опасности пучинъ,
И свое сказнили тѣло, такъ Венера вамъ претитъ [17]).

---

[5]) Самое употребленіе кремневаго ножа указываетъ на доисторическія времена.

[8]) Съ минуты увѣчья юноша Аттисъ не только считаетъ себя вакханкой, но становится женщиной и въ грамматическомъ смыслѣ, чему примѣры есть (Энеид. 9, 614; Ювен. 1, 62).

[10]) На это же указываютъ выраженія: «*нѣжной ручкою*» и 74 «*губокъ розовыхъ*».

[12]) *Галлы*, жрецы Цибелы, получившіе свое названіе отъ фригійской рѣки *Галла*, а не отъ жителей *Галатіи*, носящихъ постоянно названіе *Галатовъ*. Мы оставили въ переводѣ мужское имя *галлы*, съ которымъ Аттисъ обращается къ своимъ изувѣченнымъ спутникамъ, которыхъ онъ тоже, считая женщинами, обзываетъ въ подлинникѣ словомъ *Gallae*, которое слѣдовало бы безъ препятствія со стороны стихосложенія перевести: *Галлки*, но насъ испугали домашнія галки.

[13]) Мать *Диндимена*, какъ называетъ ее Геродотъ (1,80) по имени фригійской горы Диндима (стих. 93), гонитъ своихъ изступленныхъ поклонниковъ, какъ безсознательное стадо.

[17]) *Такъ Венера вамъ претитъ* (Veneris nimio odio). Насъ поразило это выраженіе, представляющее по нашему ключъ ко всему этому эпилліону.

Быстрымъ бѣгомъ веселите духъ владычицы самой.
Бросимъ медленность тупую: вмѣстѣ въ путь—и побѣжимъ
Въ домъ фригійской мы Цибебы, во фригійскіе лѣса,
Гдѣ кимваловъ слышенъ голосъ, гдѣ тимпаны вдаль гремятъ,
Гдѣ фригійскій флейтщикъ зычно дудкой загнутой гудетъ [22]),
Гдѣ мэнады отгибаютъ страстно головы въ плющахъ [23]),
Гдѣ онѣ, справляя тайны, подымаютъ рѣзкій вой,
Гдѣ бродячій хоръ богини рвется бѣшено впередъ:
Въ тѣ мѣста, куда намъ должно торопиться въ три ноги» [26]).

Выдумывать природу вообще нелѣпо, а тѣмъ болѣе въ искусствѣ. Если нельзя ее понять, то отрадно заглянуть въ ея лабораторію. Здѣсь въ человѣческой области мы постоянно натыкаемся на двойственность животной души и человѣческаго духа, вѣчная борьба между которыми по уличному называется свободной волей, между тѣмъ какъ торжество той или другой стороны лежитъ *въ умопостигаемомъ характерѣ*. Добраться до самой вершины умственнаго водораздѣла не въ нашей власти, но опытъ показываетъ намъ, что люди, покатившіеся по душевно-животному склону, доходятъ въ поклоненіи Венерѣ до крайностей временъ Ювенала, а покатившіеся, вопреки врожденнымъ инстинктамъ, по противоположному духовному склону, доходятъ въ своей ненависти къ Венерѣ тоже до крайности, заставляющей и нашихъ скопцовъ находить величайшую отраду въ умноженіи прозелитовъ.

[20]) *Домъ* здѣсь все-таки значитъ пріютъ, мѣсто.

[22]) *Фригійскій флейтщикъ.* Флейта считалась фригійскимъ изобрѣтеніемъ. У двойной фригійской флейты одна дудка была прямая, а другая, длиннѣйшая (лѣвая дудка для болѣе низкихъ звуковъ, срав. *зычно*) къ концу расширялась и загибалась

[23]) *Мэнады*—вакханки. Культъ Діонисія еще Эврипидомъ смѣшивался съ культомъ Цибелы.

[26]) *Tripudiis* — въ три неравномѣрныхъ такта съ прискокомъ. Пляска съ оружіемъ, напр. салійскихъ жрецовъ. Выраженіе совершенно тождественное съ русскимъ:

Какъ вѣщала то подругамъ Аттисъ, ложная жена [27]),
Вдругъ завылъ весь хоръ свирѣлый изъ дрожащихъ устъ своихъ,
Загремѣлъ тимпанъ летучій, зазвенѣлъ пустой кимвалъ
И на верхъ зеленой Иды быстроногій хоръ спѣшитъ.
Задышавъ безумствомъ мчится, еле духъ переводя,
Всѣхъ своимъ тимпаномъ Аттисъ по лѣсной глуши, ведетъ,
Словно телка, что умчалась съ непривычки отъ ярма;
За вожатой рѣзвоногой галлы быстрые бѣгутъ,
Но какъ въ домъ онѣ Цибебы утомленные пришли,
То измучены чрезмѣрно безъ Цереры впали въ сонъ [36]).
Сонъ лѣнивый закрываетъ шаткой слабостью глаза,
И въ покоѣ мягкомъ тонетъ ярость лютая души.
Но когда лучистымъ взоромъ золотистый Солнца ликъ
Озарилъ эфиръ прозрачный, грудь земли и зыбь морей
И прогналъ ночныя тѣни звуконогихъ прибодря [41]),
То отъ Аттисъ пробужденной убѣжалъ немедля Сонъ
И богиня Пазиѳея приняла его на грудь [43]).
Такъ отъ нѣжнаго покоя, пробудясь безъ ярыхъ грезъ,
Разбирала Аттисъ въ сердцѣ всѣ дѣла свои сама,
И умомъ спокойнымъ видитъ, безъ чего и гдѣ она,
И вскипѣвъ душой, обратно къ морю вновь она спѣшитъ.

«Дали бабѣ сапоги,
Пошла баба *въ три ноги*».
(Солдатская пѣсня).

[27]) Искусственная.

[36]) Не вкусивши хлѣба.

[41]) Отдохнувшихъ за ночь *звуконогихъ* коней солнечной колесницы.

[43]) *Пазиѳея* (Иліад. 14, 267 и 269):
«Шествуй; тебѣ въ благодарность юнѣйшую дамъ я Хариту,
« . . . .
«Ту Пазиѳѳю, по коей давно всѣ дни воздыхаешь.

Тамъ, увидя волнъ равнину, взоромъ полнымъ слезъ она,
Грустнымъ голосомъ къ отчизнѣ обратилась въ горѣ такъ.
«О родимая отчизна, о отчизна мать моя,
Ты, которую несчастный бросилъ я, какъ бѣглый рабъ [51]).
Отъ господъ своихъ, къ идейскимъ я лѣсамъ направилъ путь,
Чтобы жить въ снѣгахъ холодныхъ средь звѣриныхъ логовищъ,
Чтобы яростной носиться близъ убѣжищъ ихъ во мглѣ,
Гдѣ, въ какой тебя, отчизна, сторонѣ мнѣ полагать?
Глазъ стремится самъ собою на тебя направить взоръ,
Въ краткій срокъ, покуда ярость злая смолкнула въ душѣ.
Я ли изъ родного дома понесусь тутъ по лѣсамъ?
Брошу все, друзей, отчизну и родителей своихъ,
Брошу форумъ и палестру, стадій и гимназій я?
Бѣдный, бѣдный, плакать вѣчно—вотъ судьба твоя, душа.
Есть ли родъ такого лика, чтобъ его я не носилъ [62])?
Я и юноша и отрокъ, взрослый я и мальчикъ я,
Я гимназія цвѣткомъ былъ, я елея былъ красой [64]);
У меня въ дверяхъ толпились, мой порогъ не остывалъ,
Былъ цвѣточными вѣнками мой всегда разубранъ домъ,
Какъ съ восходомъ солнца долженъ былъ покинуть ложе я.
Я ль теперь Цибелы жрицей и служанкой быть должна?

---

[51]) *Несчастный*, при воспоминаніи своей юношеской жизни.

[62]) *Genus figurae* мы рѣшились перевести: *родъ лика*, избѣгая иностранной *фигуры*, въ сущности ничего болѣе не говорящей, чѣмъ *ликъ*.

[64]) *Елея*—палестры.

Я ль мэпадой, я ли частью лишь себя—какъ тщетный мужъ?
Я ль на верхъ зеленой Иды въ снѣгъ застывшій убѣгу?
Я ли стану на фригійскихъ жить нагорныхъ высотахъ,
Гдѣ олень, жилецъ полѣсья, гдѣ кабанъ лѣсной жилецъ?
Жаль мнѣ, жаль, что я такъ сдѣлалъ, больно, больно мнѣ терпѣть».
Но лишь только звукъ поспѣшный съ губокъ розовыхъ слетѣлъ
И богинѣ въ оба уха съ вѣстью новою дошелъ,
То Цибела, разрѣшая львовъ запряженныхъ ярмы [76]),
Такъ, дразня врага скотины, стала лѣваго учить [77]):
«Ну, свирѣпый, въ путь и сдѣлай, чтобы въ ярость тотъ вступилъ,
Сдѣлай, чтобъ въ порывѣ яромъ тотъ опять ушелъ въ лѣса,
Кто свободенъ больно, власти избѣжать моей дерзнулъ.
Бей хвостомъ себя, свою же спину бей своимъ бичомъ [81]),
Пусть разносится повсюду громъ отъ рева твоего,
Крѣпкой шеею встряхни ты гриву рыжую свою».
Такъ рекла Цибеба въ гнѣвѣ и ярмо сняла рукой.
Звѣрь свирѣпый раздражаетъ самъ свой духъ на быстрый бѣгъ,
Онъ идетъ, реветъ и топчетъ подъ ногой своей кусты.
Но лишь влажныхъ мѣстъ достигнулъ, гдѣ бѣлѣли берега [87]),

---

[76]) О львахъ Цибелы сличи 2, 11—13.

[77]) Врагъ скотины—левъ.

[81]) Какъ это дѣлаютъ и разсвирѣпѣвшіе быки.

[87]) *Бѣлѣли*—въ противоположность лѣсной сѣни (3), берега и море, освѣщенные солнцемъ, а быть-можетъ и убѣленные пѣной морской.

То у мраморнаго моря Аттисъ нѣжную узрѣлъ [88]),
Вдругъ онъ кинулся. Та въ дебри обезумѣвши ушла:
Тамъ на цѣлую осталась жизнь прислужницей она.
О великая Цибеба, ты Диндима божество,
Пусть навѣкъ мой домъ не знаетъ страшной ярости твоей:
Возбуждай уже другихъ ты и другихъ быстрѣй гони.

---

[88]) Море часто носитъ эпитетъ *мраморное* (Иліад. 14, 273). ἅλα μαρμαρέην, у Гнѣдича: «*Свѣтлаго моря*»; у Эннія аннал. 377: «mare marmore flavo»

64.

Свадьба Пелея и Ѳетиды.

На вершинѣ Пелейской рожденныя нѣкогда сосны [1])
Плыли, какъ говорятъ, по взволнованной влагѣ Нептуна,

---

64. Эпилліонъ въ александрійскомъ родѣ; дѣйствительное заглавіе неизвѣстно, такъ какъ *Аргонавтія* на одномъ изъ списковъ относилась бы лишь къ первымъ стихамъ, а *Эпиталамій* на другомъ относится лишь къ 323 ст. Не вдаваясь въ сомнительныя догадки насчетъ того, въ подражаніе кому именно написано это стихотвореніе, замѣчательное тѣмъ, что вставка своимъ эпизодомъ какъ бы вытѣсняетъ главное, скажемъ только, что мастерская отдѣлка и тутъ свидѣтельствуетъ о томъ изяществѣ, которымъ дышатъ всѣ произведенія классической древности. Что же касается до самого Катулла, какъ поэтическаго характера, то настоящій эпилліонъ, время сочиненія котораго опредѣлить невозможно, мало способствуетъ къ его выясненію.

Содержаніе: 1) На пути аргонавтовъ люди и нимфы увидали другъ друга (1—16), и Пелей получилъ отъ Юпитера—о счастливыя времена героевъ! нимфу Ѳетиду въ супружество (—30).

2) Къ свадьбѣ прибыла въ Фарсалъ вся Ѳессалія (—42), домъ великолѣпно былъ украшенъ (—46), особенно пурпурное покрывало брачной постели (—49).

3) На немъ была изображена Аріадна, смотрящая во слѣдъ бѣжавшему Тезею (—70), котораго она, когда онъ изъ-за Минотавра прибылъ въ Критъ (—85), полюбила по великой силѣ Амура (—104). Онъ убилъ Минотавра (—111), покинулъ лабиринтъ (—115), отправился съ Аріадной въ Дію и, покинувъ ее тамъ, бѣжалъ (—123). Она смотрѣла ему во слѣдъ (—129) и разразилась сѣтованіями и проклятіями (—201). Проклятіе сбылось (—206): Тезей забылъ (—211), хотя отецъ его о томъ умолялъ (—237), поднять бѣлые паруса (—240) и поэтому долженъ былъ оплакивать смерть своего отца (—248). Слѣдовательно Аріадна смотрѣла во слѣдъ Тезею на одной сторонѣ покрывала (—250); на другой же сторонѣ покрывала изображено было вакхическое шествіе Діонисія къ Аріаднѣ (—264).

4) Этимъ кончается вставка о покрывалѣ (—266). Гости оставляютъ Фарсалъ (—277), и являются со свадебными подарками полу-

Къ Фазиса устьямъ самимъ и до границъ Эетейскихъ [3]),
Какъ тѣхъ юношей цвѣтъ, ядро молодежи Аргивской,
Изъ Колхиды увезть пожелавши руно золотое,
Быстрой дерзнула кормой побѣжать по соленой пучинѣ
Разгребая еловыми веслами синее море.
Имъ богиня сама, городскихъ владычица башенъ [8]),
Легкимъ дыханьемъ своимъ придала летучести въ бѣгѣ,
Остовъ сосновый, связавъ сначала съ изогнутымъ килемъ.
Онъ-то первый побѣгомъ нарушилъ покой Амфитриты,
Только-что носъ корабля разрѣзалъ бурливую влагу,
И завиваясь волна подъ весломъ забѣлѣла отъ пѣны
Изъ бѣлѣющей бездны самой приподняли лица
Нереиды морскія, подобному чуду дивяся.
Въ этотъ счастливый день впервые увидѣли очи
Смертныхъ, какъ нимфы свои нагія тѣла выставляли,
Изъ бѣлѣющихъ волнъ воздымаясь по самыя груди.
Тутъ, говорятъ, и Пелей воспылалъ любовью къ Ѳетидѣ,
Тутъ и Ѳетида сама людскимъ не побрезгала бракомъ,
Тутъ порѣшилъ и отецъ сочетать Пелея съ Ѳетидой [21]).
О, порожденные вы въ такое блаженное время,
Вамъ мой, герои, привѣтъ, отродье боговъ, о потомки
Ь. Отъ матерей благородныхъ, привѣтъ вамъ снова...

боги (—297) и боги (—302), и во время трапезы запѣли Парки (—322) Пелею и Ѳетидѣ эпиталаму (—380).

5) Ибо тогда еще боги удостоивали людей своихъ посѣщеній (—395); но когда послѣдніе становились все хуже, то боги отъ нихъ удалились (—407).

1) Сосны съ ѳессалійскаго Пелліона плыли очевидно ужъ въ видѣ корабля.

3) *Эетейскихъ*—царя Эета въ Колхидѣ съ рѣкою Фазисомъ, давшимъ имя кавказскимъ фазанамъ.

8) *Паллада Аѳина*, почитаемая на городскихъ акрополяхъ.

10) Паллада принимала личное участіе въ построеніи корабля Арго.

21) *Отецъ* Юпитеръ, а не Нерей.

23 Ь) Стихъ этотъ сохранился только въ отрывкѣ.

Часто васъ пѣснью моей, призывать я часто васъ стану,
Да и тебя высоко озареннаго факеломъ брачнымъ,
Ты оплотъ Θессаліи, Пелей, кому самъ Юпитеръ [26]),
Самъ родитель боговъ любовью своей поступился [27]).
Избранъ не ты ли Θетидой прекраснѣйшею Нереидой?
Не тебѣ ль свою внучку увезть разрѣшила Теθиса [29])
И Океанъ, что объемлетъ всю землю морскою волною?
Какъ окончился срокъ и желанные дни наступили,
То собирается въ домъ столпившися вся Θессалія,
И наполняется весь дворецъ веселящимся людомъ,
Всѣ приносятъ дары, выражая веселье на лицахъ.
Весь опустѣлъ Кіеронъ, Фтіотійскія брошены Темпы
И Краннона дома и высокія стѣны Лариссы [36]),
Всѣ поспѣшаютъ въ Фарсалъ и къ фарсальскому дому стремятся [37]),
Поле не пашетъ никто, у воловъ размягчаются шеи [38]),
Низкихъ не чистятъ уже виноградниковъ грабли кривыя,
Плугомъ понуристымъ волъ не ворочаетъ болѣе глыбу,
Не убавляетъ серпомъ обрѣзальщикъ на деревѣ тѣни,
Ржавчиной тусклой плуги покрываться забытые стали.
А въ жилищѣ самомъ повсюду, куда распростерся
Царскій дворецъ, все блеститъ серебромъ и золотомъ яркимъ,

---

[26]) *Пелей*, царь Фарсала и Θессаліи, также и Фтіи (Илліад. 9, 252) есть оплотъ Θессаліи.

[27]) Замѣтя склонность Юпитера въ Θетидѣ, дочери Нерея и Дориды, вторая жена Зевеса Θемида предсказала Юпитеру, что если Θетида родитъ сына, то послѣдній будетъ болѣе своего отца.

[29]) *Теθиса*, мать Дориды, отъ брата своего *Океана*, дочь Урана и Геи, родоначальница и главная богиня моря.

[35]) По Страбону *Кіеронъ*—древняя столица Θессаліотиса. Темпейская долина при устьяхъ Пенея.

[36]) *Краннонъ* и *Ларисса*—города на Пенеѣ.

[37]) *Фарсалъ*—столица Пелея въ Θессаліи.

[38]) Размягчаются роговидныя мозоли, образующіяся отъ ярма.

Троны изъ кости слоновой, столы бокалами блещутъ,
Весь чертогъ выставляетъ богатую царскую утварь.
Но въ серединѣ дворца богинино брачное ложе,
Зубомъ индійскимъ блестя, стоитъ и его покрываетъ
Пологъ пурпурный, окрашенный раковинъ розовымъ сокомъ.
Этотъ покровъ, испещренный рисунками древняго люда,
Изображаетъ съ великимъ искусствомъ дѣянья героевъ.
Ибо тамъ съ берега Діи, звучащаго громкимъ прибоемъ,
Смотритъ Тезею во слѣдъ, на судахъ уходящему быстрыхъ,
Аріадна, въ душѣ неудержныя страсти питая,
И не вѣритъ себѣ, что дѣйствительно видитъ, что видитъ,
Такъ какъ, только проснувшись отъ сна и обманныхъ видѣній,
Видитъ бѣдняжка себя на пустынномъ пескѣ позабытой.
А безпамятный юноша въ бѣгствѣ бьетъ веслами волны,
И обѣщанья пустыя онъ буйному вѣтру бросаетъ.
А изъ травы вдалекѣ Миноида тоскующимъ взоромъ
Смотритъ во слѣдъ, какъ вакхическій образъ изъ камня, Эвоэ [61])!
Смотритъ она и заботъ предается великимъ волненьямъ,
На головѣ бѣлокурой ужъ нѣтъ и прекрасной повязки,
Не прикрываетъ уже одежда ей легкая шеи,
Не сожимаетъ грудей ей пышныхъ и поясъ плетеный,
Все, что съ тѣла у ней со всего по частямъ соскользнуло,
Орошаютъ у ногъ ея тутъ же соленыя волны,
Но позабывъ и повязки уже и летучей одежды

---

[61]) Замѣчательнѣйшій стихъ по мастерской смѣлости. Аріадна въ страстномъ волненіи стоитъ оцѣпенѣвшая подобно вакхической статуѣ, при видѣ которой такъ и хочется крикнуть: эвоэ!

Положенье, всѣмъ сердцемъ своимъ, Тезей, за тобою
Всею душою, всею мыслью она, потерявшись, стремится.
О бѣдняжка! которую Эрицина въ ту пору [71]
Истомила рыданьемъ, колючихъ заботъ ей посѣявъ
Въ грудь, въ то самое время, когда Тезей безпощадный,
Отъ береговъ удалившись уже искривленныхъ Пирея,
До гортинскихъ жилищъ царя нечестивца добрался.
Ибо, какъ говорятъ, удрученный жестокой чумою
Нѣкогда, чтобъ искупить Андрогея убійство, былъ должень [77]
Юношей самыхъ отборныхъ и съ ними дѣвицъ наилучшихъ

---

[71]) *Эрицина* — названіе Венеры по древнему ея финикійскому святилищу на горѣ Эриксъ въ западной Сициліи. Этотъ стихъ, сосредоточивая вниманіе читателя на внутренней жизни скорбной Аріадны, заставляетъ его переноситься ко времени предшествовавшему зародившейся въ ней страсти къ Тезею. Во избѣжаніе сугубой сложности образа мы уклонились отъ текста Ризе A misera *отъ бѣдняжки* и придержались текста Гейзе—Ah misera—*о бѣдняжка*,

[75]) *Гортинъ*, городъ на островѣ Критѣ; здѣсь *гортинскихъ* = *критскихъ*. У Гомера главнымъ городомъ Крита является *Гносъ* (Иліад. II 645):

«*Критянъ же Идоменей предводилъ, знаменитый копейщикъ,*
Въ Гносъ живущихъ мужей, въ укрѣпленной стѣнами Гортинъ».

Критскій царь *Миносъ*, будущій безпристрастный судья въ царствѣ усопшихъ, здѣсь названъ нечестивымъ за жестокую кару аттическихъ юношей и дѣвъ.

[77]) *Андрогей*—сынъ Миноса и Пазиѳаи, у которыхъ кромѣ его было много дѣтей, въ томъ числѣ Аріадна и быкъ—Минотавръ—(Ваалъ Молохъ), рожденный Пазиѳаею отъ быка, высланнаго Нептуномъ изъ моря. Андрогей, оставшись побѣдителемъ на играхъ, былъ въ Аѳинахъ убитъ Эгеемъ, отцомъ Тезея. Въ наказаніе за это Юпитеръ наслалъ на Аѳины чуму и оракулъ приказалъ аѳинянамъ исполнить всѣ требованія Миноса, состоявшія въ томъ, чтобы изъ Аѳинъ высылались въ Критъ ежегодно или каждыя девять лѣтъ по семи юношей и

Кекропса городъ обычно на пищу сдавать Минотавру [79]).
Какъ притѣсняемый городъ такою бѣдой удрученъ былъ,
То изъ-за милыхъ Аѳинъ Тезей пожелалъ свое тѣло
Кинуть на жертву скорѣй, чѣмъ, чтобы подобные трупы,
Хоть и не трупы еще, изъ Аѳинъ отправлялися къ Криту
Легкій направивъ корабль на веслахъ и съ вѣтромъ попутнымъ,
Прибылъ къ Миносу онъ пышному и къ горделивымъ жилищамъ.
Какъ увидала его дочь царская алчущимъ взоромъ,
Та, что дотолѣ росла посреди благовоній отрадныхъ
Чистой постели своей въ объятіяхъ матери нѣжной,
Какъ у Эврота растутъ надъ самымъ теченіемъ мирты [89]),
Иль какъ дыханье весны выводитъ различныя краски,
То не раньше съ него свела воспылавшія очи,
Какъ когда всѣмъ тѣломъ она огонь воспріяла
И до мозга костей потаеннаго вся возгорѣлась.
О, жестокій душой, богъ мальчикъ, ты въ ярость вводящій
Жалкихъ, и къ горю людей прибавляющій радости тоже,
Также и ты, чей Голгосъ, чей Идалій, лѣсомъ покрытый [96]),
Что за волненьемъ наполнили душу вы пылкую дѣвы,
Часто вздыхающей нынѣ при мыслѣ о русомъ пришельцѣ.
Сколько вынесла страху она въ томящемся сердцѣ!
Часто бывала она и золота даже блѣднѣе,
Какъ съ чудовищемъ грознымъ желая вступить въ состязанье,
Или смерти Тезей добивался, иль славы въ награду!
Но не напрасно она, не безплодно богамъ обѣщала

---

[79]) по семи дѣвъ въ пищу Минотавру въ Лабиринтъ.

[89]) *Эвротъ*—спартанская рѣка. Спартанскія мирты часто упоминаются.

[96]) *Голгосъ и Идалій* смотри 36, 12 и 14.

Молча дары, хоть уста при обѣтахъ хранили молчанье
Ибо, какъ дубъ, что махалъ вѣтвями на самой вершинѣ
Тавра, или сосну, что въ корѣ потливой и въ шишкахъ [106]),
Вихрь безпощадный дохнувъ, со всѣмъ ихъ стволомъ вырываетъ,
А они далеко съ исторгнутымъ падаютъ корнемъ,
И широко на пути низвергаяся все раздробляютъ,
Такъ и Тезей, побѣжденное тѣло чудовища ринулъ
И напрасно оно бодаетъ рогами на вѣтеръ.
Цѣлъ повернулъ онъ стопы оттуда съ великою славой,
Путь блудящій управивши тонкою ниткой, чтобъ сбиться,
Изъ лабиринта идя, не могъ онъ по разнымъ извивамъ
Храмины, гдѣ разобрать безъ того ничего невозможно.
Но зачѣмъ, уклонясь отъ начала пѣсни, я стану
Далѣе припоминать, какъ съ глазъ у отца убѣжала
Дочь, какъ объятья сестры и матери даже покинувъ,
Хоть бѣдняжка свою погибшую дочь такъ любила,
Та отдала это все за сладкое чувство къ Тезею;
Иль, какъ корабль ее несъ къ опѣненному берегу Діи [121]),
Иль, какъ ее, погруженную въ сонъ, смежившій ей очи,
Непостоянный душой покинулъ супругъ уходящій?
Часто они, говорятъ, раздражаясь пылающимъ сердцемъ,
Изъ глубины своей груди пронзительный вопль испускала,
Послѣ всходила она въ тоскѣ на отвѣсныя горы,
Чтобы оттуда глядѣть по волнамъ необъятнаго моря,
То бѣжала она противъ всплесковъ соленыхъ прибоя,
Обнаженными икрами мягкій покровъ разверзая,
И съ предсмертной тоской такія слова говорила,
Испуская рыданья съ лицомъ орошеннымъ слезами.
«Такъ-то увезши меня съ береговъ родимыхъ, коварный,

---

[106]) *Тавръ*—цѣпь горъ въ Малой Азіи.

[121]) *Дія*—островъ. Не Наксосъ ли?

Ты коварно, Тезей, меня бросилъ на взморьѣ пустынномъ?
Такъ-то ты убѣжалъ и, боговъ всемогущихъ не помня,
Клятвопреступность своихъ обѣщаній домой ты уносишь?
Развѣ ничто не могло измѣнить рѣшимости духа
Жестокосердой? Ужель не нашлось состраданья настолько,
Чтобы меня пожалѣть захотѣлъ ты въ безжалостномъ сердцѣ?
А не такіе бывало обѣты давалъ ты мнѣ льстивой
Рѣчью, и мнѣ ты внушалъ не на горе такое надежды,
А на веселую свадьбу, на милый союзъ Гименея;
Все это тщетно теперь развѣютъ по воздуху вѣтры.
Клятвамъ мужскимъ ни одна пусть женщина больше не вѣритъ
И ни одна не считаетъ надежными рѣчи мужчины;
Какъ только жадно чего душа ихъ стремится достигнуть,
Клятвъ не боятся они, не щадятъ никакихъ обѣщаній;
Но лишь алчной души у нихъ насытилась похоть,
То не помнятъ рѣчей и, что ложно клялись, забываютъ.
Я безъ сомнѣнья тебя, какъ вращался въ пучинѣ ты смерти,
Извлекла, и скорѣй бы рѣшилась я брата покинуть,
Чѣмъ въ минуту опасности бросить тебя, вѣроломный;
Вотъ за все я звѣрямъ въ растерзанье достанусь и птицамъ
Въ снѣдь, и надъ мертвою мною холма изъ земли не насыплютъ.
Львица какая тебя родила подъ пустынной скалою?
Море какое, зачавъ изъ волнъ опѣненныхъ, извергло?

---

150) *Брата*—Минотавра.

Смерть ли какой, или Сцилла напасть иль бездна Харибда,
Что ты платишь такою цѣною за жизнь дорогую?
Если не по̀ сердцу было тебѣ сочетаніе бракомъ,
Такъ какъ отца старика ты строгихъ наказовъ боялся,
Все же могъ бы меня увезти къ своему ты жилищу,
Гдѣ въ веселомъ трудѣ я была бы твоею служанкой,
Умывая прозрачной струей твои бѣлыя ноги,
И пурпурнымъ покровомъ твою застилая постелю.
Но зачѣмъ понапрасну я жалуюсь вѣтрамъ бездумнымъ,
Вся истомившись въ бѣдѣ, коль они безо всякаго чувства
И не могутъ ни голосу внять, ни на вопли отвѣтить?
Тотъ между тѣмъ на середину почти выбирается моря,
И никто у прибрежной травы не замѣтенъ изъ смертныхъ.
Такъ-то въ отчаянный часъ Судьба непомѣрно жестока,
Хочетъ, чтобъ жалобъ моихъ никакое не слышало ухо.
Ты всемогущій Юпитеръ, о пусть никогда бы отъ вѣка
Кекропійскій корабль до гноскихъ бреговъ не касался [172])
И направляясь къ быку свирѣпому съ данью жестокой
Въ Критѣ не чалилъ у насъ каната пловецъ вѣроломный,
И никогда бъ этотъ злой, скрывая подъ сладостнымъ видомъ
Мыслей жестокость, у насъ не бывалъ отдыхающимъ гостемъ!
Но куда обращусь? Чего мнѣ надѣяться бѣдной?
Или къ Идейскимъ пойду я горамъ? Но бездной широкой [173])

---

[172]) *Гноскихъ*—критскихъ (смотри ст. 75).

[173]) Конечно, не троянская Ида, а критская, давшая названіе даже царю Идоменею.

Иль не отторгнула ихъ свирѣпая влага морская?
Ждать ли защиты отца? Отъ него не сама ль я бѣжала
Слѣдомъ за юношею убійствомъ запятнаннымъ брата [181])?
Ужъ не утѣшиться ли мнѣ вѣрной любовью супруга?
Не бѣжитъ ли онъ, весла свои выгибая въ пучинѣ?
На берегу между тѣмъ ни кровли, весь островъ пустыненъ,
Нѣтъ и выхода, все окружили тутъ волны морскія.
Для побѣга нѣтъ средствъ, никакой нѣтъ надежды! все нѣмо,
Все пустынно вокругъ и все на смерть указуетъ.
Но не прежде мои потухнутъ глаза при кончинѣ
И не прежде сознанье оставитъ усталое тѣло,
Чѣмъ испрошу у боговъ предательству должную кару
И въ послѣдній мой часъ не вымолю правды у неба.
Вы, карающія дѣянія мужей вашей местью,
Эвмениды, у коихъ чело, змѣями увито,
Возвѣщаетъ впередъ о гнѣвѣ пылающемъ въ сердцѣ,
Поспѣшайте сюда вы, сюда, и плачь мой услышьте
Тотъ, что бѣдняжка, увы! я должна испускать поневолѣ,
Беззащитна, въ пылу, ослѣпленная злобой безумной.
Такъ какъ по правдѣ мой вопль со дна моей груди исходитъ,
То не дайте моимъ рыданьямъ пропасть понапрасну.
А такъ точно, какъ бросилъ меня Тезей одинокой,
Такъ же пусть точно, богини, себя и своихъ онъ погубитъ».
Какъ изъ печальной груди излила она эти моленья,
Боязливо прося наказанья жестокимъ поступкамъ,
То правитель небесныхъ ей знакомъ кивнулъ безотмѣннымъ,
И отъ кивка задрожала земля и угрюмое море,

[181]) Минотавра.

И потряслися на небѣ блестящія искрами звѣзды.
Самъ же Тезей между тѣмъ ослѣпленной душой, какъ въ туманѣ,
Изъ забывчивой груди всѣ потерялъ наставленья,
Что дотолѣ хранилъ постоянно онъ въ памяти строго,
И не поднялъ отраднаго знака, отца извѣщая
Грустнаго, что невредимъ онъ портъ Эрехтейскій завидѣлъ [211]).
Ибо когда, говорятъ, изъ стѣнъ цѣломудрой богини
Сына Эгей отпускалъ, его вѣтрамъ довѣряя,
То онъ юношу обнялъ и далъ приказанье такое:
«Сынъ мой единый, который мнѣ жизни далеко милѣе,
217. Сынъ, котораго я принужденъ отпустить въ неизвѣстность,
216. Ты, возвращенный недавно къ концу мнѣ старости дряхлой [216]),
Такъ какъ доля моя и твоя горячая доблесть
Отнимаютъ тебя у меня, хоть мой взоръ утомленный
Не успѣлъ еще вдоволь насытиться обликомъ сына,
То не съ весельемъ тебя, не въ радости сердца отправлю,
И не хочу, чтобы везъ благосклоннаго счастья ты знаки;
Нѣтъ, сперва изъ души испущу я множество жалобъ,
Безобразя землей и посыпаннымъ прахомъ сѣдины,
А затѣмъ подыму я темный парусъ на мачту,
Чтобы о плачѣ моемъ, о моей пылающей скорби
Возвѣщала мнѣ ткань зачерненная ржею гиберской. [227])

---

[211]) Портъ *Эрехтейскій*—названіе, заимствованное отъ древняго аѳинскаго царя и героя *Эрехтея*. Иліад. II, 546:

«*Но мужей, населяющихъ градъ велелѣпный Аѳины,*
Область царя Эрихѳея, котораго въ древніе вѣки»

[216]) Тезей воспитывался въ Арголидѣ въ пелопонезскомъ городѣ Троизеѣ у Питтея,—отца своей матери Этры, откуда и вернулся къ отцу.

[227]) Испанская краска, бывшая или называвшаяся ржавчиной.

Если жъ дозволитъ тебѣ жилица святого Итона [228]),
Та, что и родъ нашъ и домъ Эрехтея взяла подъ защиту,
Чтобы кровью быка свою ты обрызгалъ десницу,
То постарайся, чтобы въ твоемъ незабывчивомъ сердцѣ
Приказанье вотъ это жило и не стерлось съ годами:
Только что наши холмы ты своими глазами увидишь,
Всюду пусть реи сейчасъ покровы печальные спустятъ,
И витые канаты бѣлѣющій парусъ подтянутъ,
Чтобы на первый я взглядъ угадалъ отрадную новость,
Что возвращаешься ты сохраненный счастливой судьбою».
Этотъ наказъ, что сперва у Тезея сохраненъ былъ въ мысляхъ,
Такъ утерялъ онъ, какъ облака дыханіемъ вѣтра
Съ горныхъ, снѣгомъ покрытыхъ вершинъ ускользаютъ на воздухъ,
А отецъ-то, прилежно смотрѣвшій съ башни высокой,
Непрестанно слезами томя боязливыя очи,
Какъ впервой увидалъ раздутаго паруса ткани,
То съ вершины скалы стремглавъ низринулся тотчасъ,
Думая, что Тезей погубленъ жестокой судьбою.
Такъ, вступивши подъ кровъ, унылый отъ смерти отцовской,
То же горе жестокій Тезей, что и Минондѣ,
Причинилъ онъ безпамятнымъ сердцемъ, самъ же и принялъ.
А она-то, во слѣдъ корабля съ печалью взирая,
Въ уязвленной душѣ разнородныя скорби вращала.
А съ другой стороны цвѣтущій Іакхъ уже мчался

---

[228]) Имя *Итона* носила во Фтіи гора, а въ Беотіи городъ. И въ томъ, и въ другомъ мѣстѣ были храмы Аѳины.

Съ хороводомъ сатировъ и Низой рожденныхъ силе-
новъ [252])
Прямо къ тебѣ, Аріадна, любовью къ тебѣ воспылавши
. . . .
Взапуски тутъ веселились онѣ въ опьянѣніи яромъ
И бушевали эвой! эвой! головами качая,
Тирсами часть изъ нихъ съ увитымъ концомъ потрясала,
А другія швырялись кусками растерзанной телки,
Тѣ изъ змѣй перевитыхъ себѣ пояса надѣвали,
Тѣ справляли завѣтныя оргіи въ полыхъ ковчегахъ,
Оргіи тѣ, что напрасно желали бы слышать профаны;
Эти въ тимпанъ ударяли, высоко приподнявши руки,
Или изъ мѣди округлой трепещущій звонъ извлекали,
Многія ревомъ хрипливо звучащимъ рога надували,
И чужеземная дудка свистѣла ужаснымъ напѣвомъ [264]).
Вотъ такими рисунками убранный пологъ роскошно,
Всю занимая постелю, своимъ прикрывалъ одѣяньемъ.
Послѣ того, какъ насытила взоръ ѳессалійская юность
Этимъ, священнымъ богамъ начала уступать она мѣсто.
Тутъ, какъ зефиръ, что дыханіемъ утреннимъ спящее море
Пробуждаетъ и падая вкось вызываетъ въ немъ волны,
Чуть лишь Аврора возстанетъ съ порога подвижнаго
солнца,
Тихо вначалѣ онѣ, дыханіемъ кроткимъ гонимы,
Движутся, легкіе звуки ихъ плеска съ хихиканьемъ
сходны,

---

[252]) *Низа* или *Нисса*—предполагаемая гора, область или городъ въ Ѳессаліи: царство Вакха (Иліад. VI. 132):

«*Нѣкогда, дерзкій, напавъ на питательницъ буйнаго Вакха,*
Ихъ по божественной Ниссѣ преслѣдовалъ».

[264]) *Чужеземная дудка*—фригійская флейта (63, 22).

270) Уходъ изъ дворца толпы, которая чѣмъ болѣе удаляется отъ мѣста, внушавшаго ей уваженіе, становится все говорливѣе и шум.

После́ подъ крѣпнущимъ вѣтромъ вздымаются больше и больше,
И, пурпурнымъ вдали отливая сіяньемъ, катятся,
Такъ, покидая преддверіе царскихъ покоевъ всѣ вмѣстѣ,
Порознь каждый къ себѣ проворной стопой расходились.
Послѣ ухода ихъ первымъ изъ всѣхъ съ вершинъ Пеліона
Прибылъ Хиронъ, принося съ собою лѣсные подарки [279]),
Ибо все, что родится въ поляхъ, что на высяхъ есть горныхъ
Ѳессалійскаго берега, всѣ тѣ цвѣты, что выводитъ
Западный вѣтръ, плодотворно дыша надъ струями рѣчными,
Онъ принесъ, повязавши ихъ самъ безъ разбору вѣнками,
Такъ, что ихъ запахомъ сладкимъ пропитанный домъ улыбнулся.
Слѣдомъ предсталъ и Пеней, покрытыя зеленью темпы,
Темпы, которыя всѣ опоясаны лѣсомъ нависшимъ,
Предоставляя вполнѣ хороводамъ наядъ разнороднымъ,
Не пустымъ онъ пришелъ: принесъ онъ буковъ высокихъ
Съ корнями и со стволами прямыми и лавровъ истяжныхъ
Не безъ платановъ кивающихъ, да и сестеръ мягкоствольныхъ
Фаэтона сгорѣвшаго и кипарисовъ воздушныхъ;
Ихъ онъ, смежая, кругомъ по широкому дому разставилъ,
Чтобъ зеленѣло преддверье, одѣтое мягко листвою.

нѣе, съ тонкимъ мастерствомъ изображенъ въ настоящемъ сравненіи вполнѣ оригинальномъ, такъ какъ картина (Иліад. IV, 423) весьма мало напоминаетъ настоящее.

[279]) *Хиронъ*—мудрый Центавръ, будущій воспитатель Ахиллеса.

[285]) Потокъ *Пеней*, оставя свою Темпейскую долину, явился гостемъ.

[290]) Сестры Фаэтона, Геліады, были превращены въ тополя (Овид. Прев. 2, 340).

Слѣдомъ за нимъ Прометей съ измыслительнымъ сердцемъ явился,
Древней казни слѣды еще сохраняющій слабо,
Что когда-то при членахъ, закованныхъ въ скиѳскія цѣпи [296]),
Онъ претерпѣлъ, вися на вершинѣ обрывистой горной.
Тутъ родитель боговъ съ дѣтьми и священной супругой
Прибылъ, тебя лишь Фебъ одного на небѣ оставивъ
И близнеца твоего, на горахъ возсѣвшую Идра.
Ибо вмѣстѣ съ тобой и сестра не любила Пелея
И не хотѣла почтить она факеловъ брачныхъ Ѳетиды.
Какъ на сидѣньяхъ они бѣлоснѣжныхъ члены согнули,
То имъ покрыли столы, наставивши блюдъ разнородныхъ,
А между тѣмъ, сотрясая тѣла свои дряхлымъ движеньемъ,
Правду гласящія пѣсни свои затѣяли Парки.
Ихъ дрожащее тѣло кругомъ обнимала одежда
Бѣлая, красной каймой до щиколотокъ простираясь.
На головѣ бѣлоснѣжной у нихъ краснѣли повязки;
А привычныя руки надъ вѣчной корпѣли работой.
Лѣвая прялку держала, увитую мягкою шерстью,
Правая же то легко приподнявши персты отводила
Нить, что пряла, то пальцемъ большимъ крутя запускала
Веретено равновѣсное, словно кубарь закруживши.
Зубы равняли межъ тѣмъ постоянно работу щипками,
И приставали къ засохшимъ губамъ окуски отъ шерсти,
Что торчала сперва комками по сглаженной ниткѣ;
Мягкую шерсть между тѣмъ бѣлизною сверкающей волны

---

[296]) Цѣпи Прометея называются скиѳскими, потому что скиѳы считались первыми, ковавшими желѣзо, и самый Кавказъ былъ Скиѳіею.

[300]) Діана, возсѣдающая на горахъ Идра, быть-можетъ въ Каріи, въ качествѣ охотницы названа *близнецомъ* Феба, въ томъ смыслѣ, что Латона родила одновременно Аполлона и Діану. Причина ихъ недоброжелательства къ Тезею неизвѣстна.

Сохраняли у ногъ корзины изъ прутьевъ лозовыхъ.
Такъ прядя свою пряжу, онѣ громозвучнымъ напѣвомъ
Изливали такую въ божественной пѣснѣ судьбину,
Въ пѣснѣ, какой уличить въ неправдѣ вѣкамъ не придется.
«О умножающій честь красою подвиговъ многихъ
Эматійскаго царства оплотъ, славнѣйшій по сыну [324]),
Слушай, какое тебѣ въ день радости сестры откроютъ
Прорицаніе вѣрное. Вы же, судьбу предваряя,
Мчитесь быстрѣй, выводящія нити, быстрѣй веретена.
Уже подходитъ къ тебѣ со всѣмъ для мужей вожделѣннымъ
Гесперъ, и близится тожъ подъ звѣздою счастливой супруга,
Что наполнивши душу твою всепобѣдной любовью,
Въ сладкомъ томительномъ снѣ съ тобой сочетаться готова,
Крѣпкую шею твою, огибая нѣжно руками.
Мчитесь быстрѣй выводящія нити, быстрѣй веретена.
Домъ ни одинъ не сближалъ любви такой же какъ эта,
Не сочетала любовь подобнымъ союзомъ влюбленныхъ,
Какъ у Ѳетиды теперь и какъ у Пелея согласье.
Мчитесь быстрѣй выводящія нити, быстрѣй веретена.
Породится отъ васъ Ахиллъ, не знающій страха,
Не съ затылка врагамъ, а съ мощной лишь груди знакомый.
И побѣдителемъ часто на состязаніи въ бѣгѣ
Опередитъ на ходу онъ и лань, что какъ молнія мчится.
Мчитесь быстрѣй выводящія нити, быстрѣй веретена.
Не одинъ съ нимъ герой никогда на войнѣ не сравнится,

---

[324]) *Эматія* у грековъ исключительно Македонія, но у Катулла и за нимъ у Виргилія и Овидія Ѳессалія, которой оплотомъ является Пелей, еще болѣе славный по Ахиллесу.

Какъ оросятся поля фригійскія кровію тевкровъ [344]).
Какъ во слѣдъ долголѣтней осады троянскія стѣны
Клятвопреступнаго Пелопса третій наслѣдникъ разрушитъ. [346])
Мчитесь быстрѣй выводящія нити, быстрѣй веретена.
Про высокую доблесть его и славу дѣяній
Вспомнить не разъ матерямъ придется надъ прахомъ сыновнимъ,
Какъ начнутъ онѣ волосы рвать съ головы посѣдѣлой
И безсильной рукой пятнать увядшія груди.
Мчитесь быстрѣй выводящія нити, быстрѣй веретена.
Ибо какъ предъ собой косецъ подъ пылающимъ солнцемъ
Колосъ густо растущій срѣзаетъ по желтому полю,
Такъ подкоситъ тѣла онъ троянцевъ враждебнымъ желѣзомъ.
Мчитесь быстрѣй выводящія нити, быстрѣй веретена.
Будутъ свидѣтелями той доблести волны Скамандра [357]),
Что широкой струей въ Геллеспонтъ изливается быстрый,

---

[344]) *Тевкръ*—сынъ Скамандра и Идеи, древнѣйшій троянскій царь, по имени котораго троянцы назывались тевкрами.

[346]) Клятвопреступнаго Пелопса. У элійскаго царя Эномая была дочь красавица Гипподамія, свадьбѣ которой отецъ препятствовалъ, ибо оракулъ сказалъ, что зять его погубитъ. Обладая быстрыми конями отъ Нептуна, онъ отдавалъ править ими своему возницѣ Миртилу; а женихамъ предлагалъ состязаться въ ристаніи, при чемъ побѣдитель получитъ дочь, а побѣжденный будетъ убитъ. Пустивши впередъ соискателя, онъ приносилъ жертву Нептуну, и затѣмъ, ставши съ копьемъ въ колесницу, нагонялъ и убивалъ противника. Такъ убилъ онъ 19 героевъ; наконецъ явился молодой Пелопсъ и уговорилъ возницу Миртила помочь ему. Миртилъ, вмѣсто желѣзныхъ чекъ, вложилъ въ оси черныя восковыя, отчего колеса на бѣгу соскочили, лошади убили Эномая, а Гипподамія досталась Пелопсу, но Пелопсъ, вмѣсто обѣщанной награды Миртилу, сбросилъ его въ море. Агамемнонъ—сынъ Атрея, внукъ Пелопса.

Какъ стѣснитъ онъ имъ путь, заваливъ ихъ тѣлами убитыхъ
И примѣшанной кровью согрѣетъ глубокую рѣку.
Мчитесь быстрѣй выводящія нити, быстрѣй веретена.
Будетъ свидѣтельницей и добыча, врученная смерти [362]),
Какъ на возвышенной насыпи холмъ подъ костеръ наваленный
Бѣлоснѣжные члены поверженной дѣвы восприметъ
Мчитесь быстрѣй выводящія нити, быстрѣй веретена,
Ибо какъ только Судьба поможетъ усталымъ ахейцамъ,
Стѣны Нептуна прорвавъ, въ Дарданскій городъ проникнуть,
То и могилу высокую кровь оросить Поликсены;
А она, словно жертва, убита двуострымъ желѣзомъ
Ринетъ во прахъ, колѣна согнувши, безглавое тѣло.
Мчитесь быстрѣй выводящія нити, быстрѣй веретена.
Такъ сочетайте скорѣй любовью желанной вы души.
Пусть же приметъ супругъ въ счастливомъ союзѣ богиню,
Чтобъ поступила невѣста давно вожделѣнная къ мужу.
Мчитесь быстрѣй выводящія нити, быстрѣй веретена.
Чтобы кормилица къ ней подойдя при сіяньи востока,
Шею уже не могла окружить ей вчерашнею ниткой [377]),
Также и мать, безпокоясь насчетъ упрямства невѣсты,

---

[357]) Указаніе на истребленіе Ахиллесомъ троянцевъ въ волнахъ Ксанѳа или Скамандра (Иліад. XX, 74).

«Ксанѳомъ отъ вѣчныхъ боговъ нареченный, отъ смертныхъ Скамандромъ».

[362—370]) По взятіи Трои, плѣнная дочь Пріама Поликсена, бывшая невѣстой Ахиллеса, была по его же завѣщанію принесена въ жертву на его могилѣ сыномъ его Пирромъ.

[377]) Древніе полагали, что, по совершеніи брака, шея становилась полнѣй.

Не была бъ безъ надежды на внуковъ отъ спавшихъ отдѣльно.
Мчитесь быстрѣй выводящія нити, быстрѣй веретена».
Такъ предвѣщая великое нѣкогда счастье Пелею,
Пѣли пѣсни изъ груди своей божественной Парки.
Ибо нѣкогда лично въ дома честные героевъ
Нисходили и сами являлись въ собранія смертныхъ
Жители неба охотно, пока благочестье хранилось.
Часто родитель боговъ, во храмѣ сіяющемъ сидя,
Какъ во дни торжества появились годичныя жертвы,
Видѣлъ сотню быковъ поверженныхъ тутъ же на землю,
Часто и Либеръ бродящій съ вершины самой Парнаса [389])
Велъ тіадъ, растрепавшихъ волосы съ крикомъ восторговъ,
А дельфійцы, стремясь изъ города другъ передъ другомъ,
Съ радостью у алтарей дымящихся бога встрѣчали.
Часто Марсъ на войнѣ посреди смертоносныхъ сраженій,
Или Тритона владычица или рамнунская дѣва [394])
Вооруженные строи людей, явясь, возбуждали.
Но съ тѣхъ поръ, какъ земля осквернилась ужаснымъ злодѣйствомъ
И правосудіе всѣ изъ алчнаго духа изгнали,
Братья руки свои запятнали кровію братней,
Пересталъ уже сынъ о смерти родителей плакать,
Началъ родитель желать кончины юнаго сына,
Чтобы свободно владѣть новобрачной мачихи цвѣтомъ [401]),

---

[389]) *Либеръ*—Вакхъ.

[390]) *Тіады*—вакханки.

[394]) *Тритонъ*—рѣки въ Либіи или въ Беотіи, мѣсто рожденіе Паллады Аѳины. Немезида, богиня мщенія, по имени своего храма въ Рамнѣ, въ Аттикѣ, называется у Катулла рамнунской дѣвой, но что она является возбудительницей въ сраженіяхъ—конечно, александрійская затѣя.

[401]) Не опасаясь сына.

Нечестивая мать соблазняетъ невиннаго сына,
Не страшась оскорбить родимыхъ боговъ непотребствомъ.
Все и зло и добро, помѣшавшись въ безумствѣ преступномъ,
Отвратили отъ насъ и мысли боговъ правосудныхъ.
Вотъ почему не хотятъ почтить своимъ появленьемъ
Сборищъ подобныхъ они и при свѣтѣ дневномъ показаться.

65.

Къ Орталу.

Хоть постоянно меня отягчая заботою, горе
Отъ вдохновенныхъ, Орталъ, дѣвъ отклоняетъ совсѣмъ [2])
И не въ силахъ плодами отрадными музъ разрѣшиться
Умъ мой, который такой нынѣ взволнованъ бѣдой:
Ибо недавно еще моего поблѣднѣвшаго брата
Ноги въ потокѣ своемъ Лета омыла волной;
Трои берегъ его Ретійскій, своею землею [7])

---

65. Стихотвореніе это обращается къ знаменитому оратору К. Гортензію, Орталу или Горталу, который самъ, какъ видно (95, 3), писалъ много стиховъ. Видно тоже, что во время сочиненія этого посланія Катуллъ находился съ Орталомъ въ тѣсной дружбѣ, которая замѣтно остыла ко времени написанія (95, 3). Здѣсь на просьбу Ортала прислать ему новыхъ стихотвореній, Катуллъ отвѣчаетъ: «хотя грусть о недавно умершемъ на троянскомъ берегу братѣ моемъ отвлекаетъ меня отъ поэзіи,—я все-таки посылаю тебѣ слѣдующій переводъ изъ Каллимаха, чтобы ты не подумалъ, что слова твои я выронилъ изъ души подобно тому, какъ тайный подарокъ возлюбленнаго выскакиваетъ изъ одежды дѣвушки, заставляя ее покраснѣть».

[2]) Музъ.

[5]) Поблѣднѣвшаго отъ смерти. Летейская волна оросила ноги брата при переправѣ въ область тѣней.

[7]) *Ретійскій* берегъ—скалистый мысъ, или лучше сказать горный хребетъ на Геллеспонтѣ на сѣверѣ Троады.

Прикрывая, отъ глазъ нашихъ совсѣмъ удалилъ.

. . . .

Стану ль съ тобой говорить? Услышу ль твои похожденья?
Иль никогда ужъ тебя, жизни милѣйшій мнѣ братъ,
Болѣе не увидать? Но вѣчно любить тебя буду,
Вѣчно о смерти твоей скорбныя пѣсни мнѣ пѣть,
Тѣ, что подъ тѣнью густой нависшихъ вѣтвей напѣваетъ
Прокна, о горестной ей Итила смерти скорбя [14]).
Но и въ горѣ такомъ тебѣ я, Орталъ, посылаю
Эти стихи, что писалъ я Баттіаду во слѣдъ [16]);
Чтобъ ты не счелъ, что слова свои ты бросилъ на вѣтеръ
И что можетъ-быть ихъ я потерялъ изъ души;
Словно яблоко, что женихомъ подаренное тайно,
Изъ непорочной скользнувъ пазухи дѣвы, бѣжитъ;
То у бѣдняжки забывчивой спрятано было въ одеждѣ,
А у прыгнувшей, когда мать къ ней вошла, сотряслось
И по наклону оно проворно движется въ бѣгѣ,
А у нея на лицѣ вспыхнула краска стыда.

---

[14]) *Прокна*, дочь аттическаго царя Пандіона, была замужемъ за Тереемъ, который, отправляясь за сестрой жены своей, Филомелой, дорогой ее обезчестилъ и, чтобы она не выдала его, отрѣзалъ у ней языкъ. Она выткала исторію своего бѣдствія на ткани и такимъ образомъ сообщила ее своей сестрѣ. Та, въ злобѣ на мужа, зарѣзала собственнаго сына *Итиса* или Итила и, накормивъ имъ мужа, скрылась. Боги превратили Филомелу въ ласточку, Прокну въ соловья, Терея въ удода, а Итиса въ фазана. Народная рѣчь, перемѣшавъ роли, обзываетъ Филомелой соловья.

[16]) *Баттіадомъ* называетъ Катуллъ Каллимаха, сына Батта, а еще болѣе въ качествѣ потомка, основателя Киренъ (смотри 7, 6), котораго самъ Катуллъ называетъ своимъ предкомъ, πρόγονος.

66.

Коса Береники.

Тотъ, что успѣлъ разглядѣть свѣтила пространнаго міра,

---

66. Это и есть обѣщанное Орталу (65, 16) стихотвореніе: переводъ Каллимаховской косы Береники: Βερενίκης πλόκαμος.

Содержаніе: великій астрономъ Кононъ открылъ на небѣ меня, косу Береники.

(Разсказъ ведетъ сама коса 1 — 8). Береники обѣщала меня богамъ, когда царственный супругъ ея скоро послѣ бракосочетанія отправился на войну — въ Малую Азію (—14). Не взирая на свою скромность, царица искренно любила мужа, какъ показываютъ ея жалобы (—20). Какъ страдала та, которая нѣкогда выказала такое необыкновенное мужество (—27); скоро дѣйствительно супругъ ея вернулся съ побѣды (—36), и я была посвящена небожителямъ (—38). Неохотно, о царица, покинула я твою голову (—41), уступая лишь непобѣдимой силѣ желѣза (—47), ненавистнаго желѣза (—50)! Но вдругъ я исчезла изъ храма: ибо зефиръ перенесъ меня по воздуху въ лоно Афродиты (—56). Этого захотѣла сама богиня и помѣстила меня рядомъ съ вѣнцомъ Аріадны (—64), въ небѣ по сосѣдству Боота и Большой Медвѣдицы (—68), но вопреки этой чести (—70) я бы лучше желала остаться на головѣ моей царицы (—78). Вы, новобрачныя женщины, приносите мнѣ жертвы въ день вашей свадьбы (—83), но жертвоприношеніе блудницъ я отвергаю (—86), и будьте счастливы (—88). Особенно же ты, царица, жертвуй мнѣ въ праздники (—92), а все-таки лучше всего было бы мнѣ остаться у тебя (—94). Эта искусственно и изысканно придворная Александрійская элегія сочинена Каллимахомъ при Египетскомъ царѣ Птоломеѣ III Эвергетѣ (247—221). Птоломей въ скорости послѣ восшествія своего на престолъ предпринялъ малоизвѣстную войну противъ Селевка II-го сирійскаго, чтобы отмстить за убійство сестры своей, тоже Береники, ея пасынкомъ Селевкомъ и въ скорости покорилъ Сирію и даже Вавилонъ до индійскихъ предѣловъ. Его новобрачная супруга Береника, давшая (составляющій содержаніе настоящей элегіи) обѣтъ, была дочь Киренскаго царя Мага, по матери брата Птоломея II-го Филадельфа и женатаго на Арсиноѣ или Апамѣ, съ которою и прижилъ Беренику. Касательно ея прежней исторіи сличи

Кто восхожденіе звѣздъ точно позналъ и закатъ [2]),
Какъ затмевается пламенный блескъ бѣгущаго солнца [3]),
Какъ извѣстной порой скрыться созвѣздья спѣшатъ [4]),
Какъ къ Латмійской скалѣ, увлекая, Тривію тайно
Нѣгой своею любовь сводитъ съ воздушныхъ путей;
Тотъ-то Кононъ меня увидалъ въ небесномъ сіяньи [7]),
Косу, что на челѣ у Береники была,
Возсіявшей свѣтло, ее вѣдь она обѣщала
Многимъ богамъ, приподнявъ бѣлыя руки свои
Тою порою, когда Гименеемъ недавнимъ довольный,
Съ опустошеніемъ царь шелъ въ ассирійскій предѣлъ [12]),
Унося и слѣды ночной той сладостной битвы,

примѣч. къ ст. 26. Слѣдовательно она была не родная, а двоюродная сестра Эвергета. Что касается до титула *супруги и сестры*, то таковой могъ быть данъ для приравненія ея съ Береникой, супругой и сестрой Птоломея I-го по египетскому воззрѣнію съ Изидою, супругой сестрой Озириса. Нибуръ однако предполагаетъ, что *другая* Арсиноя (отъ Лизимаха) мать Эвергета, была отвергнута Птоломеемъ II-мъ ради сестры и, выйдя снова замужъ за Мага, была отъ него матерью Береники; но это мнѣніе опровергнуто Дройзеномъ.

Птоломей I.			Лизимахъ.
Магъ (пасынокъ) женатъ на Арсиноѣ или Апамѣ.	Арсиноя (ст. 52) = Афродита. Зейфирита.	Птоломей II Филадельфъ.	— Арсиноя.
Береника (ст. 26).		Птоломей III Эвергетъ.	Береника сирійская.

[2]) Время восхожденія и захожденія звѣздъ.

[3]) При солнечныхъ затменіяхъ.

[4]) Созвѣздія въ извѣстныя времена года скрываются.

[5]) *Латмосъ* — гора въ Каріи. На ней-то, по преданію, Селена предалась прекрасному Эндиміону. Покидая по этому случаю небо, она причиняла новолуніе или лунное затменіе.

[7]) *Кононъ — самосскій* знаменитый математикъ и астрономъ,-- другъ Архимеда.

[12]) Ассирійскій вмѣсто сирійскій, какъ 68, 144 и вообще часто у древнихъ поэтовъ.

Гдѣ онъ доспѣхи уже дѣвственной жизни отбилъ.
Или такъ ненавистна Венера невѣстамъ? Иль нужно
Радость родителей имъ ложью тѣхъ слезъ обмануть,
Что такъ обильно онѣ проливаютъ за спальнымъ порогомъ?
Только богами клянусь, стонутъ напрасно онѣ.
Это царица моя доказала мнѣ плачемъ великимъ,
Какъ пошелъ на войну грозную юный супругъ.
Иль одинокая ты не о сирой постели рыдала,
А о разлукѣ одной съ братомъ твоимъ дорогимъ [22])?
Какъ твое сердце насквозь пронзила печалью забота,
Такъ, что изъ груди больной чувства утратились всѣ,
И исторгнутый умъ исчезъ! А я тебя знала
Въ малолѣтствѣ еще дѣвочкой съ твердой душой [26]).
Или тотъ добрый забыла ты подвигъ, какимъ ты достигла
Царскаго брака? Никто быть бы отважнѣй не могъ.
Но, разставаяся съ мужемъ, какія ты рѣчи сказала!
Какъ, о Юпитеръ! глаза терла ты часто рукой!
Кто изъ боговъ такъ тебя измѣнилъ? Иль любящимъ трудно

---

[22]) Неужели ты оплакивала только разлуку съ братомъ, а не съ супругомъ?

[26]) *Въ малолѣтствѣ* — *Hygins* представляетъ дѣло такъ: Когда отецъ Береники, Птоломей, былъ стѣсненъ врагами, то она, вскочивъ на коня, остановила бѣгущее войско и разбила непріятеля; но такой разсказъ, судя по прилагаемой родословной табличкѣ, можетъ относиться лишь къ сирійской Береникѣ, а не къ героинѣ нашей элегіи. Нибуръ, напротивъ, говоритъ, что Магъ хотѣлъ выдать дочь свою Беренику за Птоломея Эвергета; но жена его Арсиноя этому воспротивилась и по смерти Мага въ 258 г. призвала Димитрія Поліоркета изъ Македоніи, чтобы выдать за него свою дочь; но тотъ, вступя въ связь съ самою Арсиноей, навлекъ всеобщую ненависть, кончившуюся возмущеніемъ. А Береника устроила такъ, что только Димитрій былъ убитъ, а мать пощажена.

От любезнаго имъ тѣла вдали пребывать?
Тутъ-то всѣмъ и богамъ супруга желаннаго ради
Ты обѣщала меня, кровь проливая быковъ,
Если вернется онъ цѣлъ. А тотъ по времени маломъ,
Азію силой забравъ, къ царству Египта примкнулъ.
За такіе успѣхи, вступя въ собранье небесныхъ,
Прежнихъ обѣтовъ твоихъ—я искупительный даръ.
Нехотя, о царица, твое я покинула темя,
Нехотя, въ томъ поклянусь даже твоей головой.
(Пусть по заслугамъ накажется тотъ, кто напрасно клянется)
Кто же мечтаетъ въ борьбу противъ желѣза вступить [42])?
Гору свалило оно всѣхъ выше на цѣломъ прибрежьи [43]),
Что переѣхать спѣшитъ Ѳіи блистающій сынъ [44]),
Какъ породили мидійцы новое море и съ флотомъ
Варваровъ вся молодежь прямо плыла чрезъ Аѳонъ.
Какъ волосамъ устоять, коль вотъ что желѣзу сдается?
О Юпитеръ, пускай гибнетъ халибовъ весь родъ [48]),
Какъ и тотъ, что впервой отыскивать сталъ подъ землею
Жилы и послѣ того твердость желѣза ковать!
Обо мнѣ, что отрѣзана я, передъ тѣмъ мои сестры [51])
Плакали, какъ на крылахъ шаткихъ по воздуху мчась,
Братъ эѳіопа Мемнона меня Арзинои Киприды [53])

---

[42]) Желѣзныя ножницы.

[43]) Желѣзо прорвало даже самую высокую на южномъ прибрежіи Аѳонскую гору, для пропуска кораблей Ксеркса. *Eversus*—свалило, поэтическое преувеличеніе, вмѣсто прорвало.

[44]) Геліосъ, братъ Селены и Эосъ, всѣ трое дѣти титана Гиперіона и Титаниды Ѳіи или Тіи.

[48]) *Халибы* въ Понтійской землѣ впервые указаны Ксенофонтомъ (Отступленіе 5,1), какъ первые воздѣлыватели желѣза.

[51]) Другіе локоны или волоса.

[53]) Изъ различныхъ толкованій этого спорнаго мѣста придержимся наиболѣе основательнаго: боги вѣтровъ Зефиръ, Борей и

Конь подхватилъ и помчалъ, птицей будучи самъ;
Онъ, перенесши меня по воздушному мраку, на лоно
Непорочной своей чистой Венеры сложилъ [56]).
Вѣдь сама своего слугу Зейфирита гречанка [57])
Съ тѣмъ и послала, чтобъ къ ней онъ воротился въ Канопъ
И чтобы тамъ не одинъ, отливая огнемъ разноцвѣтнымъ,
У Аріадны съ висковъ взятый вѣнецъ золотой
Былъ навсегда прикрѣпленъ, но чтобы и я засверкала,
Благочестивой души дань бѣлокурыхъ волосъ.
Какъ слезами увлажена къ храму боговъ я неслася,
Новымъ созвѣздьемъ меня къ старымъ богиня ввела:
Ибо и Дѣвы и Льва свирѣпаго близко къ созвѣздьямъ
И съ Ликаонскою тожъ рядомъ Каллистой свѣтя [66]),

Нотъ (часто сопровождающіе восхожденіе солнца), дѣти Эосъ (зари) отъ Титанида Астрея. Та же Эосъ родила отъ Тифона, сына троянскаго Лаомедона, египетскаго Мемнона. Такимъ образомъ Зефиръ по матери братъ Мемнона; а какъ вѣтры представлялись въ видѣ крылатыхъ коней, то въ настоящемъ случаѣ Катуллъ сохраняетъ этотъ образъ за Зефиромъ. Арсиноя по смерти своей была братомъ своимъ Филадельфомъ II-мъ признана божествомъ и ей на западномъ (Канопскомъ) берегу на мысѣ Зефиріонѣ былъ, какъ Афродитѣ, воздвигнутъ небольшой Дорійскій храмъ. Такимъ образомъ отъ имени самого мыса произошло и названіе Афродиты Зефириты.

[56]) *Венеры*, той же Арсинои.

[57]) *Гречанка.* Хотя Арсиноя и дочь Птоломея I-го, но самъ Птоломей греческаго происхожденія.

[60]) Вакхъ, сочетавшись съ Аріадной, схватилъ съ ея висковъ брачный вѣнокъ и взбросилъ его въ видѣ созвѣздія на небо между Боотомъ и Геркулесомъ.

[65]) Дѣвы *Эригоны*, которыя, повѣсившись съ горя отъ смерти отца Икарія, поступили въ число созвѣздій.

[66]) *Каллиста*, дочь жестокаго аркадскаго царя Ликаона, родившая Аркаса отъ Зевеса, была ревнивою Юноною превращена въ медвѣдицу, а затѣмъ помѣщена Зевесомъ въ число созвѣздій.

Я обращаюсь къ закату, водя лѣнивца Боота [67]),
Что погружается лишь поздно слегка въ океанъ.
Но хоть ночью меня стопы боговъ попираютъ [69]),
День же Теѳисѣ сѣдой снова меня отдаетъ,
(Лишь не въ обиду тебѣ-то сказать, Рамнунская дѣва [71]),
Ибо изъ страха никакъ правды не стану таить,
Хоть бы созвѣздья меня поносили дурными словами,
Что изливаю я тутъ правду изъ скрытной груди):
Не настолько всему я рада, насколько быть розно,
Розно съ моей госпожей я постоянно крушусь,
Вѣдь у нея-то, когда она дѣвой заботы не знала,
Я впивала въ себя тысячи сирскихъ мастей.
Вы же, кого сочеталъ вожделѣннымъ сіяніемъ факелъ [79]),
Не предавайте вы тѣлъ единодушно мужьямъ,
Сбросивъ одежду свою и грудь обнажая, доколѣ
Дара отраднаго мнѣ не изготовитъ ониксъ [82]),
Вашъ ониксъ, вы, которыя ложе въ законѣ блюдете;
Но отъ той, что себя блудомъ дала замарать,

---

[67]) Коса Береники заходитъ раньше своего сосѣда лѣнивца Боота. Одис. Ѵ, 272:

«Съ нисходящаго поздно
Въ море Боота».

Боотъ—вознесенный къ звѣздамъ Икарій (смотри къ ст. 65).

[69]) Боги могутъ только ночью ходить по звѣздамъ, стоящимъ на небѣ,

[70]) а днемъ звѣзды опять собираются на восточный край Океана для новаго восхожденія; то и другое—великая честь.

[71]) Рамнунская дѣва Немезида (сличи 64, 394), карающая за надменныя слова.

[79]) Брачный факелъ, т.-е. новобрачные.

[82]) Ониксъ—алебастровый сосудъ, въ которомъ хранятся благовонія.

Даромъ пустымъ и худымъ пусть прахъ упивается легкій:
Отъ недостойныхъ такихъ я не желаю даровъ.
Но у васъ, о замужнія, пусть и согласіе вѣчно
И постоянно любовь царствуетъ въ вашихъ домахъ.
Ты же, царица, когда, взглянувши на небо, богинѣ
Въ праздничный день приносить станешь Венерѣ дары,
Не помысли меня лишить твоихъ благовоній,
А напротивъ того щедро даровъ принеси.
Что жъ въ небесахъ я держусь? О будь, на челѣ я царицы:
Хоть съ Водолеемъ тогда рядомъ блистай Оріонъ [94]).

67.

Къ двери.

ПОЭТЪ.

О пріятная мужу, отцу пріятная тоже [1]),
Здравствуй, и ниспошли милость Юпитеръ тебѣ,

---

[94]) Созвѣздіе Водолея отдалено не менѣе 120^0 отъ Оріона, поэтому Коса Береники говоритъ, что лишь бы ее вернули къ царицѣ, то пусть бы созвѣздія размѣщались, какъ имъ угодно.

67. Сплетня изъ Вероны и ея окрестностей, написанная Катулломъ вѣроятно въ молодости. Затрудненія, какія находили при объясненіи этого стихотворенія, исчезаютъ при безхитростномъ пониманіи того только, что говорится: въ веронскомъ домѣ, принадлежавшемъ старому холостяку Бальбу, живетъ со времени смерти его нѣкій Цэцилій, женатый на женщинѣ, которую настоящее стихотвореніе выставляетъ на позоръ. Нѣкогда она, живя еще въ Бриксіи, была въ преступной связи съ отцомъ теперешняго ея мужа (передъ самой свадьбой, ст. 28), но были у нея и другіе любовники. Все это разсказываетъ дверь ея дома.

[1]) *Родителю.* Если не подразумѣвать сарказма по адресу отца Цэцилія (ст. 23), то это относится просто къ отцу молодой женщины.

Дверь, что Бальбу когда-то, по слухамъ, служила усердно [3]).
Какъ старикъ этотъ самъ въ домѣ еще проживалъ,
Но затѣмъ, говорятъ, служила дурнымъ ты желаньямъ,
Ставши замужней съ тѣхъ поръ, какъ растянулся старикъ [6]).
Ты разскажи намъ теперь, почему ты такъ измѣнилась
И ко владѣльцу въ тебѣ старому вѣрности нѣтъ?

ДВЕРЬ.

Нѣтъ, (пусть любитъ меня Цэцилій, мой новый владѣлецъ)
Я виновата не такъ, какъ говорятъ обо мнѣ;
И никакого грѣха никто про меня не разскажетъ;
Но предъ народомъ такимъ, какъ оправдается дверь [12])?
Какъ разыщется гдѣ такое, что сдѣлано дурно,
Всѣ закричатъ на меня: «дверь, тутъ виновница ты!»

ПОЭТЪ.

Въ этомъ мало тебѣ однимъ отдѣлаться словомъ,
Надо устроить, чтобъ всякъ видѣлъ и чувствовалъ самъ.

ДВЕРЬ.

Что же могу я? Никто ни спросить, ни узнать не желаетъ.

ПОЭТЪ.

Мы желаемъ: ты намъ все, не смущаясь, скажи.

---

[3]) Прежнему господину.

[5]) Молодой жены и ея возлюбленныхъ.

[6]) По этому стиху видно, что покойный Бальбъ умеръ холостякомъ, такъ какъ домъ и самая дверь стали замужними только съ тѣхъ поръ.

[12]) *Передъ народомъ такимъ* злоязычнымъ.

ДВЕРЬ.

Такъ, во-первыхъ, тотъ слухъ, что дѣвой она къ намъ вступила
Ложенъ: ибо не мужъ первый коснулся ея.
Если иного кого сравнить съ кинжаломъ возможно [21]),
То лишь свеклою онъ могъ бы въ туникѣ прослыть;
А говорятъ, что его отецъ, сыновнее ложе
Оскорбляя, грѣхомъ бѣдный нашъ домъ осквернилъ,
Оттого ли, что самъ пылалъ онъ слѣпою любовью,
Или, что сынъ у него былъ непригодный больной,
И приходилось искать въ сторонѣ такого подспорья,
Что разрѣшить бы у насъ дѣвственный поясъ могло.

ПОЭТЪ.

Ты о родителѣ намъ говоришь изумительно нѣжномъ,
Что помочиться сходилъ сыну родному въ карманъ.

ДВЕРЬ.

Но не про это одно говоритъ, какъ о вещи извѣстной,
Бриксія, что подъ низомъ башни Хинейской стоитъ [32]),
Гдѣ пробѣгаетъ теченьемъ своимъ желтоватая Мелла,
Бриксія, милая мать нашей Вероны родной,
А о Постуміи намъ и Корнеліи миломъ доводитъ,

---

[21]) Цэцилія.

[32]) *Бриксія*, нынѣ *Brescia*, приблизительно въ 55 километрахъ на востокъ отъ Вероны, нигдѣ, кромѣ настоящаго мѣста, не упоминается, какъ метрополія Вероны, и самая Хинейская башня неизвѣстна. Самая Мелла протекаетъ нѣсколько западнѣе города, стоящаго на ея притокѣ. Всѣ эти подробности указываютъ на то, что стихотвореніе написано въ Веронѣ, а не въ Бриксіи, хотя разсказываетъ о происшествіяхъ Бриксія устами самой теперешней госпожи (ст. 41).

[35]) Неизвѣстныя намъ личности.

Какъ и съ ними она въ любодѣяньи была.
Если кто спроситъ: «Ты дверь, объ этомъ какъ же узнала,
Вѣдь хозяйскій порогъ ты покидать не могла,
Ни въ народѣ подслушивать, а у притолокъ здѣшнихъ
Только домъ запирать и отпирать ты должна?»
Часто слышала я, какъ сама она голосомъ тихимъ
Говорила про всѣ шашни служанкамъ своимъ,
Именуя всѣхъ тѣхъ, кого назвала я, въ надеждѣ,
Что языка у меня нѣтъ и что я безъ ушка [44]).
Прибавляла она еще одного, что назвать я
Не желаю, чтобъ онъ красныхъ не вскинулъ бровей.
Длинный онъ человѣкъ и нѣкогда въ тяжбу попался
Изъ-за подложныхъ родовъ, лживо раздувшихъ животъ [48]).

---

68 a.

Къ Аллію.

Что удрученный судьбой и горемъ жестокимъ ты шлешь
мнѣ

---

[44]) *Auriculam*—уменьшительное ушко, здѣсь, вѣроятно, хвастовство тонкостью со стороны двери, желающей сказать: «я себѣ на умѣ».

[45]) Послѣдній любовникъ, вѣроятно уже какъ живущій въ самой Веронѣ, не названъ, хотя по примѣтѣ красныхъ бровей и другихъ подробностяхъ его жизни легко могъ быть узнанъ читателями.

[48]) Мошенническая, корыстная продѣлка, на какую указываетъ Горацій (Эпод. 17, 50), приводится въ доказательство того, съ какимъ грязнымъ народомъ знается героиня разсказа.

68 a. Содержаніе этихъ стиховъ, представляющихъ много затрудненій для пониманія, слѣдующее: I, 68 a). Лишенный утѣшенія Венеры и музъ ты, другъ мой, просишь у меня *даровъ музъ и Венеры* (1—10). Но я самъ несчастливъ (—14). Прежде я писалъ любовныя стихотворенія (18), но смерть моего брата положила конецъ этимъ, равно какъ и другимъ радостямъ (—26). Поэтому для меня несчастнаго Верона есть настоящее мѣстожительство (—30).

Это посланье свое, что ты слезами писалъ,
Чтобы изверженнаго въ крушеньи кипящей волною
И подкрѣпилъ и того смерти съ порога увелъ [4])
Я, кому ни почить не даетъ благая Венера,

Итакъ я не могу тебѣ дать просимыхъ даровъ (—32); такъ какъ у меня нѣтъ и иныхъ писаній (—36), книжекъ; но не изъ злого намѣренія происходитъ то, что ты не получаешь ни того, ни другого.

II. 68 b). Я хочу восхвалить Аллія (41—50). Ибо, когда я, воспылавъ любовію (—54), проливалъ слезы, подобно горному потоку (—62), то Аллій помогъ мнѣ (—66); онъ предложилъ домъ свой (—69), куда явилась моя возлюбленная (—72), какъ нѣкогда Лаодамія къ Протезилаю (—74), къ сожалѣнію, не принесшая надлежащей жертвы, за что въ скорости была наказана (—80); ибо должна была слишкомъ рано потерять Протезилая (—85), который отправился подъ Трою (—88), Трою, печальную гробницу многихъ (—90), равно какъ и моего брата (—100)! Туда отправлялись греки (—104), и тамъ палъ Протезилай (—107), котораго ты Лаодамія любила любовію болѣе глубокой, чѣмъ прорытый Геркулесомъ Аркадскій стокъ (—118), болѣе сильною, чѣмъ любовь дѣда къ единственному и позднему внуку (—124), живѣе любви голубки къ голубю (—128), еще сильнѣе любила ты Протезилая (130). Подобна ей явилась моя возлюбленная ко мнѣ (—134). Я же переношу, предаваясь радости, и ея вольности (—148).

III. 68 c. Вотъ, Аллій, тотъ даръ, который я былъ въ состояніи тебѣ дать (—150), чтобы воспѣть тебя (—152). Будьте счастливы, ты и всѣ милые и въ особенности моя возлюбленная (—160)!

Не будемъ останавливаться на затрудненіяхъ, возбуждаемыхъ самымъ именемъ адресата настоящихъ посланій, такъ какъ это имя является какъ: *Маллій*, *Аллій*, *Малій и даже Манлій*, и остановимся на объясненіи Ризе, что *Аллій*—имя, полученное Маліемъ по усыновленію и, какъ болѣе торжественное, употребляется въ высокомъ слогѣ 68 b, тогда какъ въ болѣе простомъ и задушевномъ 68 a) сохранено прежнее имя Малій.

[4]) Несчастіе, изображаемое въ видѣ кораблекрушенія и даже порога смерти, постигнувшее Аллія, намъ неизвѣстно. Эти метафоры могли быть заимствованы Катулломъ изъ письма Аллія, писаннаго слезами. По ст. 155 можно предположить, что причиною отчаянія

Сладострастнымъ сномъ, положа на холостую постель,
Ни отрадною пѣснею старыхъ поэтовъ не взыщутъ
Музы, когда истомитъ душу безсонницы страхъ,
Этому радуюсь я, знать другомъ меня ты считаешь,
Ежели просишь даровъ музъ и Венеры ты тутъ.
Но, чтобъ не скрыть отъ тебя моего злополучія, Малій,
Иль чтобъ не думалъ ты, что гостя я долгъ позабылъ [12]),
Выслушай, какъ поглощенъ я самъ волнами судьбины,
Чтобъ отъ несчастнаго ты счастья даровъ не просилъ.
Въ тѣ времена, какъ впервой получилъ я бѣлую тогу,
Какъ веселой весной мчалась цвѣтущая жизнь,
Много я пѣсенъ пропѣлъ: и знаетъ меня та богиня [17]),
Что умѣетъ съ тоской сладкую горечь мѣшать.
Но смерть брата мое все рвенье въ вопляхъ умчала;
О я несчастный, зачѣмъ, братъ мой, ты взятъ у меня,
Ты, умирая, мой братъ, мое все счастье разрушилъ,
Вмѣстѣ съ тобою теперь весь мой и домъ погребенъ,
Всѣ съ тобой заодно погибли мои наслажденья,
Что ты при жизни своей сладкой любовью питалъ.
Я при утратѣ его изгналъ совершенно изъ мыслей
Всѣ такіе труды, всѣ наслажденья души.
Вотъ почему, что ты пишешь: «стыдно Катуллу въ Веронѣ

была тяжкая болѣзнь любимой женщины или временный съ нею разрывъ.

[12]) *Долгъ гостя*, признательность за гостепріимство, описанное ст. 66 и 156.

[15]) Бѣлая тога, не окаймленная подобно мужской *toga virilis*, получалась приблизительно на 16-мъ году.

[17]) Что Катуллъ уже тогда писалъ много стиховъ, наводитъ на мысль, что и настоящее стихотвореніе онъ писалъ молодымъ.

[20]) Этотъ стихъ не только встрѣчается 101.6, но даже стихи 22—24 повторяются въ томъ же самомъ стихотвореніи (68,92 и 94—96).

Быть, потому что вѣдь тутъ, кто лишь почище другихъ [28]),
Грѣетъ холодные члены свои въ одинокой постели»,
Такъ это, Малій, не стыдъ, а злополучье скорѣй.
Такъ извини, что даровъ, у меня отнятыхъ печалью,
Не посылаю тебѣ, такъ какъ послать не могу.
Ибо, что книгъ у меня обилье весьма небольшое,
Это затѣмъ, что живу въ Римѣ я больше: тамъ домъ,
Тамъ и осѣдлость моя, тамъ я провожу свои годы,
А изъ премногихъ со мной ящичекъ книжный одинъ.
Коль это такъ, то прошу не сочти, что съ намѣреньемъ злостнымъ
Я поступаю, или не съ прямотою души,
Если на просьбу твою не является то и другое:
Самъ бы тебѣ предложилъ, если бы было, что дать.

---

68 b.

Я не могу умолчать, богини, въ чемъ собственно Аллій
Мнѣ помогалъ и притомъ сколько услугъ оказалъ,
Чтобы съ забывчивыми вѣками бѣгущее время
Не покрыло слѣпой ночью заботы его;

---

[28]) *Тутъ*—въ Веронѣ, порядочный человѣкъ не найдетъ порядочной женщины. Трудно согласиться съ объясненіемъ этого мѣста въ смыслѣ: такъ какъ въ провинціальной Веронѣ чистота нравовъ.

68 b. О содержаніи смотри примѣчаніе къ 68 a). По случаю возобновленной просьбы друга, поэтъ въ скорости за 68 a) написалъ и настоящую элегію съ цѣлію выразить Аллію признательность за его услугу. Элегія эта, написанная, очевидно, еще подъ вліяніемъ александрійцевъ, отличается учеными пріемами послѣднихъ, какъ, напримѣръ, вставкою преданія о Лаодаміи (ст. 73) и о фенейской канавѣ (ст. 109). Въ высшей степени поучительна тщательная обработка стихотвореній, доведенная въ настоящей элегіи до равновѣсія и правильной сложности китайскаго шара, заключающаго въ себѣ

Но я вамъ разскажу, а вы, передавши премногимъ
Тысячамъ, сдѣлайте такъ, чтобъ этотъ старый мой листъ
. . . .
Чтобы извѣстнымъ онъ сталъ больше и больше въ гробу[48]),
Чтобы висящій паукъ, сплетающій нѣжныя ткани
Надъ забытымъ не сталъ именемъ Аллія плесть.
Вамъ вѣдь извѣстно, какимъ меня Аматузіи лживость[51])
Горемъ постигла и какъ зло изсушила меня,
Какъ пылалъ я не хуже скалы на Тринакріи самой[53]),
Или Малійскихъ ключей Эты среди Термопилъ[54]),
Какъ отъ слезъ постоянныхъ все таяли взоры сильнѣе
И по ланитамъ моимъ ливень печали бѣжалъ,
Какъ на воздушной вершинѣ горы блестящій источникъ,
Изъ покрытаго мхомъ камня пробившись, стремглавъ

шары все меньшаго объема, чѣмъ, однако, не нарушается его цѣльность. Представляемъ наглядную схему настоящей элегіи:

51— 69. Разсказъ о любви.
70— 72. Прибытіе возлюбленной.
73— 74. Сравненіе съ Лаодаміей.
87— 90. Троя.
91—100. Смерть брата.
101—104. Троя.
129—130. Сравненіе съ Лаодаміей.
131—134. Прибытіе возлюбленной.
135—148. Разсказъ о любви.

45) *Разскажу* — есть непосредственное исполненіе просьбы о стихотвореніи.

48) Недостающій въ подлинникѣ гекзаметръ явно составлялъ переходъ отъ рукописи къ самому Аллію и *чтобы извѣстнымъ онъ сталъ* относится Аллію.

51) *Аматузіи* смотри 36, 14.

53) Подобно Этнѣ въ Сициліи, называемой Тринакріей за свою треугольную форму.

54) Малійскія горы Термопилы во Ѳракіи быть-можетъ отъ имени города Маліи (Malia), гдѣ у подножія Этны вытекали знаменитые горячіе ключи.

Падаетъ, прямо съ отвѣсныхъ высотъ, низвергаясь въ долину,
И перерѣзать спѣшитъ путь, гдѣ тѣснится народъ,
Путнику въ потѣ соленомъ бредущему, ставши отрадой,
Какъ нестерпимый припекъ нивы горючія рветъ [62]).
Тутъ, какъ пловцамъ истомленнымъ порывами чернаго вихря,
Вѣтеръ попутный начнетъ болѣе кротко дышать,
Уже Поллуксу они, уже и Кастору молились,—
Точно такой для меня Аллія помощь была.
Онъ стѣсненное поле просторной расширилъ границей,
Онъ меня принялъ и въ домъ, онъ мнѣ и милую далъ,
Близъ которой я могъ дышать взаимной любовью.
Тутъ богиня моя нѣжной своею ногой
Снѣга бѣлѣе сама вошла, на порогъ налощенный
Ставя красивый башмакъ съ ясной подошвой подъ нимъ,
Какъ когда-то вошла, пылая любовью къ супругу,
Лаодамія сама въ Протезилаевъ дворецъ [74]),
Понапрасну застроенный, ибо священная жертва
Не ублажала еще кровью небесныхъ владыкъ.
Я ничѣмъ до того не прельщаюсь, Рамнунская дѣва,

---

60) Поэтъ увлекается подробностями сравненія.

62) Явленіе, ежегодно повторяющееся въ жары, отъ которыхъ земля получаетъ большія трещины.

74) О Протезилаѣ и Лаодаміи (Иліад. 2, 700).

«*Въ Филакѣ онъ и супругу, съ душою растерзанной, бросилъ,*
Бросилъ и домъ полуконченный: палъ пораженный Дарданцемъ». Лаодамія изъ любви къ Протезилаю вступила въ его еще недостроенный домъ, не совершивши предварительныхъ свадебныхъ жертвоприношеній, за что она была жестоко наказана, лишившись супруга (ст. 85), который въ скорости долженъ былъ отправиться подъ Трою и тамъ пасть.

Стихи 94—96 находятся уже выше 68, 20; 22—24, и послужили большимъ соблазномъ для критики, которая считаетъ ихъ въ первомъ случаѣ припиской переписчика.

Чтобъ противъ воли владыкъ, что-либо смѣлъ предпринять.
Какъ алтарю восхотѣлось упиться набожной кровью,
Лаодамія могла, мужа утративъ, узнать:
Вскорѣ принуждена оторваться отъ шеи супруга,
Прежде, чѣмъ первой во слѣдъ, вновь наступая, зима
Насладиться дала ей любовію въ долгія ночи,
Чтобы могла она жить, брачную связь утерявъ,
Ибо вѣдали Парки, что вскорѣ и жизни лишится,
Если какъ воинъ пойдетъ онъ къ иліонскимъ стѣнамъ.
Вѣдь тогда похищеньемъ Елены первѣйшихъ аргивцевъ
Начинала уже Троя къ себѣ привлекать,
Троя, общій погостъ для Азіи и для Европы,
Троя мужей и ихъ дѣлъ славныхъ безвременный прахъ,
Не она ль принесла моему несчастному брату
Смерть. О горе мое, отнятъ ты, братъ, у меня,
О несчастный мой братъ, отраднаго свѣта лишенный
(Вмѣстѣ съ тобою теперь, весь мой и домъ погребенъ [94]),
Всѣ съ тобой заодно погибли мои наслажденья,
Что ты при жизни своей сладкой любовью питалъ).
Какъ далеко ты теперь, не между могилъ намъ знакомыхъ,
Не среди праха родныхъ похороненный лежишь,
А въ нечестивой ты Троѣ, въ Троѣ этой злосчастной,
Въ той отдаленной странѣ принятъ чужою землей;
Къ ней тогда, говорятъ, отовсюду сходяся стремилась
Греческая молодежь, отчій бросая очагъ,
Чтобы Парисъ, увезя любовницу, въ радости праздной
Мирно не могъ проживать въ опочивальнѣ у ней.
Вотъ причина тебѣ, прелестная Лаодамія,
Изъ-за которой супругъ, жизни милѣй и души,
Отнятъ былъ у тебя; и тутъ-то любовнаго пыла

Вихорь съ отвѣсныхъ высотъ въ пропасть низринулъ тебя,
Въ родѣ той, что болото спустивъ на Килленскомъ Фенеѣ [109])
Почву сушила, какъ намъ греки о томъ говорятъ.
И говорятъ, что ее, сочтенный ложно за сына
Амфитріона, пробилъ въ нѣдрѣ горы той порой [112]),
Какъ стимфалійскихъ чудовищъ своею мѣткой стрѣлою [113])
Онъ поразилъ, какъ велѣлъ низшій владыка ему [114]),
Чтобы въ небесную дверь боговъ побольше вступало,
Чтобы не долго затѣмъ дѣвственной Геба была.
Но любви глубина у тебя была глубже той бездны,
И научила тебя волей склоняться въ ярмо.
Ибо не такъ дорожитъ лѣтами согбенный родитель
Позднимъ внукомъ, что дочь только одна родила
И что, явясь наконецъ желаннымъ наслѣдникомъ дѣда,
Имя котораго тотъ ужъ въ завѣщаніе внесъ,
Нечестивую радость родни отдаленной унесши,
Отъ убѣленной главы коршуна прочь отогналъ [124]);

---

109) Феней—городъ и болото того же имени въ Аркадіи, близъ Килленскихъ горъ. Землетрясеніе, образовавши пропасть въ скалахъ, создало стокъ для застоявшихся водъ.

112) Греки считали прорытіе канавы подвигомъ Геркулеса, *ложнаго* сына Амфитріона, такъ какъ онъ сынъ Зевеса и Алкмены, супруги Амфитріона.

113) Стимфалиды, дѣти нимфы Стимфалы, громадныя хищныя птицы, покрытыя мѣдными перьями, которыми онѣ, испуская ихъ изъ себя, поражали животныхъ и людей. Геркулесъ, получивъ отъ Аѳины огромную трещотку, вспугивалъ ею Стимфалидъ и перебилъ ихъ на-лету.

114) *Низшій владыка*—Эвристей; Одис. 11, 621:
Покориться подъ власть недостойнаго мужа
Мнѣ повелѣла судьба.

124) Коршуна—отдаленнаго родственника, радовавшагося заранѣе.

Такъ не рада сама бѣлоснѣжному голубю дружка,
Что страстнѣй, говорятъ, клювомъ кусливымъ своимъ
Непрестанно готова опять срывать поцѣлуи,
Чѣмъ даже женщина та, что похотливѣй другихъ.
Ты же только одна изступленье ихъ всѣхъ побѣдила,
Какъ съ бѣлокурымъ своимъ мужемъ сошлась навсегда.
Или ничѣмъ или малымъ ей уступая, явилась,
Солнце мое, приходя прямо въ объятья мои,
Какъ туда и сюда Купидонъ вкругъ нея увиваясь [133]),
Желтой туникой своей самъ бѣлоснѣжный блисталъ [134]).
Если она не всегда однимъ довольна Катулломъ,
То ужъ владычицы мы чистой проказы снесемъ,
Чтобъ по примѣру глупцовъ не быть безмѣрно тяжелымъ.
Часто Юнона сама, высшая между богинь,
Сдерживать гнѣвный свой пылъ должна при проказахъ супруга,
Зная, что много вездѣ тайнъ у Юпитера есть.
А съ богами никакъ равняться людямъ не должно,
. . . .
. . . .
Такъ непріятную сбрось тягость отца старика [142]).
Но ко мнѣ вѣдь она, не введенная отчей рукою,

---

[133]) Олицетворяя любовную прелесть, стихъ этотъ напоминаетъ Горація. Оды I, 2, 34: «Тебя Амуръ и Смѣхъ сопровождаютъ въ путь».

[134]) Амуръ часто изображается въ желтой туникѣ.

[142]) Безсвязность этого стиха съ предыдущимъ заставляетъ предположить пропущенное двустишіе, самый же стихъ одни желаютъ объяснить обращеніемъ къ Лезбіи, хотя въ такомъ случаѣ должна быть скорѣе тягость мужа, чѣмъ отца, а другіе обращеніемъ къ самому себѣ въ смыслѣ = «перестань же быть старымъ ворчуномъ отцомъ». Во всякомъ случаѣ смыслъ стиха не ясенъ.

Въ домъ взошла, гдѣ стоялъ запахъ ассирскихъ духовъ [144]),
А въ молчаніи ночи дала подарочекъ тайно,
Изъ объятій его мужа схвативъ самого.
Пусть же довольно того, что одинъ мнѣ тотъ отдается
День, что бѣлѣйшей чертой можетъ отмѣтить она!

---

68 c.

Вотъ тебѣ пѣснью, какъ могъ, изготовленный мною подарокъ,
Аллій, за многія пусть будетъ услуги твои,
Чтобы ѣдкою ржавчиной вашихъ именъ не коснулся
Ни сегодняшній день, ни другой, ни снова другой.
Пусть еще боги прибавятъ вамъ все, что древле Ѳемида [153])
Ниспосылала въ дары благочестивымъ мужамъ.
Будьте вы счастливы оба, и ты, и твоя дорогая,
Также и домъ твой, гдѣ я съ милой моею игралъ,
Да и тотъ, кто не взялъ земли, которую далъ намъ [157]),

---

[144]) Введена она не отцомъ въ домъ, предназначенный для встрѣчи новобрачной, и потому наполненный сирійскими духами.

68 c.) Что съ 149—160 ст. является не простой эпилогъ въ 68 b. явно изъ того, что тамъ объ Алліи говорилось въ 3-мъ лицѣ, а здѣсь рѣчь прямо обращена къ нему. Это отдѣльное стихотвореніе, предназначенное сопровождать 68 b.: «вотъ тебѣ обѣщанное стихотвореніе при наилучшихъ пожеланіяхъ».

[153]) Въ золотомъ вѣкѣ царствовала богиня правосудія (Ѳемида, Астрея), награждавшая людей за ихъ благочестіе и удалившаяся послѣ всѣхъ.

[155]) Настоящій стихъ можно согласить со стихомъ 68 a. 5 только въ такомъ случаѣ, если допустить, что послѣ 68 a. Аллій увѣдомилъ Катулла, что его любовное несчастіе устранилось.

[157]) Стихъ этотъ, окончательно искаженный перепискою, несмотря на всевозможныя поправки и перемарки, не поддается никакимъ тол-

От котораго всѣ блага мои изошли;
И всѣх болѣе та, что себя самого мнѣ дороже,
Свѣт мой! при жизни ея сам я отрадно живу.

69.

Къ Руфу.

Не удивляйся ты, Руфъ, почему ни одна не желаетъ
Женщина къ нѣжной своей груди тебя прижимать,
Хоть бы подаркомъ ее искушалъ ты рѣдкаго платья
Или прелестныхъ для глазъ блескомъ каменьевъ сквозныхъ;
Вредъ приноситъ тебѣ разсказъ нехорошій, что будто
Въ ямкахъ подъ мышкой твоей водится страшный козелъ [6]).
Всѣ боятся его; и не диво: ужасно опасенъ
Звѣрь этотъ, съ нимъ ни одной дѣвѣ прелестной не жить.
Такъ или эту чуму для носовъ нестерпимую сбудь ты,
Иль удивляться оставь, что отъ тебя всѣ бѣгутъ.

кованіямъ. Одни относятъ слова «*да и тотъ*» къ неизвѣстному другу, помогавшему Катуллу въ любви еще до Аллія, другіе же подъ именемъ дарователя земли подразумѣваютъ Зевеса, что, очевидно, еще болѣе нелѣпо, ибо заставляетъ Катулла желать счастія Зевесу.

160) Можно предположить, что эти восторженныя восклицанія обращены къ Лезбіи.

69. Стихотвореніе это (подобно 77) обращается къ Руфу, котораго нѣкоторые считаютъ ораторомъ М. Цэліемъ Руфомъ, по Цицер. однимъ изъ любовниковъ Клодіи. По множеству встрѣчающихся именъ Руфа опредѣлить трудно. Равнымъ образомъ чувство самого читателя должно рѣшить, выставляется ли физическій и, быть-можетъ, временный недостатокъ Руфа въ благодушной, дружеской болтовнѣ или съ злорадствомъ, какъ утверждаетъ Вестфаль.

6) Про дурной запахъ мы бы просто сказали: воняетъ козломъ, но римляне, любители образности, прямо говорятъ: козелъ (71, 1).

70.

О непостоянствѣ женской любви.

Милая мнѣ говоритъ, что ничьей бы не стала женою
Кромѣ меня, хоть бы самъ къ ней набивался Зевесъ.
Такъ; но что женщина скажетъ мужчинѣ, горящему страстью,
Надо на вѣтрѣ писать, или на быстрой водѣ.

71.

Неизвѣстному.

Если къ кому пристаетъ проклятый козелъ по заслугамъ,
Или кого подѣломъ, скорчивъ подагра томитъ,
Такъ это твой супостатъ, что въ вашу любовь замѣшался;
Диво какимъ отъ тебя оба настигнуты зломъ.
Лишь сойдутся они, немедля наказаны оба:
Вонью онъ душитъ ее, самъ отъ подагры кричитъ.

72.

Къ Лезбіи.

Ты говорила когда-то, что знаешь ты только Катулла,
Лезбія, что предпочтешь ты и Зевесу меня.
И тебя я любилъ не какъ чернь свою любитъ подругу,
А какъ отецъ сыновей любитъ своихъ иль зятьевъ [4]).

---

70. Шуточная укоризна, обращенная къ возлюбленной. По 72, 2 можно предположить, что тутъ подразумѣвается Лезбія.

72. *Когда-то и теперь* тонкое, какъ мы уже говорили въ предисловіи, различеніе инстинктивной страсти отъ невольнаго уваженія къ предмету страсти и связаннаго съ этимъ благожеланія.

[4]) Такъ какъ зятья, вступая въ семейство, становятся такими же сыновьями.

Нынѣ тебя я узналъ; и теперь хоть страстнѣй я пылаю,
Но для меня ужъ не такъ ты и близка и цѣнна.
Ты говоришь: почему! Потому, что такая обида
Больше внушаетъ любви, съ меньшимъ желаньемъ добра.

73.

Неблагодарному.

Ты откажись заслужить отъ кого-либо доброе чувство
И не считай, чтобы могъ кто благодарность питать.
Неблагодарные всѣ, и ничѣмъ не служить имъ гораздо
Лучше, иначе одна скука выходитъ да вредъ.
Такъ и меня вотъ никто не тѣснитъ такъ жестоко и тяжко,
Какъ, кто другомъ меня близкимъ недавно считалъ.

74.

Къ Геллію.

Геллій наслушался, какъ его дядя обычно бранился [1]),
Если постыдное что кто говорилъ иль свершалъ.
Чтобъ не случилося съ нимъ того же, то дяди супругу
Онъ передѣлалъ, и вотъ дядюшка сталъ Гарпократъ [4]).

---

73. Минутное впечатлѣніе, возбужденное неблагодарностью друга, о имени коего Катуллъ преднамѣренно умалчиваетъ.

74. Это первый нападокъ на Геллія. Вѣроятно ревность изъ-за Лезбіи (91, 6) была первымъ поводомъ этой ненависти. Катуллъ обвиняетъ его ни много, ни мало въ кровосмѣшеніи съ матерью и сестрами (88—91), любодѣяніи съ женою своего дяди (74, 88, 89) и другими родными. О неудачной попыткѣ къ примиренію говорится 116. Тамъ, кажется, затронуты литературные интересы Геллія.

[1]) Дядя намъ неизвѣстенъ.

[4]) Дядя пересталъ проповѣдывать правила нравственности, быть-можетъ сдерживаемый женою; но всего вѣроятнѣе, замѣтивъ женины

5. Взялъ теперь онъ свое: хоть что̀ онъ ни дѣлай надъ дядей
Даже самимъ, то и тутъ дядя навѣрно смолчитъ.

---

87. 75.

Къ Лезбіи.

87. Ни одна похвалиться такой къ ней любовью не можетъ
Женщина сильной, какой Лезбію самъ я люблю.
Вѣрности больше нигдѣ не бывало въ подобномъ союзѣ,
4. Чѣмъ съ моей стороны этой открылось любви.
75. 1. Нынѣ же сердце мое по винѣ твоей, Лезбія, стихло
И погубило себя собственнымъ пыломъ своимъ [2])
Такъ, что оно ужъ къ тебѣ не лежитъ, хоть будь безупречна,
4. И не отстанетъ любить, что ты ни дѣлай теперь.

продѣлки и не желая стоять въ очевидномъ противорѣчіи со своею проповѣдью, онъ умолкъ.

Гарпократъ египетскій (Гаръ) изображался съ перстомъ на устахъ, какъ богъ молчанія.

87. 75. Настоящее стихотвореніе въ подлинномъ спискѣ V представляетъ два отдѣльныхъ отрывка подъ № 75 и 87. Но во всѣхъ бывшихъ у насъ подъ руками изданіяхъ даже въ стереотипномъ, стихотвореніе это, по справедливости признанное за одно цѣлое, стоитъ подъ № 75, чѣмъ измѣняется и самый счетъ стихотвореній Катулла, которыхъ такимъ образомъ по счету Ризе выходитъ 116 вмѣсто 115.

75. 2. *Officio* мы переводимъ пыломъ. Пылкая и безотчетная привязанность къ Лезбіи виною того раздвоенія, о которомъ уже говорится въ 72. Безъ этого пыла прошла бы и самая любовь. Въ настоящемъ случаѣ остается только привязанность къ погибшей женщинѣ.

76.

Къ самому себѣ.

Если отрада въ томъ есть, о дѣлахъ своихъ добрыхъ припомнить,
Для человѣка, коль онъ чистымъ считаетъ себя,
Такъ какъ вѣрность храня, ни въ какомъ онъ союзѣ облыжно
Не призывалъ божества, чтобы людей обмануть,
Много отрады, Катуллъ, благочестіемъ долгимъ сготовилъ
Ты изъ этой себѣ неблагодарной любви.
Ибо то доброе все, что люди кому-нибудь могутъ
Сдѣлать, иль только сказать, сдѣлалъ ты все и сказалъ,
Неблагодарной душѣ ты все это ввѣрилъ напрасно.
Ежели такъ, то чего жъ дальше крушиться тебѣ?
Что жъ не окрѣпнешь душой и оттуда назадъ не вернешься
А, противъ воли боговъ, хочешь несчастнымъ ты быть?
Трудно отъ долгой любви внезапно тебѣ отрѣшиться.
Трудно; но должно тебѣ какъ-нибудь въ этомъ успѣть.
Въ этомъ спасенье одномъ, и съ этимъ ты справиться долженъ!

---

76. Монологъ. Поэтъ говоритъ: «ты съ своей стороны, Катуллъ, можешь съ спокойной совѣстью вспоминать о погибшей любви и собственной вѣрности (1—8). Лезбія тебѣ воздала зломъ (9). Поэтому мужайся (—12); это трудно (—14), но необходимо (—16). Помогите и вы мнѣ, о боги, въ столь заслуженномъ освобожденіи (—20) отъ мучительной любви (—22)! Не о ея исправленіи прошу я (—24), а только о собственномъ освобожденіи (—26)! Стихотвореніе это своимъ содержаніемъ напоминаетъ 8, гдѣ, однако, говорится о холодности Лезбіи, а не о ея безчестіи, какъ здѣсь (24).

Такъ поступи и теперь, можешь ли ты или нѣтъ.
Боги, ежели есть у васъ состраданье, коль помощь
Вы подавали инымъ даже и въ смерти самой,
То на меня оглянитесь, и, если я въ жизни былъ чистымъ,
Вырвите эту чуму, эту погибель мою.
Горе мнѣ! Словно какое въ меня онѣмѣнье прокравшись,
Всякую радость мою выгнало вонъ изъ груди.
Я не о томъ ужъ прошу, чтобъ меня она тоже любила
Или, чтобъ быть, — чѣмъ нельзя, — честной рѣшилась она:
Самъ о здоровьи молю, чтобъ сбросить болѣзнь мнѣ лихую.
Боги, я этого жду за благочестье свое.

77.

Къ Руфу.

Руфъ, кого я считалъ своимъ другомъ напрасно и даромъ
(Даромъ? О нѣтъ, со вредомъ, даже бо̀льшею цѣной),
Такъ-то подкравшись ко мнѣ, мою спалилъ ты утробу [3])
И у меня, бѣдняка, все ты похитилъ добро?
Все похитилъ, моей ты жизни злая отрава;
Ахъ! и дружбы-то всей нашей лихая чума!

---

77. Здѣсь нѣкоторые снова предполагаютъ, какъ въ 69, оратора Марка Цэлія Руфа, который былъ, по Цицерону, въ любовной связи съ Лезбіей. Если это такъ, то 69 относится ко времени болѣе дружескихъ отношеній, тогда какъ 77 указываетъ на окончательный разрывъ, вслѣдствіе вѣроломства Руфа.

[3]) *Возлюбленную.*

78.

О Галлѣ.

Два у Галла есть брата; красивая очень супруга
У одного, а другой съ очень красивымъ сынкомъ.
Галлъ человѣкъ развитой: онъ нѣжныхъ влюбленныхъ сближаетъ,
Чтобы близъ милой жены милый и юноша былъ.
Галлъ человѣкъ безъ ума: не видитъ, что самъ онъ женатый,
Если, бывъ дядею, онъ учитъ, какъ дядю надуть.

---

78 b.

. . . .
. . . .
Нынѣ о томъ я скорблю, что чистыя дѣвы лобзанья
Ты своею слюной гадкой дерзнулъ осквернить.
Но это даромъ тебѣ не пройдетъ: вѣка всѣ узнаютъ,
Чтò ты былъ и каковъ вспомнитъ сѣдая молва.

---

78. Герой этой эпиграммы неизвѣстенъ.

[5]) Глупецъ, научая своего племянника нарушать семейное счастіе родного дяди, забываетъ, что онъ такой же дядя и притомъ женатый.

78 b. Конецъ затерянной эпиграммы. Хотя и считаютъ уцѣлѣвшіе стихи продолженіемъ 77-го, но не единогласно.

79.

Къ Лезбію.

Лезбій красивъ. Ну, такъ что жъ? Онъ Лезбіи нравится болѣ [1]
Чѣмъ ты, Катуллъ, и со всѣмъ даже и родомъ твоимъ.
Но пусть этотъ красавецъ продастъ Катулла и съ родомъ
За три лобзанія тѣхъ, кто распозналъ молодца [4]).

81.

Къ Ювенцію.

Развѣ въ цѣломъ народѣ красиваго ты человѣка
Уже, Ювенцій, не могъ ни отыскать, ни избрать
Кромѣ пріѣзжаго, что изъ унылаго прибылъ Пизавра [3]),

---

79. Насмѣшливая жалоба. Лезбіею предпочтенъ мнѣ Лезбій,—котораго презираетъ весь свѣтъ.

[1]) Въ предисловіи мы уже говорили, что если подъ именемъ Лезбіи скрывается Клодія, то по аналогіи Клодій долженъ скрываться подъ именемъ Лезбія. Большею частію узнаютъ тутъ пресловутаго трибуна Клодія Пульхера, котораго такъ часто Цицеронъ упрекаетъ въ непозволительной связи съ своей сестрой Клодіей. Эту догадку подтверждаетъ игра словъ *красивъ pulcher*, хотя странно, что раздраженный Катуллъ не намекаетъ на это обстоятельство.

[4]) Никто изъ знающихъ его пороки не захочетъ поцѣловать его.

81. Катуллъ обращается здѣсь снова къ молодому Ювенцію, упрекая его, подобно тому, какъ 24 въ привязанности къ Фурію, такъ здѣсь къ уроженцу Пизавра (по мнѣнію Вестфаля, къ тому же Фурію).

[3]) Пизавръ, нынѣ Pesaro, въ Умбріи на Адріатическомъ морѣ, римская колонія, по отсутствію гавани никогда не процвѣтавшая. Для ясности *moribunda* мы перевели словомъ *унылаго* вмѣсто *смертельнаго* или *смертоноснаго по своей скукѣ*.

Статуи всякой блѣднѣй, съ позолоченнымъ лицомъ.
Этотъ тебѣ по душѣ и его предпочесть намъ дерзаешь
Или не вѣдаешь ты, сколько преступнаго въ томъ?

82.

Къ Квинтію.

Квинтій, когда за глаза обязать ты желаешь Катулла [1])
Или инымъ, что еще самыхъ дороже и глазъ [2]),
Не исторгай ты того, что глазъ ему много дороже
Или того, что еще глазъ-то дороже самихъ.

83.

Къ мужу Лезбіи.

Лезбія мужу въ лицо обо мнѣ говоритъ все худое [1]);
Это ему, дураку, слышать отраднѣй всего.

---

82. Вѣроятно относится къ веронцу Квинтію, позднѣйшему (?) возлюбленному Ауфилены (смотри 100, 1).

[1]) *Oculos debere* значитъ быть обязаннымъ къ высочайшей благодарности. Избѣжать слова *глаза* невозможно, такъ какъ на немъ играетъ все стихотвореніе. Къ счастію, на русскомъ языкѣ существуетъ выраженіе за глаза, въ смыслѣ превыше всякой мѣры, чѣмъ мы и воспользовались.

[2]) Трудно рѣшить, относится ли это къ Лезбіи или (какъ полагаетъ Вестфаль) къ Ауфиленѣ, которую позднѣе Катуллъ охотно уступаетъ ему (100), или же еще къ какой намъ неизвѣстной. Попеременное употребленіе неопредѣленнаго *Quid* и опредѣленнаго *Quod* явно выражаетъ слѣдующее: если ты желаешь, чтобы я у тебя за глаза былъ въ долгу или за что-либо другое, что дороже и глазъ, то не вырывай же того, что Катуллу дороже глазъ, а если есть что-либо дороже глазъ, то и того даже дороже.

83. Доказательство любви. То же доказательство заключается и 92. Если Лезбія — дѣйствительно знатная Клодія, то стихотвореніе написано не позднѣе 59 г., ибо въ 59 г. умеръ ея супругъ К. Метеллъ Целеръ.

[1]) *Мужу въ лицо* еще не значитъ въ присутствіи Катулла, который могъ знать объ этомъ стороной.

Ты и не чуешь, оселъ: забудь обо мнѣ она молча,
То бы здорова была; нынѣ жъ, ворча и бранясь,
Помнитъ не только она, но что еще хуже гораздо,
Раздражена, потому видно: кипитъ и твердитъ.

84.

Объ Арріи.

Хомнаты все говорилъ вмѣсто комнаты Аррій и также
Гискры онъ говорилъ, искры желая сказать,
И притомъ онъ считалъ, что выражался отлично,
Если, насколько онъ могъ, гискры сказать удалось.
Думаю, такъ его мать и дяди его говорили,
Или по матери дѣдъ, или и бабка его.
Въ Сирію посланъ онъ былъ, у всѣхъ успокоились уши:
Стали свободно, легко слышать все тѣ же слова
И перестали уже бояться подобныхъ реченій,
Какъ внезапно пришла эта ужасная вѣсть:
Іонійское море, какъ Аррій преплылъ его, стало
Не Іонійскимъ уже, а Гіонійскимъ теперь.

---

84. Хотя и упоминается о молодомъ Арріи, сосѣдѣ Цицерона въ Форміи, но трудно утверждать, что это тотъ самый. Квинтиліанъ говоритъ о модѣ, вводившей снова на греческій образецъ придыханіе и указываетъ, что эта мода своевременно была осмѣяна настоящею эпиграммою Катулла. Независимо отъ моды, такое придыханіе обличало провинціаловъ и до сихъ поръ сохранилось въ Тосканѣ, прежней Этруріи, гдѣ не только на надписяхъ есть фамилія Аррій, но даже Гаррій.

85.

О своей любви.

Хоть ненавижу, люблю. Зачѣмъ же? Пожалуй ты спросишь.
И не пойму, но въ себѣ чувствуя это, крушусь.

86.

О Квинтіи и Лезбіи.

Квинтію часто зовутъ прекрасной; по мнѣ, бѣлоснѣжной [1])
Выросла, статной она; такъ по частямъ признаю.
Въ цѣломъ я въ ней красоту отрицаю: вѣдь прелести нѣтъ въ ней,
Въ тѣлѣ огромномъ такомъ соли ни крошечки нѣтъ [4]).
Лезбія — вотъ красота: прекраснѣйшей будучи въ цѣломъ,
Грацію тоже она разомъ у всѣхъ забрала.

---

85. Сжатое и строго-опредѣленное выраженіе того двойственнаго чувства, которое уже высказывалось въ 72, 8 и 75, 3. Здѣсь оно сосредоточено и ясно какъ алмазъ.

86. Прекрасная Квинтія—сопоставляется съ Лезбіей, заслуживающей названіе красавицы не только по совершенству отдѣльныхъ формъ, но и по общей всепобѣдной граціи.

[1]) *Квинтія*, неизвѣстно сестра ли это веронца Квинтія (100, 1) и (82, 1).

[4]) *Соли*—остроумной игривости.

89.

Къ Геллію.

Геллій высохъ. Еще бъ? У кого такъ добра и дебела
Мать, да при этомъ еще прелесть какая сестра [2]),
Дядя добрый такой и столько дѣвушекъ милыхъ
Между родными, ну какъ быть тутъ не тощимъ ему?
Если кромѣ преступнаго онъ ничего и не тронетъ,
То безъ труда ты поймешь все, почему онъ такъ худъ.

90.

Къ Геллію.

Магъ родится какой отъ Геллія въ связи преступной
Съ матерью; жречеству онъ персовъ учиться начнетъ;
Ибо магу отъ сына и матери должно родиться,
Коль злочестиво не лжетъ персамъ религія ихъ [4]);
Чтобы пріятно боговъ почтилъ онъ внятною пѣсней,
Тутъ же топя на огнѣ тукъ освященныхъ кишекъ [6]).

---

89. Смотри примѣчаніе къ 74. Здѣсь привходятъ еще новыя обвиненія въ незаконныхъ связяхъ.

[2]) Катуллъ преднамѣренно ставитъ слово *мать*, хотя по смыслу 74—это мачиха Геллія.

[5]) Хотя бы онъ по склонности своей ограничился однимъ преступнымъ.

90. Дальнѣйшіе нападки на Геллія и его мачиху. Катуллъ заимствуетъ преданіе о происхожденіи маговъ у древнихъ писателей и преднамѣренно его преувеличиваетъ.

[4]) Этнографическое осужденіе обычая, въ родѣ того, какъ въ 39 осуждается обычай цэльтиберовъ.

[6]) Внутренное сало.

91.

Къ Геллію.

Не потому полагалъ я, что будешь мнѣ вѣренъ ты, Геллій,
Въ этой несчастной моей и беззавѣтной любви,
Чтобы не зналъ я тебя хорошо, иль считалъ постояннымъ,
Или, чтобъ могъ ты въ душѣ гнусныхъ поступковъ бѣжать,
Но потому, что я зналъ, что тебѣ не сестра и не матерь
Та, предъ которой меня такъ истерзала любовь.
И хотя я съ тобой былъ связанъ великою дружбой,
Все я считалъ, что тебѣ повода мало и въ томъ [8]).
Ты же счелъ, что довольно: настолько во всякомъ проступкѣ
Радости чувствуешь ты, было бъ преступное въ немъ.

92.

О Лезбіи.

Лезбія вѣчно меня злословитъ; не можетъ умолкнуть
Обо мнѣ. Хоть пропасть: Лезбія любитъ меня.

---

91. Геллій въ любовномъ похожденіи, которое,—судя по ст. 2 и 6 можно отнести къ Лезбіи,—предательски злоупотребилъ довѣріемъ Катулла, своего до той поры товарища (7), на котораго тотъ, однако, смотрѣлъ не безъ недовѣрія (ст. 3). Геллій, какъ видно, старался отбить Лезбію у Катулла (сличи 74). Настоящее, равно какъ и 30 и 77, изъ души изливающееся стихотвореніе можетъ быть сочтено за первое изъ обращенныхъ къ Геллію. За нимъ можно поставить полудружеское 80 и потомъ уже всѣ враждебныя.

[5]) Ѣдкій намекъ на безнравственность Геллія, такъ же точно, какъ и стихъ 8.

92. Признаки любви. Здѣсь такъ же, какъ (83), Лезбія злословитъ Катулла, стараясь скрыть любовь свою, тамъ передъ мужемъ, здѣсь вообще.

Въ чемъ это видно? Вѣдь самъ ее поношу я на-
столько жъ
Часто; однакожъ пропасть, если ея не люблю.

93.

Къ Цезарю.

Я нимало тебѣ не стремлюсь понравиться, Цезарь,
Или узнать, человѣкъ бѣлый иль черный ты самъ [2]).

94.

Къ хлыщу.

Хлыщъ на распутство пошелъ; распутенъ хлыщъ не-
сомнѣнно;
Это, какъ говорятъ: ищетъ горшокъ овощей.

---

93. Быть-можетъ горделивый отказъ предложенія примиренія со стороны Цезаря.

[2]) Меня даже внѣшній видъ твой нимало не интересуетъ.

94. Насмѣшки надъ Ментулой, къ которому относятся 105, 114 и 115. По мнѣнію большинства критиковъ Ментула псевдонимъ или — обидное прозвище Мамурры, инженернаго начальника при Цезарѣ, котораго Катуллъ (29, 13) обзываетъ «этотъ хлыщъ истрепанный». Причину псевдонима, вопреки обычаю Катулла, за исключеніемъ Лезбія и Лезбіи, видятъ въ извѣстной пощадѣ Мамурры, которую Цезарь поставилъ условіемъ своего примиренія; но о какой пощадѣ можетъ быть рѣчь тамъ, гдѣ такимъ позорнымъ именемъ (мы по многимъ соображеніямъ переводимъ Mentula словомъ хлыщъ) не только обзываютъ человѣка, но и указываютъ при помощи 29 и 13 въ кого мѣтитъ это прозвище. Кромѣ того, было бы мало остроумно самому сочинить прозвище и за тѣмъ надъ нимъ же потѣшаться. Скорѣе можно предположить, что Катуллъ только воспользовался уличнымъ прозвищемъ Мамурры. Во всякомъ случаѣ можно только подозрѣвать, но не утверждать, тождество Мамурры съ хлыщомъ.

95.

Смирна, стихотвореніе Цинны.

Смирна Цинны, уже девять жатвъ съ тѣхъ поръ переживши,
Какъ начата, издана послѣ девятой зимы;
Тысячъ пятьсотъ между тѣмъ стиховъ Гортензій единымъ [3])
. . . .
Смирнѣ дойти суждено до волнъ глубокихъ Сатраха,
Смирну сѣдые вѣка будутъ съ восторгомъ читать,
Но анналы Волюзія въ Падуѣ смерти дождутся [7])
И макрелямъ не разъ будутъ одеждой служить [8]).

Хлыщъ былъ богатъ (114, 115), распутенъ (94, 115, 8), расточителенъ (114, 4) и со склонностями къ поэзіи (105); и Мамурра былъ богатъ (29, 3), распутенъ (29, 8), расточителенъ (29 и 16—22, 41, 43), поэтиченъ (57, 7). Но всѣ эти качества въ тогдашнемъ Римѣ были не рѣдки.

95. Пріятель Катулла поэтъ Гельвій Цинна издалъ послѣ продолжительной работы свой эпилліонъ *Смирна*, въ которомъ онъ описалъ преступную любовь Смирны къ ея отцу Киниру и ея превращеніе, согласно Кипрскому преданію, приводимому тоже и Овидіевыми превр. 10, 298, который героиню обзываетъ Миррой.

[3]) Гортензій вѣроятно знаменитый ораторъ (о которомъ сличи примѣч. 65), съ которымъ очевидно съ тѣхъ поръ Катуллъ рассорился.

[5]) Иные отсюда начинаютъ новую эпиграмму. *Сатрахъ* — рѣка на островѣ Кипрѣ. Твореніе Смирны дойдетъ даже до отдаленнаго театра изображеннаго событія.

[7]) Анналы Волюзія сличи примѣч. къ 36. Родина Волюзія *Падуа*, подъ этимъ подразумѣвается одинъ изъ рукавовъ По, а не Патавія— нынѣшняя Падуа.

[8]) Онѣ будутъ служить оберточной бумагой для рыбы.

Пусть ужъ по сердцу мнѣ небольшія созданія друга,
А раздутый пускай чернь веселитъ Антимахъ.

96.

Кальву о Квинтиліи.

Если въ нѣмыя могилы отрадно и сладостно можетъ,
Кальвъ, проникнуть хотя нѣчто изъ нашей тоски,
Какъ давнишнюю мы любовь обновляемъ стремленьемъ,
Или о дружбѣ давно скрывшейся слезы мы льемъ,
Вѣрно не столько скорбитъ о ранней Квинтилія смерти,
Сколько твоя принесетъ ей утѣшенья любовь.

98.

Къ Виктію.

Ни къ кому, какъ къ тебѣ, не идетъ такъ, Виктій несносный,
Что говорятъ болтунамъ, или большимъ хвастунамъ:

---

10) *Антимахъ* около 400-го года до Р. Х., ученый Колофонскій эпикъ, былъ знаменитъ объемомъ своихъ поэмъ; слово *раздутый*—*tumido* можетъ быть понято въ смыслѣ необычайныхъ размѣровъ или напыщенности.

96. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній древняго міра по мечтательной вѣрѣ въ безсмертіе, по задушевному отношенію къ загробному міру, напоминающему скорѣе Байрона, чѣмъ римлянина временъ Цицерона. Обращается оно къ давнишнему другу поэта, оратору и поэту К. Лицинію Кальву, по случаю утраты послѣднимъ любимой жены его Квинтиліи. Написано оно могло быть въ одинъ изъ феральныхъ дней общаго въ февралѣ поминовенія усопшихъ. Самъ Кальвъ писалъ грустныя пѣсни на кончину *Квинтиліи*, такъ какъ поэты употребляли для постороннихъ псевдонимы, а женъ своихъ называли по именамъ.

98. Одни считаютъ, что стихотвореніе обращается къ Л. Веттію, клеветнику-доносчику. Но въ самомъ стихотвореніи, не содержащемъ никакого озлобленія, имѣющемъ въ виду лишь нестерпимаго болтуна, нѣтъ причины отказываться отъ неизвѣстнаго Виктія.

Ты своимъ языкомъ, явись тебѣ къ этому случай,
Могъ бы сѣдалища всѣмъ или подметки лизать.
Если совсѣмъ погубить ты всѣхъ пожелаешь насъ, Виктій,
Ротъ лишь раскрой: ты вполнѣ сдѣлаешь, что̀ захотѣлъ.

99.

Къ Ювенцію.

Какъ игралъ ты, успѣлъ у тебя, несравненный Ювенцій [1]),
Слаще амврозіи я сладкій сорвать поцѣлуй.
Но не прошло это мнѣ безнаказанно: болѣе часу,
Помнится, словно висѣлъ я на вершинѣ креста,
Все, извиняясь потомъ, никакими моими слезами
Я ни на крошку не могъ гнѣва въ тебѣ укротить.
Ибо немѐдля затѣмъ ты губы, омывъ многократно
Каплями, пальцами сталъ всѣми усердно тереть,
Чтобъ, гдѣ коснулся я ртомъ, совсѣмъ ничего не осталось,
Словно отъ гадкой слюны твари развратной какой.
Кромѣ того, продолжалъ предавать меня бѣднаго страсти
Злобной и мучить меня всяческимъ образомъ ты,
Такъ, что тотъ поцѣлуй изъ амврозіи ужъ превратился
Въ горечь, чемерки самой сдѣлавшись даже горчѣй.
Если несчастной любви такимъ ты грозишь наказаньемъ,
То ужъ не стану впередъ я поцѣлуевъ срывать.

---

99. О прекрасномъ Ювенціи смотри 24, 48 и 81.

[1]) Въ дѣтскую игру или въ палестру.

100.

Къ Цэлію и Квинтію.

Цэлій, ты Ауфиленомъ, а Квинтій плѣненъ Ауфиленой [1],
Между веронскою вы всей молодежью цвѣтки,
Этотъ брата избралъ, а тотъ сестру. Вотъ ужъ точно,
«Братскій», какъ говорятъ, «самый отрадный союзъ».
Болѣе счастья кому пожелать? Тебѣ же, мой Цэлій!
Ты одинъ доказалъ явно мнѣ дружбу свою,
Какъ до мозга костей меня жгло безумное пламя.
Счастливъ будь, Цэлій, и будь ты всепобѣденъ въ любви.

101.

У могилы брата.

Много народовъ узрѣвъ и много морей переплывши,
Къ грустнымъ поминкамъ твоимъ, братъ, я теперь подхожу,
Чтобы усопшему даръ тебѣ принести мнѣ послѣдній
И безмолвный твой прахъ рѣчью напрасной почтить,

---

100. Цэлій является уже другомъ Катулла 58, а къ Квинтію должно-быть написано 82. Судя по ст. 5—7, надо полагать, что Цэлій во время любви Катулла къ Лезбіи жилъ въ Римѣ. И Ауфиленъ съ сестрою тоже, вѣроятно, жили въ Римѣ.

[1]) *Ауфиленъ* встрѣчается только здѣсь.

101. Это стихотвореніе можно считать эпитафіей на могилѣ брата, погибшаго въ Троадѣ (65, 7, 68, 91). Написано оно 57 или 56 года, послѣ того, какъ Катуллъ при поѣздкѣ въ Виѳинію (4, 10, 31, 46) самъ посѣтилъ Трою и простился съ могилою брата.

Такъ какъ тебя самого у меня судьбина исторгла,
О несчастный мой братъ, отнятый зло у меня!
Нынѣ однако межъ тѣмъ, что̀ праотцевъ древній обычай
Въ грустныхъ поминкахъ блюдетъ, эти пріемли дары,
Со слезами обильно текущими братскихъ рыданій,
И навѣчно уже здравствуй, ты братъ, и прощай.

102.

Къ Корнелію.

Ежели что молчаливому ввѣрено другомъ надежнымъ,
Коего вѣрность души вѣдома точно вполнѣ,
То и меня ты найдешь достойнымъ такого союза,
Мой Корнелій; меня ты Гарпократомъ считай [4]).

103.

Къ Силону.

Либо послушай, Силонъ, отдай моихъ десять сестерцій [1])
Да затѣмъ уже будь грубымъ и дерзостнымъ ты;
Или, если тебя прельщаютъ деньги, то брось же
Сводникомъ быть и еще грубымъ и дерзкимъ притомъ.

---

102. Къ неизвѣстному Корнелію съ обѣщаніемъ свято хранить его тайну. Нѣкоторые желаютъ тутъ видѣть Корнелія Непота.

[4]) *Гарпократъ* смотри 74, 4—богъ молчанія.

103. Будь вѣжливъ, сводникъ Силонъ, или возврати мои деньги. Обстоятельства неизвѣстны.

[1]) Десять сестерцій, собственно 10 тыс. сестерцій, около 600 руб., какъ разъ та сумма, которую, смотри 41, Амеана запросила съ Катулла. Быть-можетъ то и другое стихотвореніе написаны по одному и тому же поводу.

104.

Къ Неизвѣстному о Лезбіи.

Ты полагаешь, что я свою жизнь былъ способенъ злословить,
Ту, что обоихъ моихъ мнѣ драгоцѣннѣе глазъ?
Нѣтъ, я не могъ, а когда бы я могъ, не любилъ бы такъ страстно,
Ты же съ Таппономъ всегда ужасы видишь во всемъ [4]).

105.

Къ хлыщу.

Хлыщъ, говорятъ, захотѣлъ на Пимплейскую гору подняться [1]),
Вилами музы сейчасъ сбросили сверху его [2]).

---

104. Мы уже видѣли, что впечатлительный Катуллъ нерѣдко рѣзко отзывался о любимой Лезбіи, но затѣмъ самъ находилъ въ этомъ признаки истинной страсти. Неизвѣстный, которому это онъ снова излагаетъ здѣсь, могъ слышать о выходкахъ Катулла стороной и выводить изъ этого непріятныя для поэта заключенія.

[4]) *Таппонъ*—неизвѣстный намъ пріятель неизвѣстнаго адресата, очевидно еще болѣе своего друга способенъ дѣлать изъ мухи слона.

105. Одна изъ удачнѣйшихъ эпиграммъ Катулла.

[1]) Гора и источникъ Пимплеи въ Піеріи у склона Олимпа были посвящены музамъ.

[2]) *Вилами*—поговорка, вмѣсто: безпощадно. Горац. I. Посл. 10, 24: «Вилой природу гони, она вернется обратно».

107.

Къ Лезбіи.

Если тому, кто алчетъ со страстью чего, попадется
Это нежданно, то вотъ гдѣ оно счастье души.
Вотъ почему мнѣ отрадно нынѣ, и злата дороже,
Что возвращаешь себя, Лезбія, страстному мнѣ,
Возвращаешь и страстному и безнадежному, сдавшись
Въ руки сама мнѣ. О день съ самою бѣлой чертой [6])!
Кто счастливѣй меня на свѣтѣ, иль что еще можно
Лучшаго въ жизни просить, кто это могъ бы сказать?

108.

Къ Коминію.

Если, Коминій, судомъ народнымъ покончатъ сѣдую
Старость твою, что пятналъ нравами гнусными ты,
То безъ сомнѣнья сперва, всему благому враждебный
Вырвутъ языкъ, чтобъ его коршунамъ жаднымъ отдать,
Выклевавъ очи, пожретъ ихъ черною глоткою воронъ,
Потрохъ собакамъ пойдетъ, прочіе члены волкамъ.

---

107. Къ Лезбіи, омрачившей душу поэта холодностію, какъ это изображено 8, и приведшей его въ восторгъ неожиданнымъ къ нему возвращеніемъ. Самыя повторенія указываютъ на избытокъ чувствъ.

[6]) Бѣлой чертой смотри 68, 148:

«*День, что бѣлѣйшей чертой можетъ отмѣтить она!*»

108. Хотя у Цицерона и встрѣчаются два брата Коминія и даже въ качествѣ обвинителей, но едва ли можно къ кому-либо изъ нихъ отнести то, что говорится въ настоящемъ стихотвореніи.

109.

Къ Лезбіи.

Ты обѣщаешь мнѣ, жизнь моя, что любовь между нами
Эта отрадна всегда будетъ на цѣлый нашъ вѣкъ.
Боги великіе, дайте, чтобъ вѣрно она обѣщала,
И говорила по всей правдѣ отъ чистой души,
Чтобы дано было намъ во все продолженіе жизни
Дружбы священный союзъ этотъ навѣкъ сохранить.

110.

Къ Ауфиленѣ.

Ауфилена, всегда мы добрыхъ подругъ восхваляемъ,
Всѣ онѣ плату берутъ, если за дѣло взялись.
Ты же мнѣ стала врагомъ; обѣщавъ, ты меня обманула.
Что не исполнивъ берешь—это поступокъ дрянной.
Или такъ дѣлать зазорно, иль обѣщаться безстыдно,
Ауфилена; но то, что получила, схватить,
Да въ уговорѣ надуть, вѣдь хуже развратницы жадной,
Что торгуетъ своимъ собственнымъ тѣломъ для всѣхъ.

---

109. Во всякомъ случаѣ обращается къ Лезбіи. Несмотря на нѣжность тона ст. 3—4 указываютъ на извѣстныя сомнѣнія въ правдивости обѣщаній.

110. «Не обѣщай, или держи обѣщанія». Ауфилена, любимая когда-то (100) Квинтіемъ, подвергается нападкамъ Катулла (110 и 111). Здѣсь именно за обманъ въ обѣщанномъ свиданіи. Мѣсто дѣйствія—Римъ, и поэтъ могъ познакомиться съ Ауфиленой, какъ съ соотечественницей изъ Вероны.

111.

Къ Ауфиленѣ.

Ауфилена, всю жизнь однимъ быть мужемъ довольной,
Это супругѣ хвала всякихъ превыше похвалъ;
Но съ кѣмъ хочешь и какъ тамъ хочешь падать— приличнѣй,
Чѣмъ себѣ братьевъ нажить, дяди родного дѣтей [4]).

113.

Къ Циннѣ.

Какъ впервые Помпей былъ консуломъ, Цинна, съ двоими [1])
Лишь Муцилла жила, нынѣ какъ консуломъ онъ
Сталъ вторично, тѣ два остались, но въ тысячу каждый [3])
Выросъ одинъ. Плодовитъ такъ сѣменами развратъ!

---

111. Новая эпиграмма по адресу Ауфилены, которую Катуллъ обвиняетъ въ недозволительномъ союзѣ съ роднымъ ея дядей, имени котораго мы не знаемъ. До временъ императора Клавдія бракъ между дядей и племянницей считался нечестіемъ.

4) Дѣти племянницы отъ дяди придутся ей съ материной стороны конечно не родными, а двоюродными братьями.

113. Стихотвореніе это обращено къ извѣстному намъ (10 и 95) поэту и другу Катулла Гаю Гельвію Циннѣ, творцу *Смирны* и товарищу Катулла въ Виѳиніи. Героиня эпиграммы названа (V) Мэциліей, но Плейтнеръ принимаетъ имя Муциллы за уменьшительное Муціи (Mucia), третьей супруги Помпея, который развелся съ нею 62 г. изъ-за ея невѣрности и связи съ Цезаремъ. Двоекратное упоминаніе Помпея дѣлаетъ это объясненіе вѣроятнымъ. Муція была сводная сестра Кв. Метелла Цэлера, супруга Клодіи.

1) Одинъ былъ Цезарь, а въ другомъ на самыхъ шаткихъ основаніяхъ видятъ Мамурру.

3) Весьма искусственно высказанная мысль, что вмѣсто двухъ любовниковъ стало ихъ двѣ тысячи.

114.

Къ хлыщу.

На Фирманскомъ холмѣ слыветъ не даромъ богатымъ [1]
Хлыщъ, ибо тамъ у него столько отличныхъ вещей,
Птичья охота, всѣ рыбы, покосы, нивы и звѣри.
Только напрасно: расходъ все превышаетъ доходъ.
Пусть же онъ будетъ богатъ, но лишь бы во всемъ онъ нуждался.
Радъ я имѣнье хвалить, будь лишь доходомъ онъ нищъ.

115.

Къ нему же.

У хлыща есть лѣса, десятинъ подъ тридцать покосовъ
На сорокъ есть и полей, все остальное пруды.
Какъ же ему не затмить богатствомъ даже и Креза,
Если въ имѣньи одномъ столько собралъ онъ добра:

---

114. О хлыщѣ (Mentula) смотри примѣч. къ 94. Онъ обладалъ близъ Фирмума большимъ помѣстьемъ. Но по свидѣтельству Катулла у него въ богатомъ имѣніи болѣе расхода, чѣмъ прихода, и онъ находится въ постоянной нуждѣ. Богатство Мамурры гораздо ярче выставлено въ 29, 3.

[1]) Близъ Фирмума—нынѣ *Fermo* въ Пиценѣ. Нѣкоторые критики хотѣли прочесть Формiанскомъ вмѣсто Фирманскомъ, чтобы еще ярче обозначить сближенiе Mentula съ Мамуррой, урожденцемъ Формiи (41, 4):

«*Нѣжный другъ гуляки Формiанца*».

[5]) Катуллъ мирится съ его богатствомъ, лишь бы оно было для него источникомъ мучительныхъ затрудненiй.

115. Рѣчь идетъ о томъ же хлыщѣ.

Сильное преувеличенiе размѣровъ имѣнiя съ одной стороны до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ, а съ другой до Океана.

Пашень, покосовъ, лѣсовъ, огромныхъ прудовъ до предѣловъ
Гиперборейцевъ, а тутъ до Океана пошло [6]?
Все это такъ велико, но самъ онъ великъ непомѣрно,
Только не человѣкъ, а ужасающій хлыщъ.

116.

Къ Геллію.

Часто прилежной душой на поиски я обращался,
Чтобъ Баттіада тебѣ пѣсни я могъ переслать [2];
Этимъ тебя я хотѣлъ смягчить, чтобъ не думалъ ты болѣ
Злобныхъ мнѣ стрѣлъ посылать, въ голову цѣлясь мою;
Вижу, что этотъ весь трудъ предпринятъ мною напрасно,
Геллій, и просьбы мои тутъ ничего не смогли.
Я укрываюсь отъ всѣхъ твоихъ стрѣлъ вотъ этой одеждой,
Ты же, моими пронзенъ, долженъ мученья принять.

---

116. Геллій, сличи примѣч. къ 74 ст. Стихотвореніе это надо отнести къ тому времени, когда Катуллъ быть-можетъ заслуженными упреками возстановилъ противъ себя бывшаго своего пріятеля, но затѣмъ, стараясь смягчить Геллія, послалъ или думалъ послать ему въ подарокъ своихъ стиховъ. Но когда озлобленный Геллій не принялъ любезнаго подарка, то Катуллъ поставляетъ ему на видъ, что отъ стрѣлъ Геллія онъ защитится даже тонкою одеждой, тогда какъ стрѣлами Катулла Геллій будетъ мучительно пронзенъ.

[2]) *Баттіадомъ* называетъ Катуллъ Каллимаха, стихотвореніе котораго онъ перевелъ для подарка Геллію (сличи 65, 16).

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
	В. С. Соловьеву	3
	Предисловіе	5
	Жизнь Катулла	13
1.	Къ Корнелію Непоту	27
2.	Къ воробью Лезбіи	28
3.	Плачъ о смерти воробья	29
4.	Къ Галерѣ	30
5.	Къ Лезбіи	31
6.	Къ Флавію	32
7.	Къ Лезбіи	33
8.	Къ самому себѣ	34
9.	Къ Веранію	35
10.	О возлюбленной Вара	—
11.	Къ Фурію и Аврелію	37
12.	Къ Азинію	39
13.	Къ Фабуллу	40
14 a)	Къ Лицинію Кальву	41
14 b)	Отрывокъ	42
16.	Къ Аврелію и Фурію	—
17.	Къ Колоніи	43
22.	Къ Вару	45
23.	Къ Фурію	46
24.	Къ Ювенцію	47
25.	Къ Ѳаллу	48
26.	Къ Фурію	49
27.	Къ мальчику прислужнику	50
28.	Къ Веранію и Фабуллу	51
29.	Къ Цезарю	52
30.	Къ Алфену	53
31.	Къ полуострову Сирміону	54

стр.

32. Къ Ипсиѳиллѣ. 55
34. Къ Діанѣ 56
35. Приглашеніе Цэцилію 57
36. Къ Анналамъ Волюзія 58
38. Къ Корнифицію 60
39. Къ Эгнатію. . . . . —
40. Къ Равиду 61
41. Къ возлюбленной Мамурры. 62
42. Къ Неизвѣстной 63
43. Къ подругѣ Мамурры 64
44. Къ своему помѣстью 65
45. Объ Акмѣ и Септиміи. 66
46. Къ самому себѣ о приходѣ весны 67
47. Къ Порцію и Сократіону 68
48. Къ Ювенцію 69
49. Къ М. Туллію. . . . . —
50. Къ Лицинію 70
51. Къ Лезбіи. (Подражаніе Саффо) 71
52. Къ самому себѣ о Струмѣ и Ватиніи 72
53. О комъ-то и Кальвѣ 73
54. Къ Цезарю. . . . . —
55. Къ Камерію 74
58. Къ Цэлію о Лезбіи. 75
58 b. 76
59. О Руфѣ и Руфулѣ 77
60. Къ Немилосердому. 78
61. На бракосочетаніе Виніи и Манлія . . . . —
62. Брачная пѣснь 90
63. Аттисъ 95
64. Свадьба Пелея и Ѳетиды 103
65. Къ Орталу 122
66. Коса Береники 124
67. Къ двери 130
68 a Къ Аллію 133
68 b 136
68 c 142
69. Къ Руфу 143
70. О непостоянствѣ женской любви 144
71. Неизвѣстному. . . . . —
72. Къ Лезбіи . . . . —

стр.

73. Неблагодарному . . . 145
74. Къ Геллію . . . —
87. 75. Къ Лезбіи . . . 146
76. Къ самому себѣ . . . 147
77. Къ Руфу . . . 148
78. О Галлѣ . . . 149
78 b . . . —
79. Къ Лезбію . . . 150
81. Къ Ювенцію . . . —
82. Къ Квинтію . . . 151
83. Къ мужу Лезбіи . . . —
84. Объ Арріи . . . 152
85. О своей любви . . . 153
86. О Квинтіи и Лезбіи . . . —
89. Къ Геллію . . . 154
90. Къ Геллію . . . —
91. Къ Геллію . . . 155
92. О Лезбіи . . . —
93. Къ Цезарю . . . 156
94. Къ хлыщу . . . —
95. Смирна, стихотвореніе Цинны . . . 157
96. Кальву о Квинтиліи . . . 158
98. Къ Виктію . . . —
99. Къ Ювенцію . . . 159
100. Къ Целію и Квинтію . . . 160
101. У могилы брата . . . —
102. Къ Корнелію . . . 161
103. Къ Силону . . . —
104. Къ неизвѣстному о Лезбіи . . . 162
105. Къ хлыщу . . . —
107. Къ Лезбіи . . . 163
108. Къ Коминію . . . —
109. Къ Лезбіи . . . 164
110. Къ Ауфиленѣ . . . —
111. Къ Ауфиленѣ . . . 165
113. Къ Циннѣ . . . —
114. Къ хлыщу . . . 166
115. Къ нему же . . . —
116. Къ Геллію . . . 167

2010513666